

ДЕМОНЫ РОК-Н-РОЛЛА В МОЕЙ ГОЛОВЕ
АВТОБИОГРАФИЯ

SLASH

«ЛУЧШИЙ ВЗГЛЯД НА
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ GUNS N' ROSES»

— GUITAR WORLD

ЛЕКСИКУ СОДЕРЖИТ
18+
НЕ ЦЕНЗУРОВАНО

Подарочные издания. Музыка

Сол Слэш Хадсон

Slash. Демоны рок-н-ролла в моей голове

«ЭКСМО»

2007

УДК 785:929(73)
ББК 85.318(3)-8

Хадсон С.

Slash. Демоны рок-н-ролла в моей голове / С. Хадсон — «Эксмо»,
2007 — (Подарочные издания. Музыка)

ISBN 978-5-04-113910-0

Обладатель премии Guitar International Magazine, человек, вошедший в Топ-100 величайших гитаристов всех времен по версии журнала Rolling Stone... Он свел с ума миллионы, щеголяя по сцене в черном цилиндре и солнцезащитных очках. Он стал живой легендой и самым олицетворением рок-музыки. Но его творческий путь был отнюдь не простым. Окунувшись в честную и безумную историю Слэша, вы узнаете: Как пятеро парней сколотили легендарную группу Guns N' Roses? Как «ганзы» стали легендами рока, которые до сих пор собирают целые стадионы? Почему в одночасье рухнуло все: слава, деньги и карьера? Как живет самому отвязному рок-музыканту с кардиостимулятором в груди? Станьте свидетелями рождения легенды хард-рока! В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 785:929(73)
ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-04-113910-0

© Хадсон С., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Об авторах	6
Команда проекта	7
Тщательно все обдумав (Вступление)	9
Глава 1. Из искры разгорится пламя	12
Глава 2. 20-дюймовый BMX hooligan	21
Глава 3. Как играть рок-н-ролл	31
Глава 4. Старшеклассник под кайфом	43
Глава 5. Мало шансов на успех	59
Глава 6. Учись жить как животное	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сол Слэш Хадсон

Slash. Демоны рок-н-ролла в моей голове

© А. Попова, перевод с английского языка, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается моей любящей семье за их поддержку в хорошие и плохие времена.

А также поклонникам Guns N' Roses во всем мире, старым и новым; без их бесконечной преданности и безграничного терпения ничто не имело бы значения.

Об авторах

Слэш живет в Лос-Анджелесе в Калифорнии со своей женой Перлой и двумя сыновьями, Ландоном и Кэшем¹.

Бывший штатный журналист издания «Роллинг Стоун» Энтони Бозза – автор трех бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс», включая книги «Кем бы вы меня ни называли: Жизнь и времена Эминема» (Whatever You Say I Am: The Life and Times of Eminem) и «Томмилэнд» (Tommyland), автобиографию Томми Ли, барабанщика Mötley Crüe. Он живет в Нью-Йорке.

¹ Книга вышла в 2007 году. В 2018 году Слэш развелся с Перлой. В 2016 году Слэш помирился с Акселем Роузом и снова начал играть в составе Guns N' Roses. – Примеч. пер.

Команда проекта

ЕКАТЕРИНА ТИМОФЕЕВА, ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР:

Осторожно! Не для моралистов. Много сленга, ненормативной лексики и пикантных подробностей. Но без этого не получилось бы такого правдоподобного и живого рассказа.

Для меня, как человека, совершенно незнакомого ни с одним из героев и музыкальным направлением в целом, работа над рукописью стала интересным путешествием в параллельный, новый и неизведанный мир. Мир музыкантов и их творческого мироощущения и самоопределения. Мир бездумных действий и безумных поступков. Мир одиночества и потерь, поиска себя, неосознанности и просветления.

История, рассказанная Слэшем, – это не просто история творчества и создания групп Guns N'Roses и Velvet Revolver, хронология интересных событий и откровенных подробностей, которые несомненно заинтересуют поклонников творчества Слэша и фанатов хард-рока.

История Слэша – это о боли и ее преодолении каждым из нас, о дружбе, любви и семье, о сложных отношениях с миром и собой, о борьбе с самыми сильными зависимостями, об испытании славой и деньгами. Но главное, что это история о жгучем желании следовать своему пути вопреки.

Это книга-откровение, вселяющая веру в тех, кто оказался за бортом. Своим честным рассказом Слэш дарит надежду на возрождение каждому, даже когда кажется, что выхода нет.

АДМИНИСТРАЦИЯ WE LOVE GUNS N' ROSES, КРУПНЕЙШЕГО РОССИЙСКОГО ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА, ПОСВЯЩЕННОГО ГРУППЕ

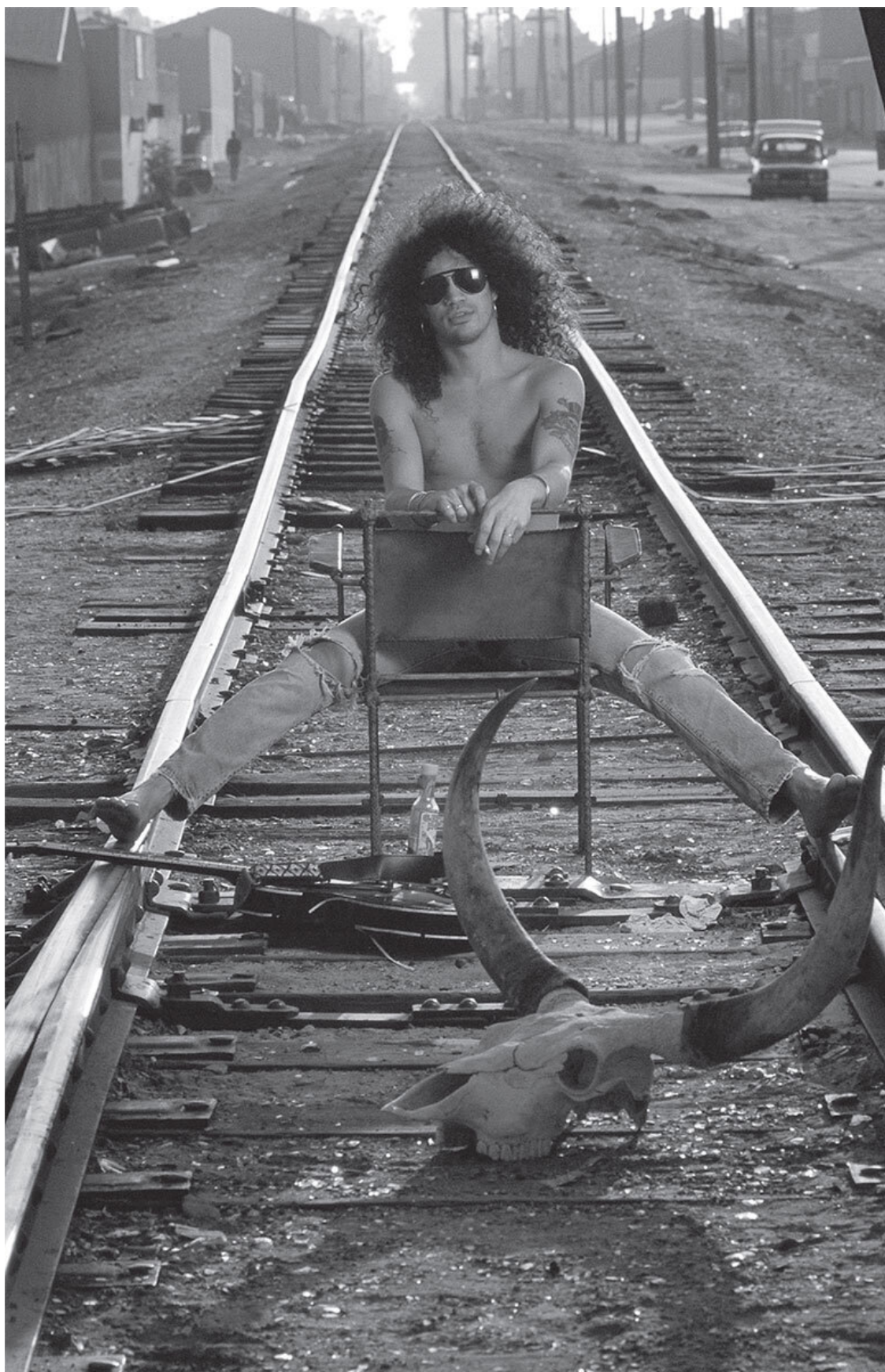
Гитара, цилиндр, кудри, сигарета. Слэш – музыкант, не нуждающийся в представлении. Но что скрывается за одним из самых узнаваемых образов? Какие переживания преследовали культового гитариста до и после обретения всемирной популярности? С чем приходилось бороться и какие трудности преодолевать по мере развития творческой карьеры? Обо всем этом и многом другом он рассказывает нам в данной автобиографии – книге, возможно, не претендующей на истину в последней инстанции, но позволяющей взглянуть на окружающий мир непосредственно из-под черных кудрей и вместе со Слэшем пережить ключевые моменты его жизненного пути.

ДАРЬЯ МОЖАЕВА, КОРРЕКТОР:

Как и у любого рок-музыканта того времени, у Слэша жизнь была насыщена творчеством, приключениями, гастроями, взлетами и падениями, наркотиками и женщинами. Читая и работая над книгой, ты немного узнаешь настоящий внутренний мир гитариста, не навязанный лейблом и общественным мнением, – и это ценно и важно.

АННА ПОПОВА, ПЕРЕВОДЧИК:

Перевод книги оказался непростой работой, да и сам жизненный путь автора – сильного увлеченного человека – никогда не был прост. Повествование увлекает и затягивает, позволяет заглянуть за кулисы рок-сцены от прокуренных клубов до многотысячных стадионов. События описаны настолько живо и объемно, что у читателя появляется возможность «пережить» их вместе с автором, покататься на американских горках музыкального бизнеса, ощутить эйфорию взлетов и горечь падений. Всё потому, что герой то с головой окунается в происходящее под рёв гитар, крики восторженных фанатов и вой полицейских сирен, то отстраняется и с лёгкой иронией рассматривает ситуацию со стороны, анализируя мотивы своих поступков. Особо интересно следить за тем, как и почему собираются и распадаются десятки музыкальных групп, и как лишь немногие из них становятся великими.

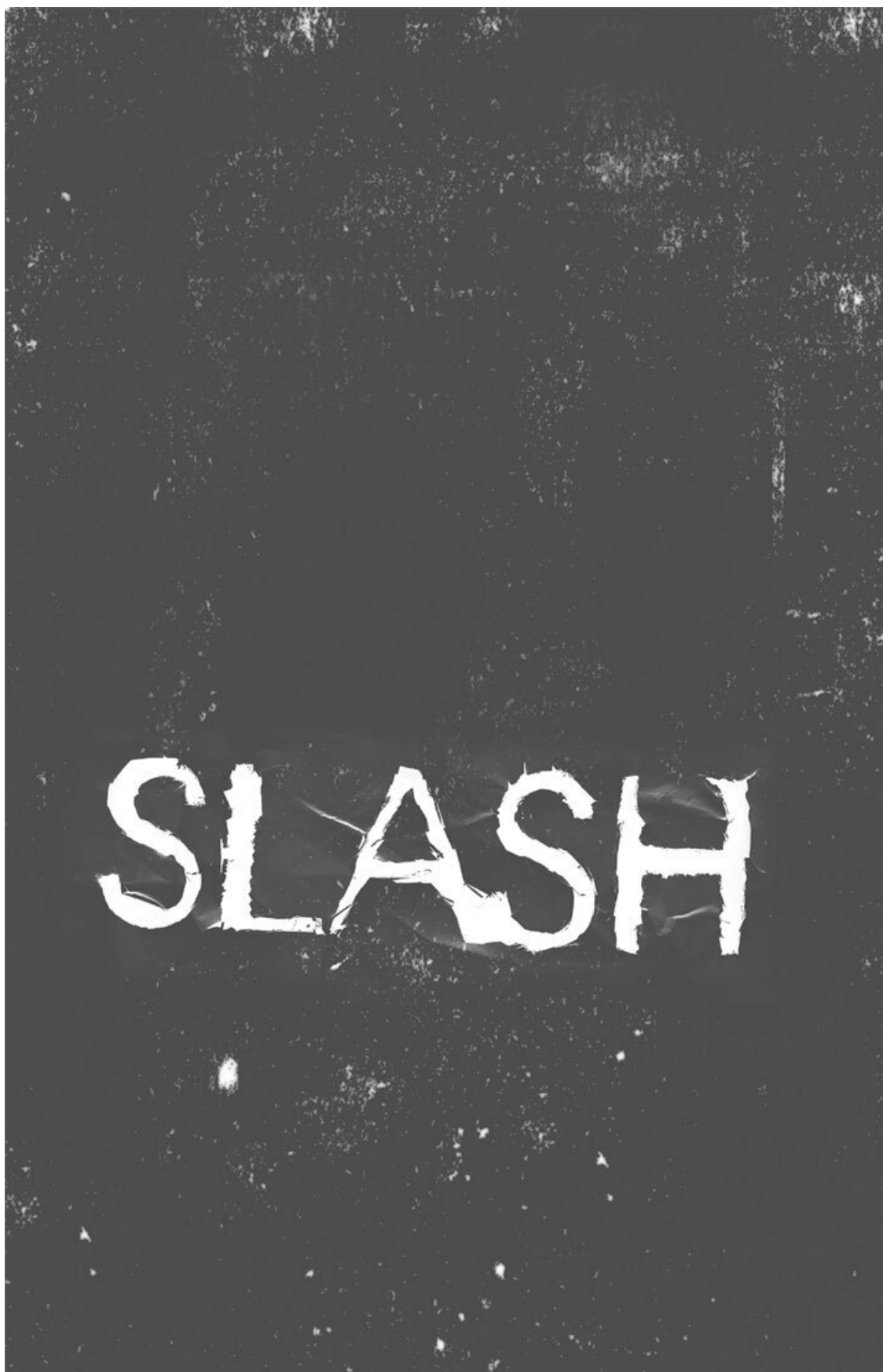
Тщательно все обдумав (Вступление)

Меня словно ударили в грудь бейсбольной битой, только изнутри. В уголках глаз мерцали яркие голубые пятна. Это было внезапное, бескровное, молчаливое насилие. Ничего не сломалось, и при беглом взгляде даже ничего не изменилось, но от боли словно замер весь мир. Я все играл. Доиграл песню. Зрители не знали, что сердце мое исполнило сальто прямо перед солом. На мое тело обрушилось кармическое возмездие, прямо на сцене напомнив мне о том, сколько раз я специально вводил его в мертвую петлю химическими веществами.

Резкий толчок быстро перешел в тупую боль, и от нее стало даже приятно. Я ощущал себя более живым, чем всего мгновение назад, потому что *на самом деле* был более живым. Механизм в сердце напомнил мне, насколько драгоценна эта жизнь. Он дал о себе знать с безупречной точностью: я стоял на сцене перед полным стадионом людей и услышал его послание громко и четко. В тот вечер я услышал его несколько раз. И после этого еще несколько раз на сцене. Я не знал, когда это произойдет, и, как бы сильно меня тогда ни сковывало, я не жалею о тех моментах отчужденности и ясности ума.

Мне в сердце установили дефибриллятор, когда мне было тридцать пять. Пятнадцать лет чрезмерного употребления алкоголя и наркотиков раздули этот орган до такой степени, что он едва не взорвался. Когда меня наконец положили в больницу, мне сказали, что жить осталось от шести дней до шести недель. С тех пор прошло шесть лет, и этот механизм спасал мою жизнь уже больше двух раз. Я успел насладиться еще одним побочным эффектом, о котором врач не предупредил: когда из-за каких-либо веществ сердце начинало биться слишком медленно, что опасно, дефибриллятор отключался и таким образом отсрочивал приближение смерти еще на один день. Кроме того, он нормализует сердечный ритм, когда сердце бьется слишком быстро, и предотвращает его остановку.

Хорошо, что перед первым турне Velvet Revolver я догадался его настроить. Большую часть того турне я ничего не принимал. Я был настолько трезв, что даже волнение от игры на сцене с группой, в которую я верил, перед фанатами, которые верили в нас всех, тронуло меня до глубины души. Уже много лет я не испытывал такого вдохновения. Я бегал по сцене и купался в нашей коллективной энергии. Сердце колотилось от возбуждения настолько сильно, что, без сомнения, каждый вечер запускало внутри меня этот секретный механизм. К тому времени напоминания были мне уже не нужны, а за несколько лет до того я был им несказанно рад. Эти моменты я запомнил как откровения. Эти странные мгновения вне времени заключали в себе всю ценность с трудом заслуженной мудрости.

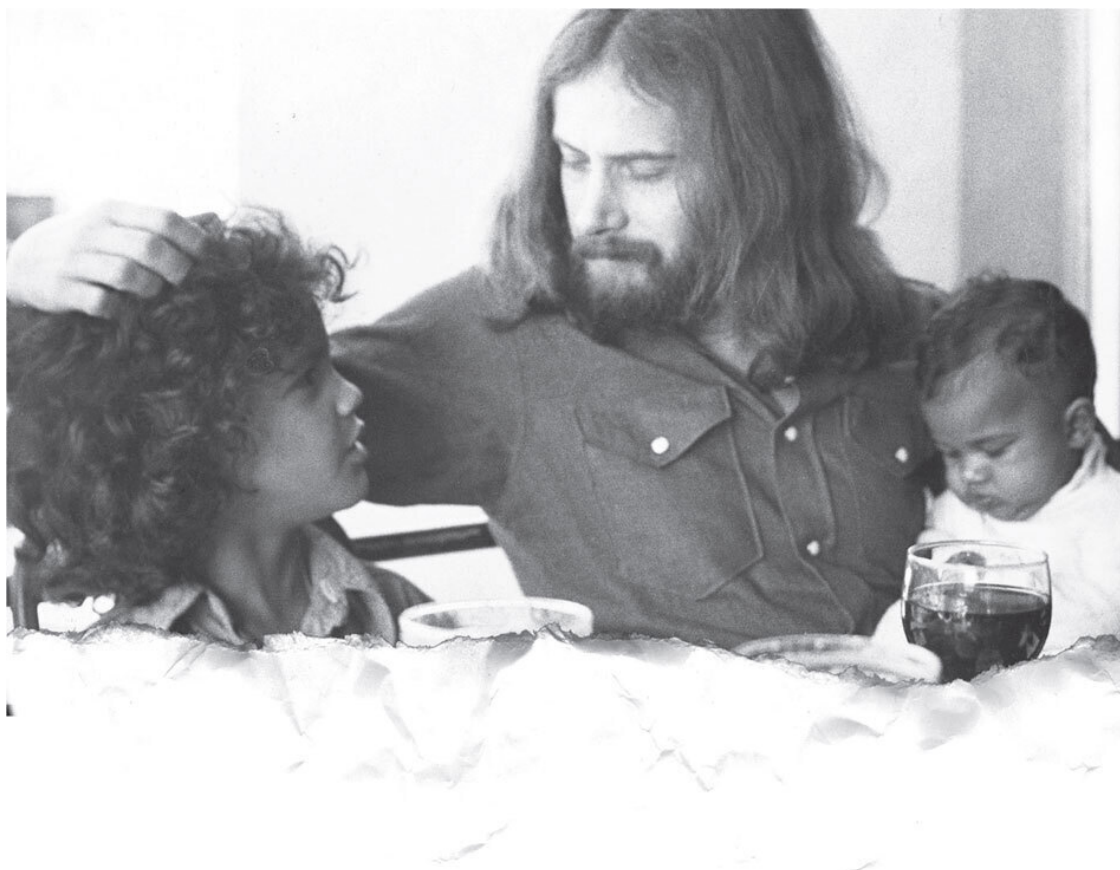

Родители Слэша обожали фотографировать. Эту фотографию, похоже, сделал его папа

Глава 1. Из искры разгорится пламя

Я родился 23 июля 1965 года в Хэмпстеде в Англии, а вырос в Сток-он-Тренте, городе, где за двадцать лет до меня родился Лемми Килмистер из Motörhead. В тот год рок-н-ролл, каким мы его знаем, стал гораздо обширнее, чем сумма его составных частей. В тот год несколько несвязанных друг с другом групп навсегда изменили поп-музыку. В тот год The Beatles выпустили альбом Rubber Soul, а Stones – альбом The Rolling Stones № 2, лучший из своих коллекций блюзовых каверов. Это была творческая революция, не имеющая аналогов в истории, и я рад, что являюсь ее побочным продуктом.

Тони Хадсон и его сыновья, 1972.

Слэш выглядит в точности как его сын Ландон

Моя мама – афроамериканка, а папа – белый англичанин. Они познакомились в Париже в шестидесятые, влюбились друг в друга и родили меня. Межрасовые и межконтинентальные браки тогда были за гранью нормального, как и их свободное творчество. Я благодарю их за то, что они такие, какие есть. Они привели меня в мир настолько богатый, яркий и уникальный, что все, что случилось со мной даже в раннем детстве, оставило на мне неизгладимый след. Мои родители относились ко мне как к равному с тех пор, как я научился стоять. И они научили меня взаимодействовать со всем в своей жизни единственным способом, который мне известен.

Когда родители познакомились, Оле, моей маме, было семнадцать, а отцу, Энтони (все его звали Тони), было двадцать. Отец был прирожденным художником, и, как исторически принято у художников, он уехал из своего душного родного города, чтобы очутиться в Париже.

Моя мама была не по годам развитой и жизнерадостной, молодой и красивой; она уехала из Лос-Анджелеса, чтобы посмотреть мир и завести связи в мире моды. В этом путешествии они встретились, полюбили друг друга, а позже поженились в Англии. Потом появился я, и они начали строить совместную жизнь.

Мама стала художником по костюмам примерно в 1966 году, и за карьеру ее клиентами успели стать Флип Уилсон, Ринго Старр и Джон Леннон. Она также работала на The Pointer Sisters, Хелен Редди, Линду Ронстадт и Джеймса Тейлора. Сильвестр тоже был одним из ее клиентов. Его больше нет с нами, но когда-то он был артистом диско, напоминающим веселого Слая Стоуна. У него был отличный голос, и в моих глазах он был очень хорошим человеком. Сильвестр подарил мне черно-белую крысу, которую я назвал Микки. Микки был засранцем. Он и ухом не вел, когда я кормил змей другими крысами. Он выжил даже после того, как мой младший брат вышвырнул его из окна моей спальни. Микки как ни в чем не бывало появился у нашей задней двери три дня спустя. Еще Микки пережил незапланированную ампутацию кусочка хвоста, оттяпанного нашим раскладным диваном, и прожил около года без еды и воды. Мы случайно забыли его в квартире, которую использовали как склад для вещей. Потом я как-то пришел забрать оттуда пару коробок, а Микки так невозмутимо подошел ко мне, словно меня не было всего день, как бы говоря: «Здорово! Где ты был?»

Микки был одним из моих самых запоминающихся питомцев. Их было много, начиная с пумы по имени Кертис и заканчивая сотнями змей, которых я сам вырастил. **По сути, я зоолог-самоучка, и определенно у меня более тесные отношения с животными, которые у меня жили, чем с большинством знакомых людей. С этими животными мы разделяем одну точку зрения, о которой большинство людей забывает: жизнь – это в конечном счете выживание. Если усвоить этот урок, то доверие животного, которое в дикой природе съело бы тебя живьем, становится еще важнее и приятнее.**

Вскоре после моего рождения мама вернулась в Лос-Анджелес, чтобы расширить свой бизнес и заложить финансовую основу благополучия нашей семьи. До четырех лет отец растил меня в Англии, в доме своих родителей, Чарльза и Сибил Хадсон, и ему это далось нелегко. Я был довольно сообразительным ребенком, но не мог оценить всю силу напряженности в семье. У моего отца и его отца Чарльза, насколько я понимаю, сложились не самые лучшие отношения. Тони средний из трех сыновей, и он был во всех отношениях средним сыном-выскочкой. Его младший брат Иэн и старший брат Дэвид гораздо лучше усвоили семейные ценности. Мой отец ходил в художественную школу; он воплощал все, чем его отец не являлся. Тони был *шестидесятником* и отстаивал свои убеждения так же искренне, как его отец их осуждал. Мой дед Чарльз – пожарный из Стока, города, которому каким-то образом удавалось не меняться на протяжении всей истории. Большинство жителей Стока никогда оттуда не уезжают; многие из них, как и мои бабушка и дедушка, никогда не отваживались даже доехать до Лондона. Твердое намерение Тони поступить в художественную школу и зарабатывать на жизнь живописью Чарльзу так и не удалось переварить. Полярные мнения приводили к постоянным спорам и часто к ожесточенным перепалкам. Тони утверждает, что Чарльз избивал его до потери сознания почти всю его юность.

Мой дед был таким же типичным представителем Британии 1950 годов, как отец – 1960-х. Чарльзу хотелось, чтобы все всегда оставалось на своих местах, а Тони только и думал о том, чтобы все переставить и перекрасить. **Представляю, какое потрясение испытал мой дед, когда его сын вернулся из Парижа с беспечной чернокожей американкой. Интересно, что он сказал, когда Тони заявил ему, что собирается жениться и растить сына у бабушки с дедушкой, пока они с мамой не приведут свои дела в порядок. Учитывая все эти обстоятельства, я до глубины души тронут тем, какой дипломатический такт проявили все, кого коснулась эта ситуация.**

Папа отвез меня в Лондон, как только я достаточно подрос для поездки на поезде. Мне было года два или три, но я уже примерно понимал, насколько далеки от Лондона бесконечные коричневые кирпичные стены Стока и его старомодные семьи, потому что мой отец был немного богемным. Мы ночевали у кого-то в гостях и несколько дней не возвращались домой. Там были лавовые лампы, черные фонари и вечная суэта открытых фотостудий и художников на Портобелло-роуд. Отец никогда не считал себя битником, но он впитал этот образ жизни словно губка. Как будто он сам выбирал самые яркие моменты в жизни: любовь к приключениям, поездки без багажа, ночевки в квартирах, где полно интересных людей. Родители многому меня научили, но первым я усвоил главный урок – ничто не сравнится с жизнью в дороге.

В моих воспоминаниях об Англии только хорошее. В семье бабушки и дедушки я всегда был в центре внимания. Ходил в школу, играл в пьесе «Двенадцать дней Рождества», а в «Маленьком барабанщике» исполнял главную роль, все время рисовал. А раз в неделю смотрел «Мстителей»² и мультсериал «Тандерберды: Международные спасатели». Телевидение в Англии конца шестидесятых годов было крайне ограниченным и отражало послевоенный, черчиллевский взгляд на мир поколения моих дедушки и бабушки. Тогда было всего три канала, и, если не считать двух часов в неделю, когда по ним показывали эти две передачи, все три показывали только новости. Неудивительно, что поколение моих родителей с головой окунулось в происходящий культурный сдвиг.

Как только мы с Тони приехали к Оле в Лос-Анджелес, он перестал общаться со своими родителями. Они просто исчезли из моей жизни, и я часто по ним скучал. Мать уговаривала отца поддерживать связь с родителями, но без толку: ему это было неинтересно. Я не виделся с родственниками из Англии до тех пор, пока Guns N' Roses не прославились на весь мир. Когда мы играли на стадионе Уэмбли в 1992 году, клан Хадсонов явился полным составом: за кулисами перед концертом я наблюдал, как один из моих дядей, мой двоюродный брат и мой дедушка, первый раз в жизни приехав в Лондон из Стока, осушили до капли все запасы спиртного у нас в гримерке. А запасы были немаленькие и убили бы наповал любого, но только не нас.

Мое первое воспоминание о Лос-Анджелесе – это песня группы Doors Light My Fire, которая каждый день играла в проигрывателе у родителей, причем крутилась она целый день на повторе. В конце шестидесятых – начале семидесятых Лос-Анджелес был *самым подходящим* местом для занятий искусством или музыкой, особенно если ты из Британии: там было достаточно творческой работы по сравнению со скучной системной Англией, а погода по сравнению с вечным лондонским дождем и туманом казалась просто райской. Кроме того, бегство из Англии к берегам янки – лучший способ сбросить с плеч груз системы и воспитания – и мой отец сделал это с радостью.

Мать работала модельером, а отец применял свой природный художественный талант в графическом дизайне. У мамы были связи в музыкальной индустрии, поэтому папа скоро начал рисовать обложки музыкальных альбомов. Мы жили неподалеку от бульвара Лорел Каньон, в районе в стиле шестидесятых, наверху Лукаут-Маунтин-роуд. Этот район Лос-Анджелеса всегда был творческой гаванью благодаря богемному ландшафту. Дома там расположены прямо на склоне горы среди пышной листвы деревьев. Они представляют собой бунгало с гостевыми домами и огромным количеством построек, которые позволяют жить в органичной коммуне. **Когда я был маленьким, там располагался очень уютный узкий круг художников и музыкантов: в нескольких домах от нас жила Джонни Митчелл. Джим Моррисон тогда жил за магазином «Каньон», как и молодой Гленн Фрай, который как раз тогда собирал группу Eagles. Это была атмосфера, где все друг с другом связаны: мама создавала одежду для Джонни, а папа рисовал ей обложки альбомов. Дэвид Геффен**

² Английский телесериал ABC о паре агентов, которые распутывают фантастические преступления.

тоже был нашим близким другом, и я его хорошо помню. Много лет спустя он подписал контракт с Guns N' Roses, хотя тогда не знал, кто я такой, и я ему не сказал. Он позвонил Оле на Рождество 1987 года и спросил, как у меня дела. «Ты-то уж должен знать, как у него дела, – ответила она. – Ты только что выпустил пластинку его группы».

Прожив на Лорел Каньон пару лет, мы переехали на юг, в квартиру на Дохени. Я пошел в другую школу и как раз тогда осознал, насколько отличается жизнь обычных детей. У меня никогда не было традиционной «детской» комнаты, где полно игрушек и все разукрашено цветами радуги. У нас дома никогда не было простых нейтральных цветов. В воздухе всегда царил аромат травки и благовоний. Общество было ярким, а цветовая гамма – темной и приглушенной. Меня это устраивало, потому что мне было неинтересно общаться с ровесниками. Я предпочитал компанию взрослых, потому что друзья моих родителей до сих пор одни из самых ярких личностей, которых я когда-либо знал.

Я слушал радио двадцать четыре часа в сутки, обычно станцию КНЖ в диапазоне АМ. Под нее я и засыпал. Я делал уроки и получал хорошие оценки, правда, учитель говорил, что у меня проблемы с вниманием, а еще я вечно витаю в облаках. По правде говоря, моей страстью было искусство. Я любил французского художника-постимпрессиониста Анри Руссо и, как и он, рисовал сцены джунглей, где полно моих любимых животных. Одержимость змеями началась очень рано. В шесть лет мама впервые взяла меня с собой в Биг-Сур в Калифорнии, мы навестили ее подругу и пошли в поход, и там я часами ловил змей в лесу. Я копался под каждым кустом и деревом, пока пустой аквариум не заполнялся змеями. А потом я их отпускал.

Это не единственное удовольствие в том походе: мама и ее подруга были дикими, беззаботными молодыми женщинами и радостно гоняли на мамином «Фольксвагене Жук» по извилистому серпантину. Помню, как мы неслись вдоль обрыва и я испугался до смерти, глядя в окно на скалы и океан внизу в нескольких сантиметрах от моей двери.

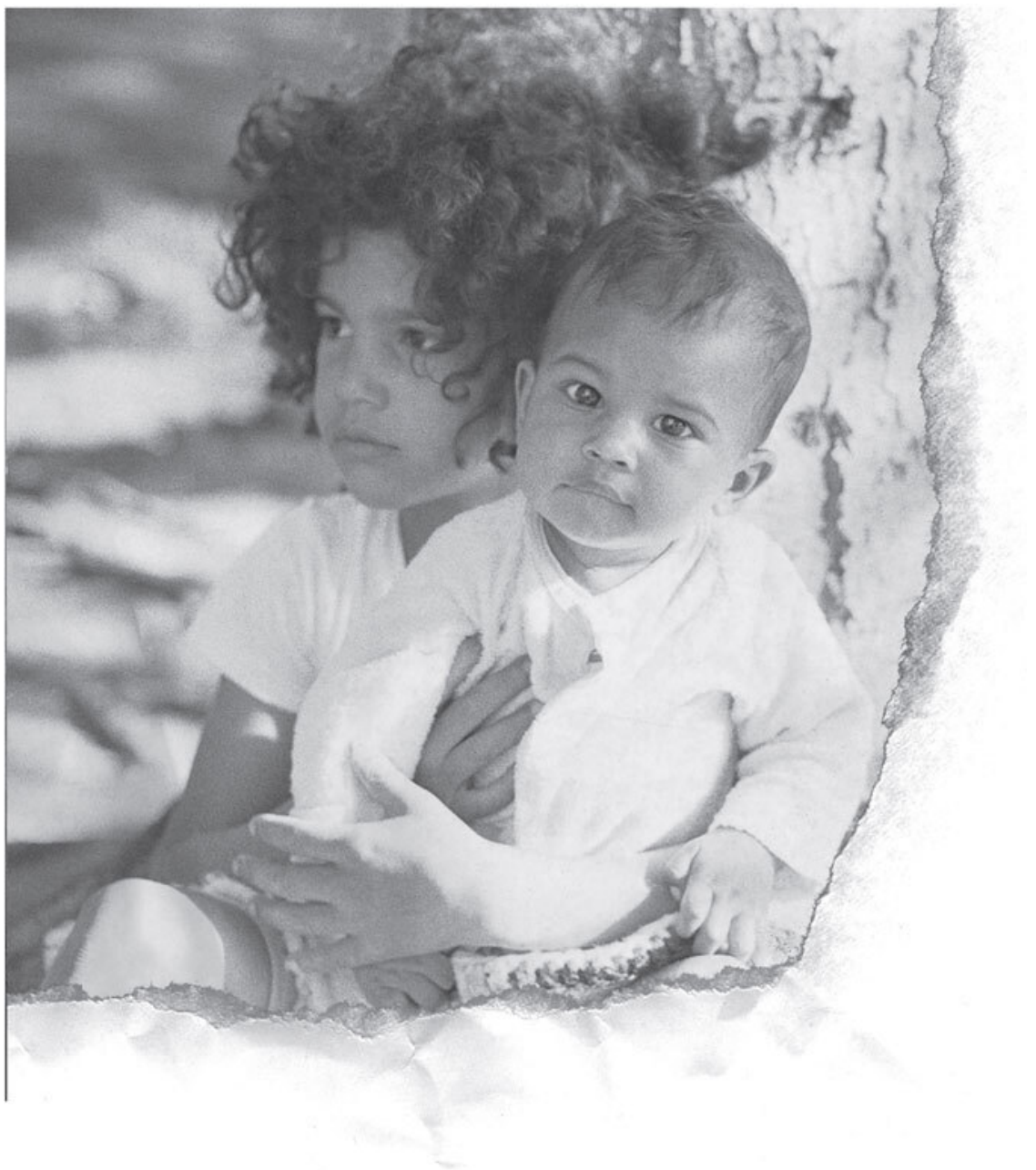
Я по-прежнему завожусь, как только вижу гитару.

Родительская коллекция пластинок была безупречна. Они слушали все: от Бетховена до Led Zeppelin, – и я постоянно находил новые сокровища в их библиотеке, даже когда уже был подростком. Я знал каждого исполнителя того времени, потому что родители постоянно водили меня на концерты, а мама часто брала с собой на работу. Я попал за кулисы индустрии развлечений, еще когда был совсем маленьким. Я бывал на студиях звукозаписи и репетиционных базах, а также на телевизионных и съемочных площадках. Я побывал на записи и репетициях Джони Митчелл, а еще смотрел как Флип Уилсон (комик, очень популярный тогда, но со временем ушедший в забвение) записывает свое телешоу. Я видел репетиции и выступления австралийской поп-певицы Хелен Редди и был на концерте Линды Ронстадт в «Трубадуре». Еще мама брала меня с собой, когда наряжала Билла Косби на стендап и шила его жене несколько нарядов; помню, как ходил с ней на выступление The Pointer Sisters. На подобных мероприятиях она работала на протяжении всей карьеры, тогда, когда мы жили в квартире на Дохени, ее бизнес переживал взлет: к нам домой приходила Карли Саймон, а еще соул-певица Минни Рипертон. Я познакомился со Стиви Уандером и Дайаной Росс. Мама говорит, что я виделся с Джоном Ленноном, но, к сожалению, этого совсем не помню. Зато помню встречу с Ринго Старром. Это мама придумала тот самый наряд в стиле Parliament-Funkadelic, в котором Ринго запечатлен на обложке своего альбома *Goodnight Vienna* 1974 года. На нем там такой костюм металлического цвета с высоким поясом и белой звездой на груди.

Сначала Слэш думал, что он динозавр, а потом превратился в Маугли

Все, что я видел и слышал за кулисами и на концертах вместе с мамой, казалось мне каким-то волшебством. Я понятия не имел, что происходит, но все махинации, совершающиеся на сцене и за сценой, меня просто очаровывали и продолжают очаровывать по сей день. Меня все так же волнует пустая сцена с инструментами, которые ждут своих музыкантов. Я по-прежнему завожусь, как только вижу гитару. И в сцене, и в гитаре есть что-то волшебное: при правильном обращении они обладают способностью раздвигать границы реальности.

Слэш и его брат Альбион на ранчо Ла-Брея

Мой брат Альбион родился в декабре 1972 года. Благодаря ему динамика в нашей семье немного изменилась – в ней появилась новая личность. Было здорово иметь маленького брата, и мне нравилось о нем заботиться. Мне нравилось, когда родители просили за ним присмотреть.

Вскоре после этого я начал замечать в нашей семье большие перемены. Когда родители были вместе, то вели себя как-то по-другому, а видеться стали реже. Думаю, все стало плохо, как только мы переехали в квартиру на Дохени-драйв и бизнес мамы стал по-настоящему процветать. Кстати, мы жили по адресу Норт-Дохени, 710 – сейчас там пусто, а в декабре продаются рождественские елки. Стоит упомянуть, что с нами соседствовал настоящий Элвис, как

он сам себя назвал – Черный Элвис, – и его выступление можно заказать на вечеринку в Лас-Вегасе, если кому-то нужно.

С годами я стал осознавать некоторые очевидные проблемы, которые разъедали тогда отношения родителей. Отцу никогда не нравилось, что у мамы очень близкие отношения с матерью. Когда теща помогала семье материально, страдала его гордость, и ему претило ее вмешательство в дела семьи. Его пьянство делу не помогало: отец любил выпить – и много. Пить ему было противопоказано: он никогда не проявлял жестокости, потому что слишком умен и сложен, чтобы выражать себя через грубое насилие, но от алкоголя характер у него портился. Когда он напивался, то отвечивал неуместные замечания всем, кто находился рядом. Стоит ли говорить, что так он сжег немало мостов.

Мне было всего восемь, но я уже тогда должен был понять, что все плохо. Родители всегда относились друг к другу с уважением, а за несколько месяцев до разрыва стали совсем друг друга избегать. Мама почти каждый вечер не было дома, а папа сидел на кухне, угрюмый и такой одинокий, пил красное вино и слушал фортепианные композиции Эрика Сати. Если мама была дома, мы с папой надолго уходили гулять.

Он всюду ходил пешком, и в Англии, и в Лос-Анджелесе. В Лос-Анджелесе еще до Чарльза Мэнсона – то есть до того, как клан Мэнсонов убил Шэрон Тейт и ее друзей, – мы везде ездили автостопом. До того Лос-Анджелес был невинен; эти убийства положили конец утопическим идеалам эпохи хиппи шестидесятых.

Мои детские воспоминания о Тони напоминают кадры из кино: целый день я гулял с ним, глядя на него снизу вверх. В конце одной из таких прогулок мы с ним пошли в закусочную «Фэтбургер», и там он сказал мне, что они с мамой расстаются. **Я был убит горем. Семьи – единственного, что я считал в своей жизни стабильным, – больше нет. Я не задавал вопросов, просто молча смотрел на свой гамбургер. Вечером мама усадила меня рядом с собой, чтобы объяснить ситуацию, и указала на практические преимущества: мне предстояло жить на два дома.** На мгновение я задумался об этом, и это даже имело смысл, но почему-то звучало как ложь. Я кивал, пока она говорила, но уже перестал слушать.

Расставание прошло довольно по-дружески, но все равно неловко, потому что развелись они только спустя несколько лет. Они часто жили в нескольких минутах ходьбы друг от друга и общались в одном и том же кругу друзей. Когда родители расстались, моему младшему брату было всего два года, поэтому по очевидным причинам они согласились, что он должен остаться с мамой, а мне дали возможность выбора, и я решил тоже жить с ней. Ола поддерживала нас, как могла, и постоянно ездила по делам, куда бы они ее ни привели. Нам с братом пришлось постоянно перемещаться между маминым и бабушкиным домом, потому что нас не с кем было оставить. У родителей дома всегда было шумно, интересно, необычно, – но такой дом представлял некую стабильность. Как только они разорвали отношения, постоянные перемещения с места на место стали для меня нормой.

Расставание тяжело ударило по отцу, и какое-то время мы с ним вообще не виделись. Нам всем было нелегко. В конце концов, когда я увидел маму в компании другого мужчины, реальность обрушилась на меня со всей силой. Этим мужчиной был Дэвид Боуи.

В 1975 году моя мать начала работать с Дэвидом Боуи, когда он записывал альбом Station to Station; она занималась его костюмами еще со времен альбома Young Americans. Когда он подписал контракт на главную роль в фильме «Человек, который упал на Землю», маму наняли создавать для этого фильма костюмы, а съемки проходили в Нью-Мексико. На съемках у них с Боуи закрутился роман, правда, не очень бурный. Думая об этом сейчас, я понимаю, что это, может, вовсе не так уж и важно, но тогда это было все равно, что наблюдать, как у тебя на заднем дворе приземляется инопланетянин.

После развода родителей мы с мамой и братом переехали в дом на Рэнджли-драйв. Дом был очень классный: стены гостиной были небесно-голубыми, и по ним плыли облака. Там стояло пианино, а мамина коллекция пластинок занимала целую стену. Было очень уютно. Боуи часто к нам заходил со своей женой Энджи и сыном Зоуи. Семидесятые годы – это нечто: казалось совершенно естественным, что Боуи приводит жену и сына домой к своей любовнице, чтобы всем вместе потусоваться. В то время мама занималась трансцендентальной медитацией, как и Дэвид. Они пели перед святилищем у нее в спальне.

Дэвида я принял сразу, потому что он был умным, веселым и невероятно творческим. Благодаря тому, что я общался с ним за кулисами, я стал лучше понимать его творчество на сцене. Мы с мамой ходили к нему на концерт на лос-анджелесский «Форум» в 1975 году, и в тот момент, когда он вышел на сцену в образе, шоу полностью меня захватило, как и много раз после этого. Весь его концерт отражал саму суть исполнительского искусства. Знакомые мне черты человека, с которым я был лично знаком, на сцене возводились в крайность. **Он обратился к корням: быть рок-звездой – значит сочетать в себе того, кто ты есть, и того, кем ты хочешь быть.**

Глава 2. 20-дюймовый BMX hooligan

Вот так живешь и не ждешь, что почва может вдруг уйти у тебя из-под ног. События, меняющие жизнь, обычно не объявляют о себе заранее. Инстинкт и интуиция иногда помогают и предупреждают о чем-то, но вряд ли они подготовят к ощущению полного отсутствия опоры, когда весь твой мир переворачивается вверх дном. Гнев, смятение, печаль и разочарование образуют внутри тебя огромный снежный ком. На то, чтоб осела эмоциональная пыль, уходят годы, а ты тем временем стараешься хоть что-то рассмотреть в сплошном тумане бури.

Мои родители расстались довольно спокойно. Не было ни криков, ни некрасивых поступков, ни адвокатов, ни судов. И все же на то, чтобы научиться жить с этой болью, у меня ушли годы. Какая-то часть меня осталась в прошлом, и мне пришлось заново строить себя на своих условиях. Я тогда многому научился, но эти уроки все равно не помогли мне, когда распалась вторая моя семья. **Guns N' Roses начали трещать по швам, и я видел знаки предстоящего разрыва. Несмотря на то что ушел я сам, меня захватила та же буря чувств, что и в детстве, и было так же трудно снова найти свой путь.**

Когда разошлись родители, я внезапно сильно изменился. В душе я по-прежнему был хорошим, но внешне превратился в проблемного ребенка. Выражение эмоций всегда давалось мне непросто, а то, что я тогда переживал, невозможно было выразить словами, поэтому я последовал естественным наклонностям – стал вызывая себе вести и нарушать дисциплину в школе.

Хотя родители обещали, что ничего не изменится и у меня теперь просто будет два дома, – так, конечно же, не получилось. В первый год после разрыва я почти не виделся с отцом, а, когда виделся, встречи проходили напряженно и как-то странно. Как я уже говорил, развод стал для него серьезным ударом, и мне было непросто наблюдать, как он учится жить по-новому; какое-то время у него вообще не получалось работать. Он жил очень скромно и общался в основном со своими друзьями-художниками. Когда я приходил, отец брал меня с собой к друзьям, и они пили много красного вина, обсуждали искусство и литературу, и разговор обычно приходил к Пикассо, любимому художнику отца. Мы с папой тоже отправлялись на поиски приключений – в библиотеку или в художественный музей, где вместе садились и рисовали.

Мама проводила дома меньше времени, чем когда-либо; она постоянно работала и часто была в разъездах, чтобы содержать нас с братом. Мы много времени проводили с бабушкой Олой-старшей. Она всегда спасала нас, когда маме не удавалось свести концы с концами. Еще мы бывали у тети и играли с ее детьми. Они жили на юге Лос-Анжелеса в шумном доме с кучей детей. Бывая там, мы получали то самое недостающее ощущение семейного уюта. Несмотря на все это, у меня было слишком много свободного времени, и я этим воспользовался.

Я быстро повзрослел. Мне было двенадцать, и я уже занимался сексом, пил, курил, принимал наркотики, воровал, меня выгоняли из школы и несколько раз чуть не посадили в тюрьму, но я был несовершеннолетним. Я всячески привлекал к себе внимание и старался сделать жизнь такой же напряженной и нестабильной, каким было мое внутреннее самоощущение. В то время у меня проявилась черта характера, которая с тех пор всегда меня определяла: это настойчивость, с которой я преследую свои интересы. К двенадцати годам моя основная страсть сменилась с рисования на велосипедный мотокросс.

В 1977 году гонки на BMX были новейшим экстремальным видом спорта после серфинга и скейтборда конца шестидесятых. В нем уже было несколько настоящих звезд, таких как Стю Томпсон и Скотт Брайтаупт; несколько журналов, например, *Bicycle Motocross Action* и *American Freestyler*, и появлялось все больше соревнований среди профессионалов и полупро-

фессионалов. Бабушка купила мне велосипед Webco, и я подсел. Я начал выигрывать соревнования, а в паре журналов меня даже отметили как перспективного гонщика в категории от тринадцати до четырнадцати лет. Я обожал этот спорт и готов был стать профессионалом, как только найду спонсора, но чего-то все-таки не хватало. Я толком не мог выразить словами, каких именно эмоций BMX мне недодавал. Но я точно это узнаю через несколько лет.

После школы я околачивался в магазинах велосипедов и попал в команду райдеров магазина «Споукс энд стаф», где у меня появились друзья постарше – некоторые парни работали в компании Schwinn в Санта-Монике. Каждый вечер мы примерно вдесятером гоняли по Голливуду, и все, кроме двух братьев, были из каких-то неблагополучных семей. Мы находили утешение в обществе друг друга: время, проведенное вместе, было единственным постоянным общением, на которое мы могли рассчитывать.

Мы каждый день собирались в Голливуде и катались всюду от Калвер-Сити до ранчо Лабрея, а улицы были нашим велопарком. Мы прыгали с любой наклонной плоскости, какую только удавалось найти, и, независимо от того, была полночь или самый час пик, мы никогда не уступали дорогу пешеходам. Мы были обыкновенными оборванцами на маленьких двадцатидюймовых велосипедах, но, когда неслись по тротуару всей стаей из десяти человек на максимальной скорости, то представляли опасность, и с нами приходилось считаться. Мы запрыгивали на скамейки на автобусных остановках, даже если там сидел какой-нибудь несчастный незнакомец, перепрыгивали через пожарные гидранты и постоянно соревновались друг с другом. Мы были подростками, разочарованными в жизни, которые пытаются найти выход из трудной жизненной ситуации, и единственным способом, который мы придумали, было прыгать на великах по тротуарам Лос-Анджелеса.

Мы гоняли по грунтовой дороге в долине Сан-Фернандо, около молодежного центра в Резеде. Это было километрах в двадцати пяти от Голливуда, а на велосипеде BMX такое расстояние преодолеть непросто. Мы цеплялись за попутки на бульваре Лорел Каньон, чтобы сократить себе дорогу. Я бы не советовал так делать, но мы относились к проезжающим машинам примерно как к креслам на подъемнике: мы ждали на обочине, а потом один за другим цеплялись к машинам и так заезжали на склон. Ехать на велосипеде, пусть и с низким центром тяжести, и сохранять равновесие, держась при этом за машину, скорость которой пятьдесят-шестьдесят километров в час, – довольно захватывающе, но сложно даже на ровной дороге; а попытаться провернуть этот трюк на нескольких подряд крутых поворотах с подъемом в горку на бульваре Лорел Каньон – задача совершенно другого уровня. До сих пор не понимаю, как нас всех не переехали. Еще меня удивляет тот факт, что я постоянно катался зацепом туда и обратно, и в гору, и с горы, причем часто вообще без тормозов. Мне казалось, раз я самый младший в компании, значит, я постоянно должен что-то всем доказывать, и, судя по лицам ребят после некоторых моих трюков, в этом я преуспел. Пусть они и были подростками, но впечатлить их было не так-то просто.

По правде говоря, мы стали настоящей маленькой бандой. Одним из ребят был Дэнни Маккракен. Ему было шестнадцать. Он был сильным, грузным, молчаливым типом, и люди сразу инстинктивно чувствовали, что с ним лучше не связываться. Однажды ночью мы с Дэнни украли велосипед с погнутыми вилками, и, пока он нарочно так прыгал на нем, чтобы сломать вилки и нас насмешить, он упал через руль и сильно повредил запястье, повсюду стала брызгать кровь. Я наблюдал за его падением с самого начала, как в замедленной съемке.

– А-а-а-а! – завопил Дэнни. Несмотря на боль, голос у него звучал слишком мягко для его размера – как у Майка Тайсона.

– Твою мать!

– Вот черт!

– Дэнни облажался!

Дэнни жил за углом, поэтому мы зажали ему рукой запястье, хотя кровь все равно сочи-лась у нас между пальцами, и так довели его до дома.

Мы зашли на крыльцо и позвонили в дверь. Открыла его мама, мы показали ей запястье Дэнни. Она спокойно и скептически посмотрела на нас.

– И какого *хрена* вы от меня хотите? – удивилась она и захлопнула дверь у нас перед носом.

Мы не знали, что делать. К этому моменту Дэнни уже побледнел. Мы даже не знали, где находится ближайшая больница. Мы повели его обратно по улице – на нас по-прежнему брызгала кровь – и остановили первую же машину.

Я просунул голову в окно и истерически закричал: «Здрасьте, мой друг истекает кровью, можете отвезти его в больницу? Он же умрет!» К счастью, за рулем сидела медсестра.

Она посадила Дэнни на переднее сиденье, а мы поехали за машиной на велосипедах. Когда Дэнни оказался в отделении неотложной помощи, ждать ему не пришлось. Кровь хлестала у него из запястья, как у жертвы в фильме ужасов, так что его немедленно приняли под ворчание раздраженной очереди людей в приемной. Врачи наложили ему швы, но этим дело не кончилось: когда его выпустили в приемную, где мы его ждали, он каким-то образом сорвал один из своих свежих швов, из-за чего у него из запястья снова фонтаном полилась кровь и забрызгала потолок, что вызвало страх и отвращение у всех, кто находился в пределах досягаемости. Стоит ли говорить, что его сразу же приняли снова, и во второй раз швы сделали свое дело.

Единственными нормальными членами нашей банды были Джон и Майк, и мы звали их братьями Ковабунга³. Нормальными они считались по следующим причинам: были родом из долины Сан-Фернандо, где процветала типичная американская пригородная жизнь, их родители жили вместе, у них были сестры, и все они обитали в красивом необычном доме. Но они были не единственными братьями: еще Гриффины – Джефф, который работал в Schwinn, и Крис – его младший брат. Джефф в нашей банде был самым взрослым; ему было восемнадцать, он ходил на работу, к которой относился серьезно. Эти двое были не так удачливы, как братья Ковабунга, потому что Крис отчаянно пытался быть похожим на своего старшего брата, но у него не получалось. У них была симпатичная сестренка по имени Трейси, которая покрасила волосы в черный цвет, чтобы отличаться от всех своих родных – от природы блондинов. Трейси выбрала очень милый готический образ еще до того, как появилась субкультура готов.

И еще был Джонатан Уоттс – самый долбанутый из нас всех. Он был просто сумасшедший: делал все, что придет в голову, вне зависимости от опасности серьезно пострадать или сесть в тюрьму. Мне было всего двенадцать, но я уже достаточно разбирался в музыке и людях, и мне казалось немного странным, что *и Джонатан, и его отец* – ярые поклонники группы Jethro Tull. Они их просто *боготворили*. К сожалению, Джонатана больше нет с нами; он трагически умер от передозировки после многих лет тяжелого алкоголизма и еще нескольких лет преданного служения клубу анонимных алкоголиков. Я давным-давно потерял с ним связь, а потом встретил его на собрании анонимных алкоголиков, где мне пришлось присутствовать принудительно (к этой истории мы вернемся чуть позже) после ареста однажды вечером в конце восьмидесятых. Я не мог поверить своим глазам. Я пришел на собрание и слушал рассказы всех этих людей, а через какое-то время понял, что ведущий, так же увлеченный идеей трезвости, как лейтенант Билл Килгор, персонаж Роберта Дюваля в «Апокалипсисе сегодня», – это не кто иной, как Джонатан Уоттс. **Время – мощный катализатор перемен; никогда не знаешь, куда судьба заведет родственные души и где они встретятся снова.**

³ Приветственное восклицание индейцев, перекочевавшее в телевизионную программу 50-х годов «Шоу Хауди Дуди». В 60-х гг. термин активно использовался в сообществе серферов.

Тогда мы с ребятами много вечеров скоротали у начальной школы Лорел, очень творчески используя их игровую площадку. Она служила притоном для каждого голливудского парня с велосипедом, скейтбордом, выпивкой или травкой. У площадки было два уровня, соединенных длинными бетонными пандусами; она просто напрашивалась на злоупотребление скейтерами и фристайлерами. Мы взяли от этой площадки по полной – разобрали столы для пикника и превратили их в ramпы, соединяющие два уровня. Я не горжусь тем, что мы постоянно ломали общественную собственность, но спускаться по этим двум пандусам и перепрыгивать через забор на велосипеде было так захватывающе, что оно того стоило. Какое бы собрание малолетних преступников там ни тусовалось, туда стекались и творческие ребята. Там гуляли многие голливудские дети, которые позже многого добились. Помню, там тусовался Майк Бэлзари, более известный как Фли, и играл на трубе, а графферы постоянно разрисовывали стены. Может, это пока была не большая сцена, но мы гордились местом, которое создали. К сожалению, ученикам и учителям школы приходилось оплачивать счета за вандализм, да еще и каждое утро убирать следы нашего пребывания.

Директор школы неблагоразумно решил взять дело в свои руки и однажды вечером пришел с нами поговорить. Разговор не прошел гладко. Мы его дразнили, он оказался слишком взвинчен, и мы с друзьями ввязались с ним в драку. Все так быстро вышло из-под контроля, что какой-то прохожий вызвал полицию. **Ничто не заставляет шайку подростков исчезнуть быстрее, чем звук sireны, поэтому большинство ребят убежали. К сожалению, мне это не удалось. Мы с еще одним парнем оказались единственными, кого поймали. Нас пристегнули наручниками к перилам перед школой, прямо на улице, на всеобщее обозрение.** Мы напоминали двух привязанных животных, не слишком довольных тем, что им не уйти далеко. Мы отказывались сотрудничать: умничали, выдавали им несуществующие имена, чего только ни делали – разве что не хрюкали и не называли их свиньями. Они не переставая задавали нам вопросы и пытались напугать, но мы отказались назвать свои имена и адреса, а поскольку у двенадцатилетних детей нет документов, им пришлось нас отпустить.

Половое созревание наступило у меня около тринадцати лет, когда я учился в средней школе Бэнкрофт в Голливуде. Мои переживания относительно развода родителей отодвинулись на второй план из-за сильного всплеска гормонов. Сидеть целый день в школе казалось бессмысленным, поэтому я начал прогуливать. Я стал регулярно курить травку и подолгу кататься на велосипеде. Мне было трудно держать себя в руках; мне просто необходимо было делать все, что захочется, сию же минуту. Как-то вечером, когда мы с друзьями планировали проникновение в магазин «Споукс энд Стафф» – магазин велосипедов, где мы все время тусовались – даже не помню зачем, я заметил, что за нами наблюдает парнишка из окна квартиры напротив.

– Чего уставился? – крикнул я. – Хватит пялиться! – А потом бросил в окно кирпич.

Его родители, конечно, вызвали полицию, и пара копов, ответивших на вызов, гонялась за нами по городу до самой ночи. Мы как бешеные мчались на велосипедах по всему Голливуду; мы сворачивали на улицы с односторонним движением прямо навстречу потоку машин, мы срезали дорогу по аллеям и через парки. Копы оказались такими же настырными, как Джимми «Попай» Дойл, персонаж Джина Хэкмена во «Французском связном». Только мы свернем за угол, а они тут как тут. Наконец мы добрались до Голливудских холмов и спрятались в глухом каньоне, как какие-нибудь бандиты с Дикого Запада. И, словно в ковбойских фильмах, как только мы решили, что уже можно безопасно покинуть убежище и вернуться на ранчо, нас перехватили те же двое помощников шерифа.

Слэш прыгает на треке на велосипеде Cook Brothers

Предполагаю, что, когда мы с друзьями разделились, меня решили преследовать потому, что я был самый маленький. Я изо всех сил крутил педали, пытаюсь оторваться от них, пока наконец не спрятался на подземной парковке. Я пролетел несколько уровней, лавируя между припаркованными машинами, спрятался в темном углу и лег на землю, надеясь, что меня не поймают. Они же бежали туда пешком, и к тому времени, когда добрались до моего уровня, думаю, у них уже пропал энтузиазм. Они бдительно осматривали пространство между всеми машинами и, не дойдя до меня метров тридцати, повернули обратно. Мне повезло. Противостояние между моими друзьями и полицией Лос-Анджелеса продолжалось до конца лета, и, конечно, это был не самый конструктивный способ провести время, но тогда это казалось весельем.

Даже тогда мне удавалось самому решать, что делать, но, когда я все же оступался, мама и бабушка относились ко мне очень снисходительно. К середине средней школы я старался как можно реже появляться дома. Летом 1978 года я понятия не имел, что бабушка переезжает в квартиру в чудовищном новом комплексе, который занимал целый квартал между Кингс-Роуд и бульваром Санта-Моника, хотя я хорошо знал это здание, потому что ездил по нему на велосипеде еще во времена строительной площадки. Мы с друзьями накуривались, а потом мчались наперегонки по коридорам и лестницам, захлопывая двери перед носом друг у друга, запрыгивая на перила и оставляя на свежевыкрашенных стенах творческие рисунки в виде следов от заносов. Мы как раз этим и занимались, как вдруг я с криком выскочил из-за угла и

чуть не сбил с ног собственных маму и бабушку, которые охапками несли вещи в бабушкину новую квартиру. Никогда не забуду бабушкино выражение лица: это было нечто среднее между шоком и ужасом. Я собрался с силами, бросил взгляд через плечо и увидел, как последний из моих друзей резко развернулся и скрылся из виду. Я стоял одной ногой на земле, а вторую держал на педали, по-прежнему думая, что мне удастся уйти.

– Сол? – позвала Ола-старшая своим приятным, высоким бабушкиным голосом. – Это ты?

– Да, ба, – отозвался я. – Это я. Как дела? Мы с друзьями как раз собирались зайти в гости.

С мамой эта хрень вообще не прокатила, но Ола-старшая была так рада меня видеть, что Ола-младшая позволила мне выйти сухим из воды. Все сложилось так удачно, что через несколько недель я переехал в эту самую квартиру, и именно тогда мои школьные подвиги в Голливуде по-настоящему стали набирать обороты. Но к этой истории мы вернемся совсем скоро.

Я не собираюсь снова анализировать причины моего очередного увлечения – клептомании, – скажу в свое оправдание лишь то, что был озлобленным подростком. Я крал то, что мне было нужно и что я не мог себе купить. Я крал то, что, как мне казалось, сделает меня счастливым. И иногда я крал просто ради того, чтобы украсть.

Я украл много книг, потому что всегда любил читать. Я украл тонну кассет, потому что всегда любил музыку. Кассеты – для тех, кто слишком юн и их не помнит, – имели свои недостатки: качество звука со временем ухудшалось, они запутывались в магнитофонах и плавились под прямыми солнечными лучами. Но их было невероятно легко красть. Кассета напоминает тонкую пачку сигарет, так что любой честолобивый магазинный воришка мог запросто запихнуть себе под одежду всю любимую музыку и уйти незамеченным.

В свои худшие периоды я крал столько, сколько мог унести, потом выкладывал добычу куда-нибудь в кусты и возвращался за новой, иногда в тот же магазин. Как-то раз я украл несколько змей из зоомагазина «Аквариум», где настолько часто бывал, что они привыкли к моему присутствию и вряд ли думали, что я могу что-то украсть. Они не были законченными лохами; я ходил туда из искренней любви к животным, которые у них продавались, – просто мне не хватило уважения к этому магазину, чтобы не прихватить пару змей домой. Я брал змею, обматывал вокруг запястья, а потом поднимал выше, до предплечья, и накрывал рукавом куртки. Как-то раз я поехал в город и взял целую охапку змей, спрятал их на улице, потом вернулся в магазин и еще украл несколько книг, где объясняется, как ухаживать за редкими змеями, которых я только что украл.

Летит над велотреком около Молодежного центра в Резеде

В другой раз я тиснул хамелеона Джексона, и это уже не совсем мелкая кража: это такой рогатый хамелеон ростом около двадцати пяти сантиметров, который питается мухами. Он размером с маленькую игуану, и у него такие странные, выпуклые, пирамидальные глаза. Когда я был подростком, у меня были стальные яйца – я просто вышел из магазина с хамелеоном как ни в чем ни бывало, а ведь это был очень дорогой экзотический житель джунглей зоомагазина. Пока я шел с ним домой, мне так и не удалось сочинить рассказ, который бы адекватно объяснил маме, откуда у меня в комнате хамелеон. Я решил, что единственный выход – поселить его снаружи, у заросшего виноградом сетчатого забора у нас во дворе, рядом с мусорными баками. Я украл еще и книгу о хамелеонах Джексона, поэтому знал, что они любят есть мух, и не мог придумать лучшего места для старины Джека, где было бы больше мух, чем у забора за мусорными баками, – там их водились сотни. Искать его каждый день было целым приключением, потому что прячется он очень искусно, как и все хамелеоны. У меня всегда уходило на это какое-то время, а такие трудности мне нравились. Так он прожил во дворе около пяти месяцев. Спустя какое-то время он стал лучше и лучше маскироваться в виноградных листьях, и в один прекрасный день я его попросту не нашел. Еще два месяца я приходил туда каждый день, но все без толку. Понятия не имею, что случилось со стариной Джеком, но, учитывая мириады возможностей, которые могли выпасть на его долю, надеюсь, что все закончилось хорошо.

Мне очень повезло, что меня не поймали за большинство моих магазинных краж, потому что их было довольно много. Дело дошло до идиотизма: как-то я на

спор стащил из магазина спортивных товаров надутый резиновый плот. Потребовалось некоторое планирование, но я справился, и каким-то чудом меня не засекли.

Это оказалось не так уж и сложно. Я расскажу вам свой «метод», как он есть: плот висел на стене возле задней двери магазина, рядом с коридором, который вел прямо в переулок. Когда мне удалось открыть заднюю дверь, не вызвав подозрений, снять плот со стены было уже несложно. И, как только плот оказался на полу, где от посторонних глаз его скрывало всякое походное снаряжение или что-то такое, я просто выждал подходящий момент, вынес его наружу и прошел за угол, где меня ждали друзья. Я даже не оставил этот плот себе. Как только я доказал всем, что мне не слабо, я избавился от плота, просто бросив его кому-то на газон.

Я этим не горжусь, зато в случае, когда я очутился в пятнадцати километрах от дома без денег и проколол колесо, то даже обрадовался, что мне оказалось несложно украсть камеру из детского магазина. Иначе мне пришлось бы ловить попутку, и случиться со мной могло вообще что угодно. Но как всякий, кто постоянно искушает судьбу, я должен признать, что бесполезно убеждать себя в необходимости совершенных поступков. Если в душе ты знаешь, что они не совсем хороши, в конце концов они тебе аукнутся.

В моем случае, раз уж мы говорим о магазинных кражах, меня в конце концов поймали в «Тауэр Рекордс» на бульваре Сансет – любимом музыкальном магазине родителей. Я помню тот день, словно это было вчера: это был один из тех моментов, когда я заранее почуял неладное, но все равно отправился на поиски приключений. Кажется, мне было пятнадцать, и тогда я как раз подумал, пока ставил велик у входа, что в будущем стоит быть в этом магазине осторожнее. **В краткосрочной перспективе это откровение не помогло: я жадно напихал всяких кассет под куртку и в штаны и так раздулся, что подумал: а не купить ли мне несколько альбомов за деньги, чтобы сбить с толку кассиров? Кажется, я подошел к прилавку с Dream Police группы Cheap Trick и Houses of the Holy Led Zeppelin, и, когда их пробили, в своем представлении я уже испустил все грехи.**

Я уже вышел на улицу и сел на велосипед, как вдруг чья-то рука сильно сжала мне плечо. Я все отрицал, но меня поймали с поличным. Меня отвели в помещение над магазином, откуда за мной наблюдали через специальное окно, и показали пленку из видеокамеры. Они позвонили моей маме; я отдал все кассеты, какие мне удалось запихнуть себе под одежду, и они разложили их на столе, чтобы мама на это посмотрела. В детстве мне многое сходило с рук, но, когда меня поймали за кражу кассет в магазине, куда родители ходили много лет, это преступление значило большее для моей семьи, чем содеянное в рамках закона. Никогда не забуду выражение лица Олы, когда она поднялась в то помещение над магазином и увидела, что я сижу, а передо мной разложено все, что я украл. Она почти ничего не сказала, да ей и не нужно было; мне было ясно, что она думает, – она была уверена, что я не мог сделать ничего плохого.

В конце концов «Тауэр» не стали выдвигать обвинения, потому что все товары вернулись на место. Меня отпустили с условием, что я больше никогда не переступлю порог их магазина, скорее всего, потому, что какой-то менеджер узнал в маме постоянного покупателя.

Конечно, когда шесть лет спустя меня взяли в тот же магазин продавцом в отдел видео, я еще полгода каждый день боялся, что кто-нибудь вспомнит случай, как меня поймали на воровстве, и уволит. Я думал, что в один прекрасный день кто-нибудь догадается, что я нагло наврал в резюме, и посчитал, что все, что мне удалось стянуть до момента, пока меня не поймали, стоит больше нескольких моих зарплат за месяц работы.

Обычно у нас была травка, а травка нравилась всем.

Все жизненные перемены разрешатся за следующие восемь лет моей жизни, но только после того, как я найду стабильную семью по своему собственному эскизу.

В вакууме, который образовался после распада моей семьи, я создал свой собственный мир. Мне повезло, что еще в период поиска границ возможного я обрел одного друга, который никогда не отдалялся от меня, даже когда мы жили в разных мирах. Он до сих пор один из моих самых близких друзей – уже больше тридцати лет, а это, черт побери, о многом говорит.

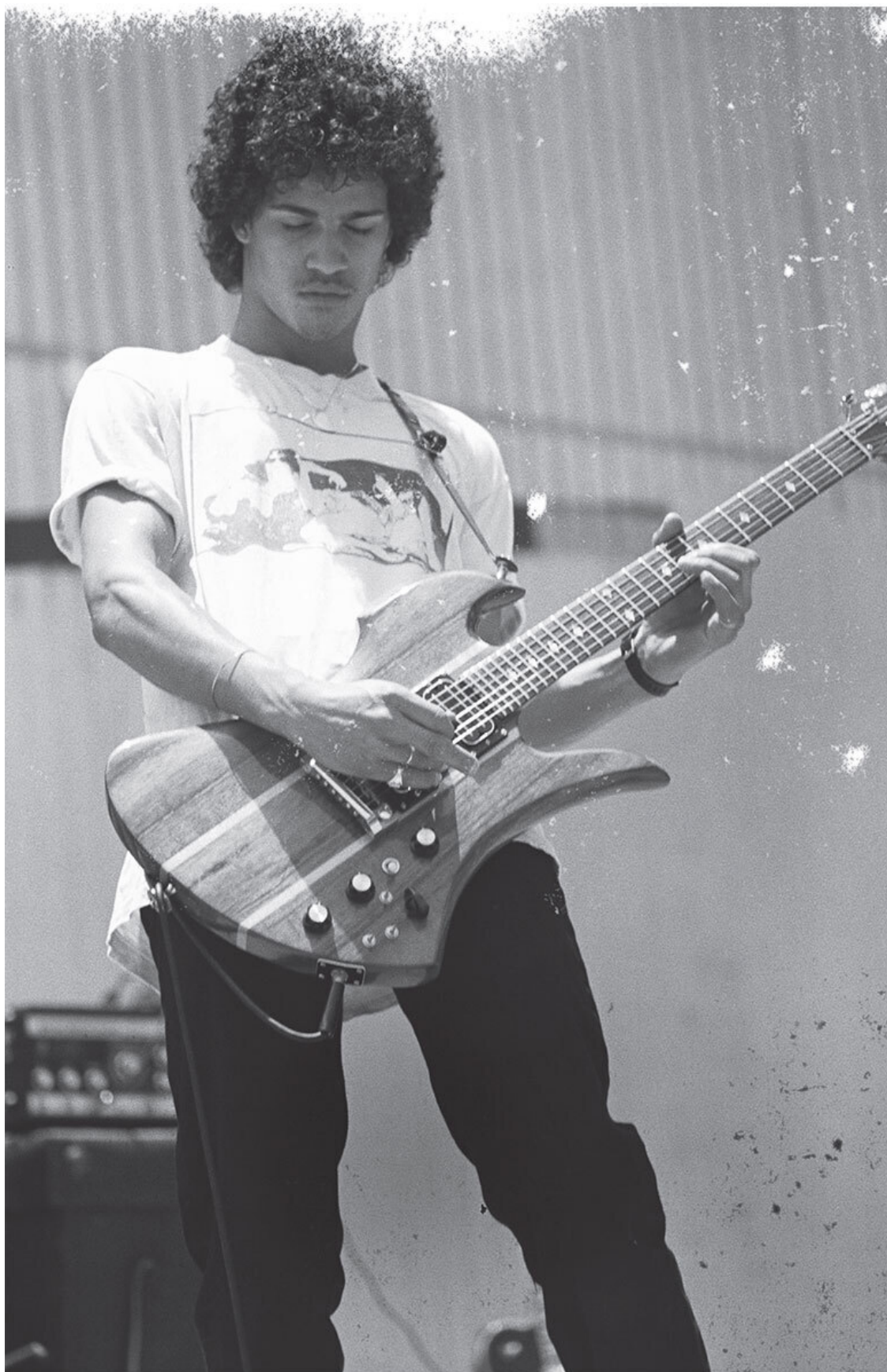
Его зовут Марк Кантер. Его семье принадлежит знаменитое заведение Canter's Deli на севере округа Фэрфакс в Лос-Анджелесе. Семья Кантеров переехала из Нью-Джерси и открыла ресторан в 1940-х годах, и с тех пор он стал центром тусовок работников шоу-бизнеса благодаря вкусной еде и тому, что он открыт круглосуточно. До ресторана меньше километра от Сансет-Стрип, и в шестидесятых годах он стал излюбленным местом музыкантов, каким остается по сей день. В восьмидесятые годы группы вроде Guns часто ужинали там по ночам. В их же баре Kibbitz Room по соседству, где играют живую музыку, прошло столько замечательных музыкальных вечеров, что все их не перечесть. Кантеры всегда хорошо ко мне относились. Я у них работал, я у них жил, и моих слов не хватит, чтобы их отблагодарить.

С Марком мы познакомились еще в начальной школе, но подружились только тогда, когда я чуть не украл его велик в пятом классе.

Так между нами завязалась крепкая дружба. Мы с ним гуляли в Хэнкок-парке рядом с богатым районом, где он жил. Мы часто ходили к развалинам театра «Пан-Пасифик», сейчас там торговый центр «Гроув». «Пан-Пасифик» был удивительной реликвией. Это был гламурный кинодворец 1940-х годов, со сводчатым потолком и огромным экраном, где показывали ленты новостей и определяли ценность кинематографической культуры поколения. В мое время он оставался по-прежнему прекрасным: зеленые арки в стиле ар-деко были еще целы, хотя все остальное и превратилось в руины. Рядом с ним находилась библиотека и парк с баскетбольной площадкой и бассейном. Как и у начальной школы Лорел, здесь собирались дети в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет, которые по той или иной причине выходили из дома по вечерам.

Мы с друзьями были там самыми младшими. Девчонки тоже приходили, причем настолько круче нас, что нам было к ним не подступиться, – правда, мы все равно пытались. Там были двоечники и те, кого уже исключили из школы, и многие из них жили прямо в развалинах театра и питались едой, которую крали с фермерского рынка, проходившего по соседству дважды в неделю. Нас с Марком просто очаровало это место. Нас приняли в компанию, потому что обычно у нас была травка, а травка нравилась всем. Встреча с Марком вызвала во мне перемену. Он стал моим первым лучшим другом – тем человеком, кто понимал даже тогда, когда, как мне казалось, больше никто не понимал. Жизнь у нас обоих вряд ли можно считать нормальной, но я с гордостью могу сказать, что мы до сих пор поддерживаем такую же близкую дружбу. Вот что значит семья в моем понимании. **Друг – это тот, кто знает тебя настолько же хорошо, даже если вы не виделись много лет. Настоящий друг всегда рядом, когда нужен, а не только по праздникам и выходным.**

Я узнал об этом из первых рук несколько лет спустя. Меня мало волновало, что не хватает денег на еду, лишь бы хватило денег на флаеры Guns N' Roses. А когда у меня не было денег, чтобы напечатать флаеры или даже купить себе гитарные струны, мне приходил на помощь Марк Кантер. Он выдавал наличные на все, что было нужно. Я расплатился с ним, как только смог, как только Guns подписали контракт. Никогда не забуду, что Кантер поддержал меня, когда я был на дне.

Слэш с группой Tidus Sloan, июнь 1982

Глава 3. Как играть рок-н-ролл

Восприятие самого себя вне контекста, в отрыве от своего обычного мироощущения, искажает перспективу – это все равно что слышать свой собственный голос на автоответчике. Это напоминает встречу с незнакомцем или открытие в себе таланта, о котором и знать не знал. Первый раз, когда я сыграл на гитаре мелодию настолько же хорошо, как она звучала в оригинале, я все это испытал. Чем больше я учился играть на гитаре, тем больше чувствовал себя чревовещателем: мой собственный творческий голос просачивался сквозь шесть гитарных струн, и это было нечто совсем незнакомое. Ноты и аккорды стали моим вторым языком, и через них я могу выразить то, что чувствую, даже когда речь меня подводит. Гитара – это и моя совесть: когда я сбиваюсь с пути, она возвращает меня обратно, когда я забываю, зачем я здесь, она напоминает мне об этом.

Всем этим я обязан Стивену Адлеру – это его заслуга. Он причина того, что я играю на гитаре. Мы познакомились однажды вечером на игровой площадке начальной школы Лорел, когда нам было по тринадцать. Насколько я помню, он ужасно катался на скейтборде. Когда он упал особенно неудачно, я подъехал к нему на велике и помог встать – с тех пор мы были неразлучны.

В детстве Стивен жил в Вэлли-Виллидж с матерью, отчимом и двумя братьями, а потом мать не выдержала его плохого поведения и отправила жить к бабушке с дедушкой в Голливуд. Он продержался там до конца средней школы, включая лето, а потом его отвезли обратно к маме, где он пошел в старшие классы. Стивен особенный. Он из тех неудачников, каких любить может только бабушка, и та все равно не может с ними жить.

Мы со Стивеном познакомились летом перед восьмым классом и тусовались до самой старшей школы, я как раз переехал в новую бабушкину квартиру в Голливуде из маминой в Хэнкок-парке. Мы оба были новенькими и в средней школе Бэнкрофта, и во всем районе. Сколько я знал Стивена, не помню, чтобы он хоть раз провел в школе хотя бы неделю из всего месяца. Я кое-как справлялся с учебой, потому что у меня была хорошая успеваемость по изо, музыке и английскому, так что среднего балла хватало на зачет. По изо, английскому и музыке я получал пятерки, потому что только эти предметы меня интересовали. Из всех остальных интересного было мало, поэтому я постоянно прогуливал. В представлении сотрудников школы я присутствовал на уроках гораздо чаще, чем на самом деле, так как заранее украл из учительской блок бланков для записок от родителей и подделывал мамину подпись по мере необходимости. Но единственная причина, по которой я вообще окончил среднюю школу, была связана с забастовкой учителей в выпускном классе. наших обычных учителей заменили временными, а их мне было слишком легко обмануть и очаровать. Не хочу вдаваться в подробности, но я часто вспоминаю, как играл на гитаре любимую песню учителя перед всем классом. На этом все.

Честно говоря, школа была не так уж и плоха: у меня был свой круг друзей (и подружка, о которой мы еще поговорим), и я участвовал во всех мероприятиях, благодаря которым укуркам в школе становится весело. Рано утром перед школой мы собирались и нюхали попперсы – амилнитрит – химикат, пары которого расширяют кровеносные сосуды и понижают давление, а в процессе дают короткий эйфорический приход. После нескольких доз мы еще выкуривали несколько сигарет, а в обед снова собирались во дворе раскурить косячок... Словом, очень старались как-то скрасить себе учебу.

Когда я не ходил в школу, мы со Стивеном целый день бродили по большому Голливуду, витая в облаках, обсуждая музыку и пытаясь подрабатывать. Иногда нам удавалось найти случайную халтурку – например, мы помогали незнакомым людям переставить мебель. Голливуд и так всегда был странным местом и центром притяжения для таких же странных персонажей,

а в конце семидесятых, учитывая причуды культуры от упадка революции шестидесятых до широкого распространения наркотиков и ослабления сексуальных нравов, персонажи встречались особенно своеобразные.

Не помню, как мы познакомились, но был какой-то парень постарше, который просто так давал нам денег. Мы с ним тусовались и общались. Кажется, он еще пару раз просил нас сходить в магазин. Я и тогда понимал, что это странно, но выглядел он недостаточно угрожающе для двух тринадцатилетних ребят. Кроме того, лишние карманные деньги того стоили.

Стив был вообще без комплексов, поэтому умудрялся постоянно добывать деньги разными способами. Одним из них была Кларисса – моя соседка лет двадцати пяти, которая жила на той же улице. Как-то мы проходили мимо, а она сидела на крыльце, и Стиву захотелось с ней поздороваться. Они заговорили, и она пригласила нас войти. Мы немного у нее потусовались, а потом я решил уйти, а Стивен сказал, что останется еще ненадолго. Оказалось, он в тот вечер занимался с ней сексом, *а в качестве бонуса* получил от нее денег. Понятия не имею, как ему это удалось, знаю только, что он заходил к ней еще раза четыре или пять и *каждый раз* получал деньги. Для меня это было что-то невероятное, и я ему ужасно завидовал.

С другой стороны, Стивен часто попадал в такие ситуации, и не все они заканчивались хорошо. Как-то раз он трахался с Клариссой, когда к ним вошла ее соседка-лесбиянка. Она скинула Стивена с подруги, и он ушибся об пол прямо причинным местом. Так все и кончилось.

Мы со Стивеном как-то выживали. **Я крал все музыкальные и рок-журналы, которые были нужны. У нас было не так уж много трат помимо газировки «Биг Галп» и сигарет, так что мы были в хорошей форме.** Гуляли туда-обратно по бульвару Сансет и по Голливудскому бульвару от Сансет до Дохени, разглядывали рок-афиши в больших магазинах и заходили в каждый сувенирный или музыкальный магазин, который нас привлекал. Просто бродили по городу, впитывая его нереальную атмосферу. Часами торчали в заведении под названием «Кусок пиццы» и снова и снова ставили в музыкальном автомате Van Halen. К тому времени это уже был целый ритуал: Стивен поставил мне их первую запись несколько месяцев назад. Это был один из тех моментов, когда новая музыка полностью меня захватывала.

– Ты должен это услышать, – сказал тогда Стивен, восторженно выпучив на меня глаза. – Это группа Van Halen, они просто потрясающие!

Сначала я сомневался, потому что у нас со Стивеном не всегда совпадали музыкальные вкусы. Он поставил пластинку, и из динамиков раздалось соло Эдди в начале песни *Eruption*.

– Господи Иисусе, – воскликнул я, – что *это*, черт побери?!

Это гитарное соло показалось мне столь же глубокой и личной формой самовыражения, как живопись и рисование, но на гораздо более фундаментальном уровне.

Еще в тот год я первый раз в жизни попал на настоящий большой рок-концерт. Это был Калифорнийский всемирный музыкальный фестиваль в Мемориальном колизее Лос-Анджелеса 8 апреля 1979 года. Там было 110 тысяч человек, и сумасшедший состав артистов: участвовало множество групп, а хедлайнерами стали Тед Ньюджент, Cheap Trick, Aerosmith и Van Halen. Без сомнения, Van Halen разгромил все остальные группы, игравшие в тот день, даже Aerosmith. Думаю, это было нетрудно: Aerosmith тогда играли настолько плохо, что мне было трудно отличить одну песню от другой. Это при том, что я был их фанатом. Единственным треком, который я узнал, был *Seasons of Wither*.

В конце концов мы со Стивом стали тусоваться у клубов «Рейнбоу» и «Старвуд», где собиралась вся метал-сцена в эпоху до глэма. Van Halen тогда только начинали давать жару, Motley Crue занимались тем же; помимо этого, в тот период можно было стать свидетелем зарождения лос-анджелесского панк-рока. У клубов всегда было полно народу, и поскольку у

меня был доступ к наркотикам, я продавал их не только за наличные, но и ради того, чтобы подобраться ближе к музыкальной сцене. В старшей школе я придумал стратегию получше: я стал подделывать удостоверения личности, чтобы проходить прямо в клуб.

В Голливуде и Западном Голливуде вечерами кипела жизнь: вся гомосексуальная публика тусовалась у шикарного гей-ресторана French Quarter, а гей-бары вроде Rusty Nail и другие находились прямо рядом с рок-тусовкой, которая была в основном гетеросексуальной. Эти контрасты казались нам со Стивеном такими странными. Повсюду было столько фриков, а нам безумно нравилось впитывать всю эту атмосферу, каким бы странным и бессмысленным ни казалось все происходящее.

В детстве мы со Стивом нарывались на все возможные и, казалось бы, безобидные неприятности. Как-то вечером папа взял нас на вечеринку, которую устраивали его друзья-художники, жившие в домах вдоль тупика в Лорел Каньоне. Алексис, хозяин дома и друг моего отца, приготовил целый таз адски убийственного пунша, от которого у всех вконец снесло крышу. Стивен вырос в Вэлли-Виллидж, поэтому такого никогда не видел: кучка взрослых творческих пост-хиппи в сочетании с пуншем вызвала у него отвал башки. Мы с ним еще могли осилить выпивку для тринадцатилетних, но этот взрывной коктейль оказался нам пока не по плечу. Я так напился, что не заметил, как Стив ускользнул с девушкой, жившей в гостевом домике внизу. Кончилось тем, что он ее трахнул, что оказалось не так уж и круто: она была замужем и ей было за тридцать. Мне как тринадцатилетнему она казалась уже пожилой. Так что в моем представлении Стивен переспал со старушкой... которая оказалась замужней старушкой.

Утром я проснулся на полу с привкусом того пунша во рту. Ощущения были такие, словно кто-то вбил мне в голову железный гвоздь. Я пошел домой к бабушке, чтобы отоспаться; а Стивен остался, решив поваляться внизу в постели. Не прошло и десяти минут с того момента, как я пришел домой, – и тут мне звонит отец и говорит, что Стивену следовало бы опасаться за свою жизнь. Та женщина, с которой он провел вечер, во всем призналась мужу, и муж, скажем так, был *далеко* не в восторге. По словам моего отца, он грозился «придушить» Стивена, что, как уверял Тони, было реальной угрозой. Я не воспринял его слова всерьез, и тогда папа объяснил, что тот парень прямым текстом пообещал убить Стивена. В конце концов, ничего так и не произошло, так что Стивену все сошло с рук, но это стало явным тревожным знаком для последующих событий. В тринадцать лет он сузил свои жизненные цели ровно до двух: трахать цыпочек и играть в рок-группе. Не могу винить его в этом, ведь он, по сути, предвидел будущее.

Музыкальную мудрость тринадцатилетнего Стивена (вероятно, благодаря его навыкам общения с женщинами) я ставил выше своей. Он тогда пришел к выводу, что в рок-н-ролле есть всего три важные группы: Kiss, Boston и Queen. Стивен слушал и играл их музыку каждый день, причем целыми днями, вместо школьных занятий. Его бабушка работала в пекарне и каждый день уходила из дома в пять утра; она и понятия не имела, что Стивен прогуливает школу. Его день состоял из того, чтобы врубить Kiss на полную громкость и вместе с ними лабать на маленькой электрогитарке с усилителем из «Волмарта», тоже выкрученных на полную громкость. Я приходил к нему потусить, а он кричал мне сквозь этот грохот: «Здорово! Нам бы группу собрать, а?!»

У Стивена такая открытая, беззаботная душа, что его энтузиазм чрезвычайно заразителен. Я не сомневался в его намерениях и драйве и сразу понял, что это непременно произойдет. Он выбрал себе роль гитариста, а мне достался бас. Сейчас, когда я слушаю музыку спустя двадцать лет игры, мне легко разложить ее на разные инструменты. **Я слышу гитарные аккорды и сразу могу придумать несколько способов сыграть эту песню. К тринадцати годам я уже много лет слушал рок-н-ролл, бывал на концертах и знал, на каких инструментах играют в рок-группе, но понятия не имел, как каждый инстру-**

мент звучит в общей композиции. Я знал, что такое гитара, но не знал, чем бас отличается от обычной гитары, а из упражнений Стивена я ничего не понял.

Как-то мы с ним гуляли по городу и проходили мимо музыкальной школы на Фэрфакс и Санта-Монике, (сейчас там кабинет мануального терапевта), так что я решил, что там можно научиться играть на басу. Поэтому в один прекрасный день я пришел туда и сказал: «Я хочу играть на басу». Администратор представила меня одному из учителей, парню по имени Роберт Волин. Когда Роберт вышел ко мне, он оказался не таким, как я представлял: он был белым парнем среднего телосложения в джинсах «Ливайс» и заправленной в них клетчатой рубашке. У него были густые усы, легкая щетина и нечесанные лохматые каштановые волосы – вероятно, когда-то стрижка была, но уже куда-то делась. Стоит ли говорить, что Роберт вовсе не был похож на рок-звезду.

Однако он терпеливо объяснил мне, что для занятий мне понадобится собственная бас-гитара, о чем я и не подумал. Я обратился за помощью к бабушке, и она дала мне старую гитару для фламенко с одной нейлоновой струной, которая завалилась у нее в шкафу. Когда я снова пришел в школу к Роберту, он взглянул на мою гитару и сразу понял, что начать стоит с самых азов, потому что я и понятия не имел, что то, что я держу в руках, даже не бас-гитара. **Роберт включил песню Brown Sugar Rolling Stones, взял гитару и стал играть с ними вместе рифф и соло. И вот тогда я услышал. Что бы Роберт ни делал, это было то самое. Я с удивлением уставился на его гитару и стал показывать на нее пальцем.**

«Я хочу играть вот это, – заявил я ему. – Вот это».

Роберт меня подбодрил. Он нарисовал несколько схем аккордов, показал на своей гитаре, как правильно располагать пальцы на грифе, и настроил мою единственную струну. Еще он объяснил, что мне нужно как можно скорее добыть для своей гитары недостающие пять струн. Гитара вошла в мою жизнь так неожиданно и так естественно. Не было ни мысли, ни предвидения; это не было частью грандиозного плана, помимо плана играть в выдуманной группе Стивена. Десять лет спустя я познаю все те удовольствия, о которых он мечтал: путешествовать по миру, собирать аншлаги и иметь в распоряжении больше девушек, чем можешь себе представить... и все это благодаря покоцанному куску дерева, который бабушка выудила из шкафа.

Гитара буквально в момент стала главным предметом моей одержимости, вытеснив из жизни велик. Это было не похоже ни на что, чем я когда-либо занимался: гитарное соло показалось мне столь же глубокой и личной формой самовыражения, как живопись и рисование, но на гораздо более фундаментальном уровне. Способность самому создавать звук, который говорил со мной через музыку с тех пор, как я себя помню, придавала мне сил как ничто другое. Во мне произошла перемена – столь же быстрая, как когда загорается свет, и настолько же яркая. Я пришел домой из музыкальной школы и стал пытаться повторить за Робертом: я включал любимые песни и старался играть вместе с музыкантами. Учítывая, что у меня была всего одна струна, я делал все, что мог. Через несколько часов мне уже удавалось успевать за сменой аккордов и кое-как имитировать мелодию в нескольких песнях. Мелодии вроде *Smoke on the Water* Deep Purple, *25 or 6 to 4* Chicago, *Dazed and Confused* Led Zeppelin и *Hey Joe* Джими Хендрикса можно сыграть на одной струне ми, поэтому я так и гонял их сто раз по кругу. Одного понимания того, что я могу имитировать песни, звучащие из стереосистемы, оказалось достаточно, чтобы гитара навсегда вошла в мой мир.

Все лето перед девятым классом я ходил на уроки к Роберту и учился играть на своей потрепанной гитаре для фламенко – уже на всех шести струнах, которые Роберт, конечно, научил меня настраивать. Я каждый раз приходил в восторг, когда он ставил новую неизвестную пластинку и тут же подбирал мелодию. Я решил научиться так же: как и любой новичок, склонный переусердствовать, я хотел сразу же допрыгнуть до этого уровня, а Роберт, как и любой хороший учитель, заставил меня вначале выучить основы. Он научил меня основ-

ным мажорным, минорным и блюзовым гаммам и всем стандартным позициям аккордов. Еще он рисовал схемы аккордов к моим любимым песням вроде *Jumpin' Jack Flash* и *Whole Lotta Love*, которые мне разрешалось играть в качестве вознаграждения за выполненные упражнения. Обычно я сразу переходил к этому вознаграждению, а когда на следующий день приходил в музыкальную школу, Роберту было ясно, что я даже не притронулся к домашнему заданию. Иногда мне нравилось играть так, как будто у меня все еще была только одна струна. В каждой песне, которая мне нравилась, был гитарный рифф, и исполнять его на одной струне было гораздо веселее, пока пальцы не привыкли к правильной постановке.

Тем временем гоночная экипировка для ВМХ пылилась в шкафу. Друзья не могли понять, куда я пропадаю вечерами. Как-то раз по пути из музыкальной школы, откуда я ехал с гитарой за спиной, я встретил Дэнни Маккракена. **Он спросил, куда я пропал и выиграл ли я какие-нибудь соревнования в последнее время. А я рассказал, что теперь гитарист. Он смерил меня взглядом, посмотрел на мою потертую шестиструнку и пристально уставился мне прямо в глаза: «Да ну?» У него было такое растерянное выражение лица, как будто он пока не знал, что ему делать с этой новой информацией. С минуту мы сидели на великах в неловком молчании, а потом попрощались. Тогда я виделся с ним в последний раз.**

Я уважал Роберта, своего учителя гитары, но был наивен и нетерпелив и потому не видел связи между основами, которым он меня учит, и музыкой Rolling Stones и Led Zeppelin, которую я хотел исполнять. Довольно быстро картинка сложилась – как только я нашел свою собственную инструкцию, если можно так сказать. Это была подержанная книга, которую я нашел в отделе скидок магазина гитар, под названием «Как играть на рок-гитаре». В этой книге содержались все схемы аккордов, табулатуры и образцы сольных партий таких великих гитаристов, как Эрик Клэптон, Джонни Винтер и Джими Хендрикс. К ней даже прилагалась небольшая дискета, на которой было показано, как правильно исполнять музыку, описанную в книге. Я принес эту книгу домой и тут же ее проглотил, а когда научился подражать звукам на той записи, то смог импровизировать самостоятельно и был *вне себя от счастья*. **Как только я услышал, что исполняю риффы, напоминающие рок-н-рольную гитару, я словно нашел Святой Грааль. Эта книга изменила мою жизнь. У меня до сих пор где-то в закромах лежит та самая потрепанная книжка, и я ни разу не видел другой такой же ни до, ни после этой истории. Я много раз искал такую, но не нашел. Такое ощущение, как будто в мире остался всего один экземпляр и он лежал там и ждал именно меня.** Эта книга дала мне навыки, которые я мечтал обрести, и, как только я начал ими овладевать, я навсегда бросил музыкальную школу.

Теперь я был «рок-гитаристом», поэтому из необходимости я занял у бабушки сотню баксов и купил электрогитару. Это была очень дешевая копия гитары Les Paul, которую изготовила компания под названием «Мемфис Гитарс». Меня привлекала ее форма, потому что большинство моих любимых музыкантов играли на гитаре Лес Пол – она была для меня эталонной рок-гитарой. Тем не менее знаний мне не хватало даже о том, кто такой Лес Пол. Я не был знаком с его великолепным исполнением джаза и понятия не имел, что он был пионером в развитии электрических инструментов, примочек и методов их записи. Не знал я и того, что цельнотелые гитары под его брендом скоро станут моими основными инструментами. И тогда я и понятия не имел, что мне представится честь выступить с ним на одной сцене, и не раз, много лет спустя. Ничего такого не приходило мне в голову: тогда мне просто казалось, что эта гитара визуально напоминает сам звук, который я хочу из нее извлекать.

Найти гитару было все равно что найти самого себя. Она определяла меня, она давала мне цель. Этот инструмент помогал выражать себя в творчестве и благодаря этому лучше себя понимать. Суматоха отрочества внезапно отошла на второй план; игра на гитаре помогала мне сосредоточиться. Я не вел дневников и не умел выражать

своих чувств словами, а гитара давала мне эмоциональную ясность. Я любил рисовать, и с помощью этого занятия мне удавалось отвлекаться от многих проблем, но для полного самовыражения мне в нем чего-то не хватало. Я всегда завидовал художникам, которым удается выражать себя в искусстве, и только играя на гитаре я пришел к пониманию того, какое это восхитительное освобождение.

Долгие часы упражнений в любом месте, где бы я ни оказался, давали мне свободу. Игра стала своеобразным трансом, который успокаивал душу: и руки, и разум были заняты, – и в этом я находил удовлетворение. Как только я попал в группу, я обнаружил, что физическое напряжение от выступления на сцене стало моим главным личным освобождением; когда я играю на сцене, я чувствую, что нахожусь там, где и должен быть, и ничто другое не дает мне подобного ощущения. Существует подсознательный, эмоциональный уровень, который связан с игрой, а так как я один из тех, кто все носит в себе и не дает выхода эмоциям, ничто кроме музыки не может лучше выразить мои чувства.

Обретение собственного голоса через гитару в пятнадцать лет стало для меня настоящей революцией. Я совершил скачок в развитии. Не могу вспомнить ничего подобного, что бы так же сильно изменило мою жизнь. Ближе всего к этому откровению тот момент, когда двумя годами ранее я раскрыл тайну противоположного пола. Когда это произошло, я решил, что лучше секса ничего нет... пока не начал играть на гитаре. Вскоре после этого я обнаружил, что эти два занятия никак не могут ужиться в моем подростковом мире.

Мою первую девушку звали Мелисса. Это была симпатичная пухленькая девчонка на год младше меня с отличными сиськами. Ей было двенадцать, а мне тринадцать, когда мы вместе лишились девственности. По современным меркам это не так уж и рано, и сейчас подростки открывают для себя взрослые занятия и того раньше, но в 1978 году мы с ней шли на опережение: большинство наших сверстников только начали целоваться взад-вперед. Мы оба интуитивно понимали, что если нашел что-то хорошее, стоит это беречь, поэтому встречались несколько лет подряд с перерывами. В первый раз мы занялись этим в прачечной ее дома, которая была на первом этаже здания. Она мне подročила – и это был первый сексуальный контакт для нас обоих. Потом мы стали заниматься этим у нее в маленькой квартирке, где она жила со своей мамой Кэролин. К сожалению, в наш первый раз Кэролин рано вернулась домой, и мне пришлось лезть в окно спальни в спущенных штанах. Но к счастью, кусты оказались ко мне снисходительны.

Когда ее мамы не было дома, мы занимались этим у нее в постели, а когда она приходила, перемещались на диван и ждали, пока она вырубится от валиума, в надежде, что не проснется и не застукнет нас. Конечно, дожидаться действия валиума не всегда было легко. Вскоре после того, как Мелисса с Кэролин переехали повыше в квартиру с двумя спальнями, Кэролин смирилась с тем, чем мы занимаемся. Она решила, что лучше мы будем делать это у них дома, чем непонятно где, и это все, что она нам сказала. Нам с Мелиссой, с нашей подростковой, сексуально ненасытной точки зрения, казалось, что ее мама *самая крутая* на свете.

Кэролин курила много травки и не скрывала. Она скручивала нам отличные косяки, а еще позволяла оставаться у них и спать с Мелиссой целыми неделями. **Мы начали встречаться летом, поэтому моя мама не возражала. Мать Мелиссы не работала. У нее был очень милый парень, намного старше ее, который продавал наркотики: кокс, травку и кислоту, – и все это он давал нам бесплатно при условии, что принимать мы будем только дома.**

Их многоквартирный дом находился на пересечении проспектов Эдинбург и Уиллоуби, примерно в двух кварталах к западу от Фэрфакса и в полуквартале к югу от бульвара Санта-Моника. Расположение было идеальное – начальная школа Лорел, где мы часто зависали с друзьями, находилась чуть дальше по улице. Кстати, там мы с Мелиссой и познакомились. Детская площадка у школы была таким же тусовым местом, как дом Мелиссы. Ее район представлял

собой интересную культурную мешанину: молодые геи, пожилые еврейские семьи, русские, армяне и выходцы с Ближнего Востока жили бок о бок. Там царила какая-то старомодная атмосфера в стиле сериала «Предоставьте это Биверу», все улыбались, махали друг другу и здоровались, но при этом в воздухе висело ощутимое напряжение.

Обычно вечерами мы с Мелиссой накуривались и слушали музыку вместе с ее мамой, а потом шли в гости к Уэсу и Нейту, двум геям, которые жили в единственном частном доме среди многоквартирных домов в радиусе шести кварталов. У них был огромный двор, наверное, около сорока соток, и высокий дуб с качелями. Мы выкуривали с ними косячок, а потом шли на задний двор, где лежали под дубом, глядя на звезды.

За это время я открыл для себя много современной музыки. И уже упоминал о том, что мои родители все время что-нибудь слушали; это самое дорогое воспоминание детства. Я до сих пор все это слушаю – от классических композиторов, которых любил мой отец, до легенд шестидесятых и начала семидесятых, которых любили и мама, и папа. Этот период был самым творческим временем рок-н-ролла. Я постоянно ищу и редко нахожу музыку лучше той. Иногда мне кажется, что получилось найти что-то классное, но при более тщательном прослушивании оказывается, что это очередное переложение старого оригинала. А потом я понимаю, что лучше послушаю самих Stones или Aerosmith, чем тех, кому они послужили вдохновением.

Когда мне было тринадцать, мне уже не хватало родительской коллекции музыки. **Я искал новых звуков и обнаружил их бесконечный запас дома у Мелиссы. Именно там я впервые услышал Supertramp, Journey, Styx, April Wine, Foghat и Genesis, – и никто из них не удовлетворял мой вкус полностью. Зато мама Мелиссы много слушала Pink Floyd, о которых я узнал еще от своей мамы, а при том, что там еще была отличная трава, музыка Pink Floyd вдруг приобрела новое звучание.** Эта квартира была раем для начинающего гитариста: накуриваться бесплатно, слушать новые мелодии и всю ночь заниматься сексом со своей девушкой – и все это еще до того, как я окончил среднюю школу.

Вряд ли есть что-то лучше живого концерта любимой группы.

Остаток восьмого и весь девятый класс я целыми днями слонялся по Голливуду со Стивеном, играл на гитаре у себя в комнате, а потом спал с Мелиссой. В какой-то момент я украл толстый магнитофон «Панасоник» и повсюду таскал его с собой, как губка, впитывая музыку вроде Теда Ньюджента, Cheap Trick, Queen, Cream и Эдгара и Джонни Винтеров. Каждый день я крал все больше и больше кассет, проглатывая по группе за раз. Обычно я начинал с концертного альбома с записью живой музыки, потому что считаю, что это единственный способ узнать, заслуживает группа внимания или нет. Если они довольно хорошо звучали вживую, то я крал все их записи. Кроме того, в концертном альбоме можно было послушать их лучшие хиты перед тем, как красть все альбомы, – я был экономным. Я по-прежнему люблю концертные альбомы. Как поклонник рок-музыки – а я до сих пор ощущаю себя в первую очередь поклонником – считаю, что нет ничего лучше живого концерта любимой группы. **Мне по-прежнему кажется, что лучшие портреты моих любимых исполнителей запечатлены в их концертных альбомах, особенно если мы говорим об альбоме Live Bootleg Aerosmith, Live at Leeds The Who, Get Your Ya Ya's Out Rolling Stones или Give the People What They Want The Kinks. Через много лет я очень гордился тем, что Guns N' Roses выпустили Live Era. Думаю, туда вошли одни из лучших наших моментов.**

Если не считать Мелиссы и Стивена, мои друзья были намного старше меня. Со многими из них я познакомился через своих приятелей, с которыми катался на велике, а с другими и позже, потому что у меня всегда откуда-нибудь была травка. Моя мама тоже курила травку и довольно либерально относилась к моему воспитанию: пусть лучше я буду курить травку у нее под присмотром, чем экспериментировать со всякими веществами неизвестно где. При всем

моем уважении к ней – у нее были самые добрые намерения, только она не знала, что я не только курю дома под ее бдительным присмотром, но и таскаю у нее травку (иногда и просто семена), чтобы курить и продавать на улице. Безусловно, это был лучший способ расположить к себе людей, и я очень благодарен ей за это.

У молодых людей постарше, с которыми я общался, были квартиры, они продавали наркотики, устраивали вечеринки и уж точно не думали о том, чтобы развлекать младших. Помимо очевидных преимуществ, эта среда позволяла мне открывать для себя музыкальные группы, которые я бы вряд ли услышал где-то еще. Иногда я тусовался с серферами и скейтерами, и они посадили меня на Devo, The Police, 999 и несколько других групп новой волны, которых даже крутили по радио. В другой компании, где я тусовался, один долговязый чернокожий парень за двадцать по имени Кевин на одной своей вечеринке посадил меня на первый альбом Cars.

Кевин был старшим братом одного из моих приятелей по велотусовке, парня по имени Кит, который прозвал меня Соломоном Гранди⁴. Я восхищался Китом, потому что за ним всегда бегали самые горячие девчонки из средней школы Фэрфакса. Когда мне было тринадцать-четырнадцать лет и я всюду увлекался великами, этот парень стал для меня примером – он был таким классным, что, казалось, вот-вот достигнет более взрослых и более утонченных интересов. Я до сих пор не знаю точно, почему Кит назвал меня Соломоном Гранди.

В общем, в музыкальном вкусе Кевина я как-то сомневаюсь. Он увлекался диско, не входившим в круг наших общих интересов. Правда, теперь я понимаю, почему оно ему так нравилось, – благодаря этому у него была возможность иметь много классных женщин, так что теперь я еще больше его за это уважаю. И мне это нравилось, потому что девушки его круга и те, что приходили к нему на вечеринки, были горячими и неразборчивыми в связях, что меня особенно интриговало. В общем, я даже не ожидал, что мне приглянется «классная новая группа», чью музыку Кевин как-то раз поставил, когда мы решили выкурить косячок у него в комнате на вечеринке. Где-то на середине первой песни я изменил свое мнение, а к концу второй навсегда стал поклонником Эллиота Истона. Эллиот был душой группы Cars, и их первая пластинка меня покорила. Как мне кажется, Cars были одной из немногих групп, оказавших влияние на музыкальную культуру в период, когда радиоволны захватила новая волна.

Незадолго до моего ухода с той вечеринки я услышал отрывок песни, которая по-настоящему привлекла мое внимание. **Кто-то поставил Rocks Aerosmith на стерео, я уловил всего две песни, но мне хватило и этого. В этой музыке было что-то такое развязное, чего я никогда прежде не слышал. Если соло-гитара – мой внутренний голос, который ждал выражения, то эта пластинка – то, чего всю жизнь ждал мой слух. Перед уходом я посмотрел на обложку альбома, чтобы узнать, кто играет. Я запомнил название Aerosmith.** За четыре года до этого дня, в 1975 году, у них был всего один радио-хит под названием *Walk This Way*. Спустя пару недель я снова наткнулся на пластинку *Rocks*... но уже не в самый подходящий момент.

Здесь мне придется зайти издалека и сказать, что отношения не бывают простыми, особенно когда вы оба молодые, горячие, неопытные и бурлите гормонами. Мы с Мелиссой по-настоящему увлеклись друг другом, но по-прежнему то расставались, то снова сходились, в основном из-за моего увлечения гитарой, которое пересиливало мое увлечение Мелиссой. Как раз мы снова расстались, и я положил глаз на девушку, условно назовем ее Лори. Она была значительно старше и явно не принадлежала к моему кругу друзей. У Лори были невероятные сиськи, длинные светло-каштановые волосы, и она носила очень тонкие топы на завязочках с глубоким вырезом. Они были настолько прозрачными и свободными, что легко было увидеть грудь. Лори тоже недавно осталась одна: рассталась с Рики, своим парнем-серфером, с какими

⁴ Вымышленный персонаж, суперзлодей-зомби из вселенной DC Comics.

обычно и встречалась. Я решил, что хочу быть с ней. Меня не волновало, что она на четыре года старше и даже внимания на меня не обращает. Я знал, что у меня получится. Я все время с ней заговаривал, уделял ей внимание и наконец завел с ней настоящий диалог. Она слегка потеряла бдительность и узнала меня получше, а как только это произошло, то, похоже, забыла, что всего пару недель назад я был лишь хулиганом-малолеткой, недостойным и взгляда. В конце концов Лори пригласила меня к себе как-то вечером, когда ее мама уезжала из города.

Я оставил велик у нее на газоне и пошел с ней наверх, к ней в комнату. Это произошло за много лет до того, как я стал понимать, что такое круто: у нее на лампах висели шарфы, повсюду были расклеены рок-постеры, была своя стереосистема и куча пластинок. Мы закурили, и я хотел показаться классным, поэтому листал пластинки и искал что-нибудь, чем ее впечатлить. Я узнал альбом *Rocks*, который видел на вечеринке у Кевина несколько недель назад, и поставил его в проигрыватель, не заметив даже, что он и так круглосуточно крутился у меня в подсознании с тех пор, как я услышал те две песни. Как только вступительные аккорды песни *Back in the Saddle* заполнили пространство, я застыл на месте. Я слушал и слушал, пригнувшись к колонкам и совершенно игнорируя Лори. Я позабыл и о ней, и о своих хитроумных планах на этот вечер. Через пару часов она похлопала меня по плечу.

– Эй, – сказала она.

– Ага, – ответил я. – Что такое?

– Похоже, тебе пора домой.

– А, да?.. Ну ладно.

Альбом *Rocks* по сей день действует на меня так же, как и тогда: надрывный вокал, грязные гитары и безжалостный ритм вместе составляют блюзовый рок-н-ролл – такой, каким он должен быть. В необузданной юности Aerosmith было что-то такое, что звонко отзывалось во всей моей сущности в то время. Этот альбом идеально выражал все, что я тогда чувствовал. После неудачи с Лори я посвятил себя изучению песни *Back in the Saddle*. Я украл в магазине кассету и песенник Aerosmith и бесконечно ее играл, пока не выучил все риффы. В процессе обучения я получил ценный урок: музыкальные книги не научат правильно играть. Я с горем пополам научился читать ноты с листа и понял, что ноты в песеннике не совпадают с теми, что я слышу в записи. Это было логично: я часами возился с нотами, и у меня все равно не получалось играть вместе с записью. Так что книги я бросил и занялся подбором песен на слух. С тех пор всю жизнь подбираю на слух все песни, которые хочу сыграть.

Тщательно изучая каждый аккорд *Back in the Saddle*, я понял, насколько уникально исполнение Джо и Брэда, которое никто не может в точности повторить, кроме них самих. Подражание – важнейшая веха для каждого музыканта в поисках собственного голоса, но оно ни в коем случае не должно заменять ему этот голос. Не стоит подражать своим героям, точь-в-точь повторяя ноту за нотой. Гитара – индивидуальный инструмент самовыражения, она должна оставаться тем, чем и является, – естественным продолжением музыканта.

К концу последних летних каникул в средней школе я создал свой собственный мир, столь же упорядоченный, сколь хаотичной оказалась жизнь моей семьи. В тот период, когда родители только разошлись и мама и папа завели себе на стороне какие-то нестандартные отношения, я понемногу жил то с матерью, то с отцом, и ни там, ни там обстановка меня не устраивала полностью. В итоге я в основном жил у бабушки в многоквартирном доме в Голливуде, а младший брат – у мамы. Конечно, большую часть времени я ночевал у Мелиссы.

После романа с Дэвидом Боуи мама начала встречаться с талантливым фотографом, которого мы назовем просто «бойфрендом». Они встречались около трех лет и в конце концов переехали в квартиру на Кокран-стрит, недалеко от Ла-Бреа, где я какое-то время жил с ними. Бойфренд был, наверное, лет на десять моложе Олы. Когда они познакомились, он был восходящей звездой: помню, как видел у них дома Герба Ритца, Моше Бракху и еще несколько зна-

менитых фотографов и моделей. У мамы и бойфренда был довольно бурный роман, за время которого она превратилась в его помощницу и забросила собственную карьеру.

У бойфренда в ванной была фотолаборатория. К концу их с мамой отношений я обнаружил, что он там всю ночь накачивается кокаином, пока якобы работает. До этого все было не так плохо, но как только в жизнь бойфренда внезапно ворвался кокаин, он быстро затормозил его карьеру, а вместе с ней потянул на дно и отношения с Олой. Бойфренд мучился, был несчастен, а несчастье требует компании, поэтому, хотя он мне совсем не нравился (и знал об этом), он решил затянуть и меня в эту дыру. Мы вместе нюхали кокаин, а потом шли гулять и забредали в чужие гаражи. Обычно мы крали подержанную мебель, старые игрушки и всякую всячину, которую люди, похоже, собирались выбросить. Одной из таких находок был красный диван, который мы с ним вместе дотащили до дома, а потом покрасили из баллончика в черный цвет и поставили в гостиной. Не представляю, что подумала Ола, проснувшись на следующее утро. На самом деле я до сих пор без понятия, потому что она так об этом ни разу и не заговорила. В общем, после наших ночных приключений бойфренд продолжал нюхать все утро и, думаю, весь день. В половине восьмого утра я нырнул в свою комнату, притворился, что сплю, а потом вставал, говорил маме «доброе утро» и отправлялся в школу, как будто только что хорошо выспался.

Мама настояла, чтобы я жил с ними, потому что не одобряла того, что происходит дома у отца. Как только отец оправился от расставания с мамой, он взял себя в руки и снял квартиру в доме, где жил его друг Майлз и несколько общих знакомых моих родителей. Все в этой компании много пили, а папа встречался с разными женщинами, так что мама решила, что мне такая обстановка не подходит. В тот период отец постоянно встречался с женщиной по имени Сонни. Жизнь Сонни не пощадила. Она потеряла сына в ужасной аварии, и, хотя и была довольно милой, у нее все было очень плохо. Они с отцом много времени проводили вместе и в основном пили и трахались. Так что какое-то время, пока я жил с мамой, папу я видел только по выходным, зато каждый раз, когда приходил, меня ждало что-нибудь интересное: например, необычная модель динозавра или что-нибудь техническое вроде самолетика с дистанционным управлением, который нужно было собрать самому.

Позднее я стал чаще видеться с ним, когда он переехал в квартиру на пересечении Сансет и Гарднер, в доме с апартаментами с общей ванной. В соседней квартире жил его приятель-музыкант Стив Дуглас. На первом этаже находился магазин гитар, хотя в то время у меня еще не было привычки туда заходить. Отцовская художественная студия занимала всю комнату, поэтому он обустроил спальное место на втором уровне над дальней стеной, и я жил там с ним некоторое время, когда учился в седьмом классе, сразу после того, как меня выгнали из средней школы Джона Берроуза за то, что я украл кучу велосипедов ВМХ – но эту историю уже не стоит рассказывать. Короче говоря, я какое-то время учился в средней школе Ле-Конте, и, так как отец не водил машину, я каждый день ходил в школу пешком, по восемь километров в одну сторону.

Я не совсем понимаю, чем папа и Стив зарабатывали себе на жизнь. Стив тоже был художником, и, насколько я мог судить, все, чем они занимались, – это целыми днями выпивали, а ночами писали картины для себя или говорили об искусстве. Одно из моих самых интересных воспоминаний о том времени связано со старомодной медицинской сумкой Стива, набитой винтажным порно, за разглядыванием которого он меня однажды поймал.

Наши квартиры фактически были общим пространством, так что я постоянно приходил к нему в студию, когда хотелось. Как-то раз он вошел и увидел, как я изучаю этот его сундучок с сокровищами. «Предлагаю пари, Сол, – сказал он. – Если тебе удастся украсть эту сумку прямо у меня из-под носа, можешь оставить ее себе. Слабо? Я очень быстро соображаю, так что тебе придется постараться». В ответ я лишь улыбнулся. Я составил план, как заполучить

этот клад, еще до того, как он бросил мне вызов. Я ведь практически жил с ним, так что по сравнению с кражами, которыми я занимался до этого, дельце представлялось пустяковым.

Через пару дней я зашел к Стиву узнать, не у него ли отец, а они как раз сидели там и вели такой оживленный разговор, что даже не заметили, как я вошел. Мне представилась прекрасная возможность. Я схватил сумку, вышел и спрятал ее на крыше. К сожалению, победой я наслаждался недолго: отец заставил меня ее вернуть, как только Стив понял, что она пропала. И очень жаль – те журналы были настоящей классикой.

Иногда в детстве я вбивал себе в голову, что мама и папа – не мои настоящие родители, и искренне верил, что меня похитили при рождении. Еще я часто убегал из дома. Как-то раз, когда я готовился к побегу, папа помог мне собрать вещи в маленькую клетчатую сумку, которую купил мне в Англии. Он с таким пониманием и добротой отнесся к моему решению, что тем самым убедил меня остаться. Эта тонкая обратная психология – одна из черт его характера, которую, как я надеюсь, унаследовал, потому что хотел бы применять ее и к своим детям.

Думаю, моим самым большим приключением был прыжок на велике «Биг Вил», который я сделал в шесть лет. Мы тогда жили наверху Лукаут-Маунтин-роуд, и я проехал по ней до Лорел-каньон, а потом до бульвара Сансет, что в сумме составило чуть больше трех километров. Я не заблудился, у меня был план: я собирался переехать в магазин игрушек и прожить там всю оставшуюся жизнь. Думаю, что всегда был настроен решительно. Конечно, в детстве мне много раз хотелось убежать из дома, но я не жалею о том, как меня воспитывали. Если бы все сложилось хоть немного иначе, если бы я родился всего на минуту позже, если бы я не оказался в нужном месте в нужное время или наоборот, то жизни, которой я живу и которую люблю, попросту бы не было. И такой расклад мне даже рассматривать не хочется.

Слэш отрывается на своей гитаре BC Rich

Глава 4. Старшекласник под кайфом

Коридоры в учреждениях на самом деле одинаковые, просто разных цветов. Я побывал в нескольких реабилитационных центрах, и некоторые из них были классом выше других, но клиническая трезвость их стен совершенно идентична. Там преобладает белый цвет, и повсюду оптимистические слоганы типа «Это лишь путь, а не пункт назначения» или «Однажды за один раз». Последний показался мне ироничным, если вспомнить путь, который прошла Маккензи Филлипс из сериала с тем же названием. Палаты там служили типичными декорациями, призванными вселять надежду в людей из всех слоев общества, потому что, как хорошо известно тем, кто там бывал, контингент пациентов реабилитационного центра представляет собой более точный срез общества, чем скамья присяжных.

Мне не сильно помогли групповые занятия. Я так там ни с кем и не подружился и даже не воспользовался безграничными возможностями завязать связи с новыми наркодилерами. После нескольких дней в постели, когда тело мое было утыкано капельницами для очищения крови, а сам я не мог ни есть, ни говорить, ни соображать, заводить с кем-то разговоры мне хотелось меньше всего. Для меня сосуществование с группой людей, тоже находящихся на реабилитации, было вынужденным, как и в старшей школе. И точно так же, как и в старшей школе, в эту группу я не вписывался. Ни одно из этих заведений не преподавало мне должных уроков, но в каждом из них я узнал кое-что важное. Когда я шел по их длинным коридорам в направлении выхода, я совершенно точно знал, кто я такой.

Я поступил в старшую школу Фэрфакс в 1979 году. **Это была типичная американская школа – линолеумные полы, ряды шкафчиков, внутренний дворик и несколько укромных местечек, где дети годами курили сигареты и принимали наркотики. Она была выкрашена в нейтральный светло-серый цвет и похожа на все остальные учреждения в мире.** Рядом с футбольным полем располагалось хорошее место, где можно ловить кайф, а на другой стороне кампуса находилась школа Уолта Уитмена, куда ходили все настоящие придурки, потому что их заставляли. Это место казалось тупиком, и, несмотря на то что оно выглядело интереснее обычного кампуса, даже издалека, я все равно старался держаться оттуда как можно дальше.

Стивена Адлера, моего лучшего друга, отправили в старшие классы обратно в долину, что в моем представлении было примерно так же далеко, как Испания. Правда, я несколько раз приезжал к нему туда, и долина всегда одинаково разочаровывала: плоско, сухо, жарче, чем дома, – прямо как в каком-нибудь районе из ситкома. Похоже, все, кто там жил, лелеяли свои одинаковые лужайки и одинаковые жизни. Уже в юности я понял, что с этим местом что-то не так. Под приправой «нормальности» все равно чувствовалось, что люди там в большем дерьме, чем в Голливуде. Я жалел Стивена и, когда он уехал, еще глубже погрузился в свой гитарный мир. Я ходил в школу и отмечался о регулярном посещении, но в основном посещал первые три урока, а все остальное время сидел на трибунах и играл на гитаре.

В школе был всего один предмет, который для меня хоть что-то значил. Только за него я получил пятерку. Это был курс теории музыки под названием «Гармония», на который я сразу же записался. Его вел парень по имени доктор Хаммел. В этом предмете элементы музыкальной композиции сводятся к основам, которые определяются в математических терминах. Я научился писать временные сигнатуры, аккорды и структуры аккордов, анализируя лежащую в их основе логику. На инструментах мы не играли: учитель иллюстрировал теорию на фортепиано, и на этом все – это был теоретический предмет. Несмотря на то, что математика мне давалась ужасно, на этом предмете все получалось, так что только его я никогда не прогуливал. Каждый раз, приходя на урок, мне казалось, что я уже все знаю. Я никогда сознательно не применял ничего из этой теории в своей игре на гитаре, но уверен, что

знания нотной записи осели у меня на подкорке и помогли в жизни. В классе было несколько занимательных персонажей: виртуозный пианист Сэм, еврейский парень с тугими кудряшками, и Рэнди – длинноволосый китаец-металлист. Рэнди всегда носил атласную куртку с группой Aerosmith и считал, что Кит Ричардс и Пит Таунсенд – отстой, а Эдди ван Хален – *Бог*. Мы все подружились, и я полюбил наши ежедневные дебаты не меньше, чем сам предмет, потому что на них собирались в основном музыканты и обсуждали одну лишь музыку.

С остальными предметами у меня таких успехов не было. Один учитель как-то раз решил проиллюстрировать мной понятие, когда я заснул прямо за партой. Я тогда подрабатывал по вечерам в местном кинотеатре, так что вполне мог просто не выспаться. Правда, скорее всего, мне было невыносимо скучно, потому что изучали мы социологию. Насколько я понял, учитель прервал свой рассказ, чтобы обсудить с классом понятие стереотипа. Он отметил, что у меня длинные волосы и тот факт, что я заснул, проиллюстрировав тем самым понятие *стереотипа*. Он заключил, что я рок-музыкант, у которого в жизни нет других целей, кроме как исполнять очень громкую музыку. Потом он меня разбудил и стал язвительно расспрашивать.

– Дайте угадаю: вы, наверное, музыкант? – спросил он. – На чем вы играете?

– На гитаре, – ответил я.

– А какую музыку?

– Рок-н-ролл, наверное.

– Она громкая?

– Да, довольно громкая.

– Обратите внимание, ребята, этот молодой человек – *прекрасный* пример стереотипа.

Я и так-то все время ворчу спросонья, а тут уж был совсем перебор. Я встал, подошел к учителю, опрокинул его стол и ушел. Этот случай, в сочетании с прошлым, когда меня спалили с травкой, положил конец моей карьере в школе Фэрфакс.

Гораздо больше о своих одноклассниках я узнал на внеочередных каникулах, когда и младшие, и старшие из Фэрфакса и других старших школ собирались в конце длинной грунтовой дороги наверху Фуллер-драйв на Голливудских холмах. Это место называлось Фуллер-эстейтс. Теперь там ничего нет – лишь изгиб пешеходной тропы в Раньон-каньоне. В конце семидесятых и начале восьмидесятых там был пустырь, где собирались подростки, а раньше даже еще веселее: в 1920-х там находился особняк Эррола Флинна, который занимал около гектара на вершине большого холма с видом на Лос-Анджелес. К тому времени, как я подрос, он уже развалился, и к 1979 году от него остался один фундамент – большая бетонная площадка и пустой бассейн. Когда я оказался там впервые, это место представляло собой величественные развалины с потрясающим видом.

Взрывной апокалиптический рифф песни словно поглотил все мое тело.

Потрескавшиеся бетонные стены образовали двухуровневый лабиринт – идеальное место для укурков всех возрастов. Ночью там была тьма кромешная, ведь место находилось вдали от уличных фонарей. И у кого-нибудь с собой всегда был радиоприемник. Как-то я сидел там под кислотой и впервые в жизни услышал Black Sabbath. Я тогда в полной прострации вглядывался в черное небо над Фуллер-эстейтс, пытаюсь соединить звезды, и вдруг кто-то рядом врубил на большой громкости *Iron Man*. Я не могу точно описать, что я почувствовал, – взрывной апокалиптический рифф песни словно поглотил все мое тело.

Это место и все, кто там тусовался, как будто сошли с киноэкрана, из фильма о подростках семидесятых. Кстати, атмосфера этого места и вправду отлично передана в фильме «Через край», где сыграл молодой Мэтт Диллон. Он о кучке подавленных, обкуренных и неуправляемых подростков из Техаса, которых родители игнорировали до такой степени, что они взяли в заложники весь свой город. В фильме, как, уверен, и в жизни у всех ребят, которые зависали в Фуллере, родители и понятия не имели, чем занимаются их дети. В наиболее агрессивные

и реалистичные моменты этот фильм хорошо иллюстрирует подростковую культуру того времени: родители большинства детей либо не обращали на них внимания, либо наивно полагали, что поступают правильно, доверяя своим детям и закрывая на все глаза.

Когда я учился в старших классах, ребята выглядели по-разному. В молодежную культуру просочился спандекс благодаря Пэт Бенатар и Дэвиду Ли Роту, и эта тенденция оставила свой красочный след: девушки носили обтягивающие неоновые комбинезоны с глубоким вырезом, да и некоторые парни от них не отставали. Помню, я видел трико, когда еще учился в средней школе, но, слава богу, к старшим классам они уже вышли из моды. Правда, пышные прически по-прежнему носили и парни, и девчонки. Это было настолько распространено, что уже совсем не круто.

Еще на молодежную культуру сильно повлиял фильм «Американский жиголо» с Ричардом Гиром в главной роли, повествующий об упадке стильного мужского эскорта из Беверли-Хиллз. И это худшее, что могло случиться с голливудскими подростками, потому что каждой девчонке, посмотревшей этот фильм, непременно хотелось воссоздать вокруг себя подобный мир. Ни с того ни с сего тринадцати-пятнадцатилетним девушкам захотелось одеваться лет на двадцать пять и встречаться с хорошо одетыми парнями намного старше. Я никогда не вникал в их психологию, но видел, как многие знакомые девчонки лет с пятнадцати начинали слишком много краситься, делать минет и встречаться с девятнадцатилетними и двадцатилетними. Это была чертовски жалкая и грустная картина. Многие из них стали жертвами этой тенденции еще до того, как доросли до легального возраста употребления алкоголя. В конце концов они начали заниматься всем этим слишком рано, что тяжело сказалось на их жизни еще до окончания школы.

Я не был похож на других ребят в школе и имел другие интересы. Носил длинные волосы, футболки, джинсы и кеды «Вэнс» или «Чак Тейлор» с тех пор, как сам стал выбирать одежду. Когда учился в средней школе, меня интересовала только музыка и игра на гитаре. Я никогда не следовал тенденциям, которые влияли на моих сверстников, поэтому был своего рода изгоем. Это всегда казалось парадоксом: я явно выделялся, но при этом не добивался внимания. Тем не менее я привык не вписываться и нигде не чувствовал себя комфортно: я так часто менял школы, что постоянно был новеньким, а в представлении моих одноклассников, видимо, каким-то чокнутым новеньким.

К тому же невооруженным глазом было видно, что я не принадлежу ни к высшему, ни к среднему, ни к низшему классу общества, ни к белым, ни к чернокожим, ни к кому-либо еще. Когда я подрос и продолжил переезжать с места на место, то понял, почему мама так сильно задумывалась над школьными регистрационными анкетами: если бы в определенных районах меня определяли как чернокожего, то отправляли бы в неблагополучную школу, в то время как белому можно было записаться в школу получше. В старших классах мне и в голову не приходило относить себя к какой-то расовой группе, и вспоминал я об этом только тогда, когда это становилось проблемой в голове у кого-то другого. За всю жизнь я попадал во множество ситуаций, замечая, как многие «непредубежденные» люди меняют свое поведение в моем отношении, когда не могут понять, белый я или чернокожий. Как музыканта меня всегда забавляло, что я и британец, и чернокожий, в особенности потому, что большинство американских музыкантов стремится подражать британцам, а многие британцы, особенно в шестидесятые, изо всех сил стремились походить на чернокожих. Это еще один признак, по которому я не был похож ни на кого другого. Зато конфликты на почве расовой принадлежности в своей жизни я могу пересчитать по пальцам одной руки. Все они происходили в ту пору, когда я влился в белый мир метала восьмидесятых. Однажды в клубе «Рейнбоу» я подрался с Крисом Холмсом из W.A.S.P. Дафф слышал, как Крис говорил, что негры не должны играть на гитаре. Он не сказал мне этого в лицо, но, очевидно, эти слова были обо мне. Насколько я помню, Дафф рассказал мне об услышанном позднее, и в следующую встречу с Крисом я

подошел к нему, чтобы поговорить лицом к лицу, а тот в страхе убежал. Помимо того, что эти слова оскорбляют лично меня, это еще и самая нелепая ложь, которую только можно придумать, – и музыканту должно быть стыдно говорить такое.

Я нашел себе друзей в старших классах. Это были особенные ребята, тоже отличавшиеся от всех остальных. Мои самые близкие друзья, Мэтт и Марк, сильно повлияли на меня в этот период жизни. Мэтт Кэссел – сын Сеймура Кэссела, одного из величайших актеров последних пятидесяти лет. С шестидесятых годов Сеймур сыграл почти в двухстах фильмах, а самыми известными стали те, в создании которых участвовал его близкий друг Джон Кассаветис. Он снялся в таком количестве фильмов и телешоу, что их все не перечислить. В последние годы больше всех его снимал режиссер Уэс Андерсон. Сеймур сыграл в «Академии Рашмор», «Семейке Тененбаум» и «Водной жизни». Сеймур – голливудская легенда. Он поддерживал инди-кино еще до того, как оно стало самостоятельным институтом (его философия заключалась в том, чтобы играть роли, которые ему откликаются, за гонорар, которого хватало только на перелет). Еще он был важной фигурой в закрытой кинематографической королевской семье, включавшей Кассаветиса, Бена Газзару, Романа Полански и др.

Я приходил в гости к Мэтту, сидел у него в комнате, часами играл на гитаре и разучивал музыку с его пластинок: *Live* Пэта Трэверса, новейшего альбома AC/DC *Back in Black*. В этих альбомах несколько часов гитарных риффов, которые учить – не переучить. Они жили прямо у бульвара Сансет на Кингс-роуд, за отелем «Райот Хаятт» и рядом с домом в виде буквы «А», который по-прежнему там стоит. В этом доме постоянно снимали порнофильмы, а Сеймур выращивал травку у себя на заднем дворе. Дом буквой А был еще одним поводом зайти к Мэтту: иногда мы туда ходили и тусовались с девушками из порно. Это было не совсем правильно, но им нравилось нас заводить и обламывать, играя друг с другом.

У Сеймура были лучшие вечеринки, и он достаточно хорошо воспитал своих детей, чтобы доверять им и разрешать тусоваться самим. Моя мама была знакома с Сеймуром, но она бы никогда не допустила у себя того, что там происходило. На вечеринках у Сеймура царила свобода и веселье. Его дети, Мэтт и Дилинн, были настолько умны и независимы, что ему не нужно было беспокоиться: они уже поняли, кем являются в этой сумасшедшей жизни. Бетти, жена Сеймура, никогда не выходила из своей спальни. Происходящее наверху для меня было темной зловещей тайной. Учитывая тот факт, что Сеймур управлял семьей железным кулаком, Мэтт допускал в свой мир лишь избранных друзей, одним из которых оказался я.

Как-то раз Сеймур посмотрел на меня и придумал мне прозвище, которое, как ему казалось, подходит мне больше, чем собственное имя. Дело было у него на вечеринке, где я ходил из комнаты в комнату в поисках того, что мне больше интересно, и тут он взял меня за плечо, уставился на меня своим добрым взглядом и сказал: «Эй, Слэш, ты куда? Ты куда, Слэш? А?»

Как видите, прозвище ко мне прицепилось. Мои друзья, которые тоже зависали у Сеймура, еще в школе стали называть меня Слэшем, и вскоре все стали звать меня только так. Тогда нам с друзьями это показалось просто крутым прозвищем, но лишь много лет спустя мне удалось выяснить у Сеймура, что оно значит. Мы гастролировали с альбомом *Use Your Illusions* и оказались в Париже. Со мной была мама, и Сеймур тоже как раз оказался там. Мы обедали втроем, и он объяснил, что это прозвище воплощает мою суетливость во всех смыслах этого слова. Он гордился тем, что я сделал себе имя и что именно он дал мне это прозвище. Он называл меня Слэшем потому, что я никогда не стоял на месте больше пяти минут; он видел во мне человека, который постоянно придумывает следующий план. И он был прав: я всегда ходил туда-сюда чаще, чем оставался где-то надолго. Я постоянно в движении, часто здороваюсь и тут же прощаюсь, и Сеймуру удалось запечатлеть эту черту в одном слове.

У Сеймура я познакомился с кучей людей, включая группу Rolling Stones. Они отыграли концерт в лос-анджелесском Колизее и пришли к нему на вечеринку. Я видел этот концерт. Они тогда исполняли *You Can't Always Get What You Want*, и я этого никогда не забуду. Мне

удалось пожать руку Ронни Вуду. Мне было пятнадцать, и я даже не подозревал, что когда-нибудь он станет одним из моих лучших друзей. Кстати, мой первый сын Ландон был зачат у него дома.

Еще один мой близкий друг, Марк Мэнсфилд, появлялся и исчезал из моей жизни с тех пор, как мы познакомились в старшей школе. Кен, отец Марка, был продюсером звукозаписи, а его мачеха – певицей. Родная мать у него жила в Санта-Барбаре, куда он часто ездил, когда у него случались неприятности, а неприятности были все время. Семья Марка жила в очень хорошем доме у бульвара Сансет, а сам Марк был маленьким Джеймсом Дином с легким оттенком Денниса Хоппера. Он пробовал все на свете и мог сделать что угодно, стоило только кому-нибудь взять его на слабо, – и делал это с чистым энтузиазмом и улыбкой на лице. Медленно, но верно такое отношение к жизни вело его по кривой дорожке в воспитательные колонии для несовершеннолетних, реабилитационные центры и подобные места. Марк был из тех парней, которые могут позвонить тебе в десять утра и сообщить, что они с другом только что съехали в кювет на маминой машине где-то на Маллхолланд-драйв. Они угнали машину матери этого самого друга, когда та уехала по делам, и немедленно съехали на ней с дороги в каньон. К счастью для них, машина застряла на дереве, и им удалось выбраться обратно на дорогу. Излишне говорить, что в следующий раз Марк звонил уже из-под домашнего ареста из дома своей матери в Санта-Барбаре.

Как только я научился связно играть три аккорда и импровизированные сольные партии, мне захотелось собрать группу. Стивен тогда уехал в долину, так что мне пришлось выкручиваться самому. Я пытался создать группу еще с окончания средней школы, но дела шли не очень хорошо. Я нашел басиста и барабанщика, чья мама преподавала французский в старшей школе Фэрфакса. Я впервые общался с таким темпераментным и истеричным барабанщиком. Если он допускал хоть одну ошибку, то опрокидывал всю установку. Потом нам приходилось ждать, пока он все вернет на место и заново настроит. Басист в нашей группе был просто потрясающий. Его звали Альберт, и мы играли каверы на Rainbow вроде *Stargazer*. К несчастью, Альберт попал в аварию на Маллхолланд-драйв и около месяца пролежал в коме. Он лежал на вытяжке. В шею и в обе ноги у него были воткнуты иглы, а ноги придерживали специальные скобы – короче, ужас. Когда он вернулся в школу, то напоминал букву «А» и уже думать не думал ни о какой бас-гитаре.

Мой первый профессиональный концерт состоялся в баре «У Эла», где я играл в группе с друзьями отца. Отец очень гордился моим увлечением гитарой и всегда хвастался друзьям моими успехами. Не знаю точно, что именно, но что-то тогда случилось с их гитаристом, и Тони уговорил их взять меня вместо него. Уверен, они очень волновались и гадали, справлюсь ли я. Но я вышел на сцену, и все получилось: мы играли в основном блюзовые квадраты и обычные блюзовые каверы вроде *Stones*, которые я обожал. За выступление я получил несколько бокалов бесплатного пива, а значит, оно было профессиональным.

Среди моих школьных друзей было несколько гитаристов. Я познакомился с парнем по имени Адам Гринберг, который играл на барабанах, а еще мы нашли парня по имени Рон Шнайдер, который играл на басу, и так мы собрали трио под названием Tidus Sloan. До сих пор понятия не имею, что означает это название... Я почти уверен, что придумал его Филипп Дэвидсон (до него мы скоро доберемся). Как-то вечером Филипп что-то бессвязно бормотал, и мне стало и впрямь любопытно, что он там говорит.

- Тидус всеми слоун домой, – сказал Филипп. По крайней мере, я так услышал.
- *Чего?* – спросил я.
- Тид ус всем и слоун ти дом, – ответил он. Ну, или я так подумал.
- Слушай, Филипп, что ты хочешь этим сказать?
- Я те грю, что тидус этим слоун пти мой, – говорит он. – Тидус слоун пойти *домой*.
- Ладно, приятель, – ответил я. – Класс.

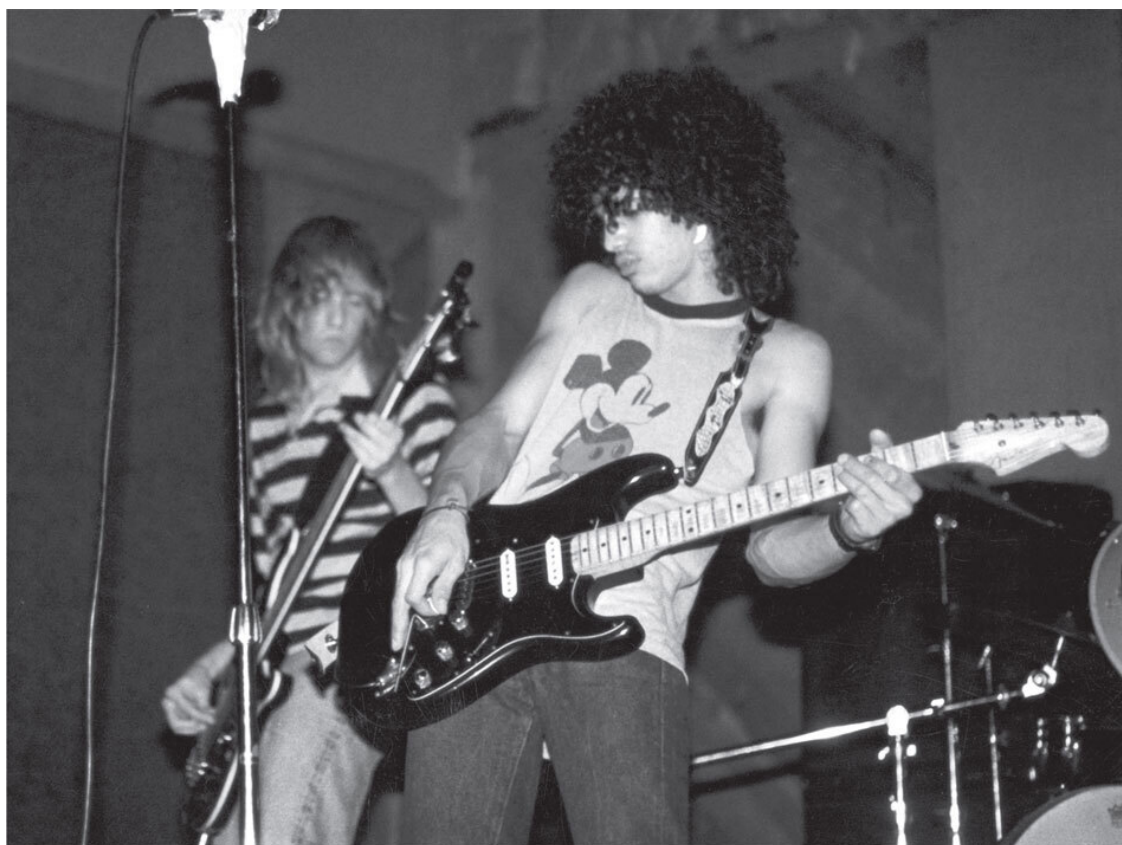
Кажется, он хотел, чтобы я попросил всех девчонок, которые тусовались у него дома, пойти домой, но об этом я думать не хотел, зато решил, что Tidus Sloan, какого бы хрена это ни значило, – отличное название для группы.

Tidus Sloan был чисто инструментальной группой, потому что мы так и не нашли вокалиста, а я уж точно не собирался петь сам. В целом у меня не подходящий для фронтмена склад личности. И так слишком больших усилий мне стоит выйти и хоть что-то сказать людям. Все, чего я по-настоящему хочу, – играть на гитаре и чтобы меня оставили в покое. В общем, группа Tidus Sloan исполняла ранний Black Sabbath, ранний Rush, ранний Zeppelin и ранний Deep Purple без вокальных партий. Мы играли ретро еще до того, как появилось понятие ретро.

Мы репетировали у Адама в гараже, что просто сводило с ума его мать. Они с соседями постоянно на нас жаловались, и это вполне понятно, потому что играли мы слишком громко для жилого района. Маму Адама звали Ширли, и я нарисовал в ее честь комикс, где в дверях комнаты стоит женщина и во всю глотку орет: «Это слишком громко, а я не выношу шума!» Пол в комнате на картинке завален пивными банками, а на кровати лежит длинноволосый парень, который играет на гитаре и ни на что не обращает внимания.

Моя карикатура на Ширли послужила вдохновением для моей первой татуировки. Правда, женщина, которую я набил на руке, совсем на нее не похожа – у моей прическа Никки Сикса и огромные сиськи, а у настоящей Ширли были бигуди, она была старой и толстой – правда, тоже с большими сиськами. Я сделал эту татуировку в шестнадцать лет. Она на правом предплечье, а внизу написано «Слэш». Потом Адам объяснил мне, что частые вспышки гнева у Ширли – моя вина: я тогда только взял у мачехи Марка Мэнсфилда ток-бокс. Это такой блок эффектов, который позволяет музыканту менять звук инструмента, по-разному зажимая ртом полую трубку, подключенную к этому инструменту. Судя по всему, звуки, которые я издавал, напоминали Ширли ее покойного мужа, умершего от рака горла всего пару лет назад. Ему приходилось говорить через искусственный голосовой аппарат, а звуки, которые я издавал, были очень похожи на последние слова ее мужа, чего она вынести не могла. Стоит ли говорить, что я перестал использовать ток-бокс у нее дома.

У нас в старшей школе было еще несколько гитаристов и групп, например, Трейси Ганз и его группа Pyrrhus. Когда я только начинал играть и у меня еще не было электрогитары, то в какой-то момент я ему очень завидовал. У Трейси был черный Les Paul (настоящий) и усилитель Reavey, и я никогда не забуду, каким *цельным* казался мне тогда его образ. Наши группы играли на вечеринках и следили друг за другом, поэтому в наших выступлениях присутствовал элемент соревнования.

*Слэш и Рон Шнайдер – две трети состава *Titus Sloan**

В старших классах я старался общаться со всеми музыкантами, каких только встречал. Было несколько парней моего возраста и несколько постарше из поколения Deep Purple, с напрочь отбитыми мозгами и давно уже прошедшим сроком годности для того, чтобы тусоваться со старшеклассниками. Лучшим из них был вышеупомянутый Филипп Дэвидсон: он не только случайно придумал название моей первой группы, но еще и играл на Stratokaster, что было очень круто, а кроме того, его родителей, похоже, вечно не было дома. Он жил в обшарпанном доме в Хэнкок-парке, заросшем сорняками, и мы веселились там целыми днями и ночами. Мы были подростками и устраивали пивные вечеринки без родителей – там был только Филипп и двое его братьев-укурков.

Мне всегда было интересно, куда запропастились его родители. Их дом напоминал комиксы «Мелочь пузатая», где только дети и ни одной взрослой фигуры. Для меня это было загадкой – всегда казалось, что его родители могут в любой момент вернуться домой, но этого не происходило. По ощущениям, этот вопрос волновал только меня. Филипп лишь упоминал о существовании своих родителей, которым принадлежит дом, но они так ни разу и не материализовались. Спрятаться им было негде – это был одноэтажный дом с тремя спальнями. Может, их уже давно похоронили на заднем дворе, а если и так, то их все равно бы никто никогда не нашел, потому что двор был завален мусором.

Филипп имел обыкновение гулять из одной комнаты в другую с сигаретой или косяком в руке или и тем и другим одновременно и рассказывать невероятно *длинные* истории, а длинными они были потому, что говорил он очень *медленно*. Это был высокий долговязый парень с козлиной бородкой, длинными каштановыми волосами и веснушками; и он *всегда* выглядел так, как будто *укурен*, а иногда это так и было. Время от времени он хмыкал от смеха, но в основном его лицо ничего не выражало. Глаза его казались постоянно закрытыми – вот настолько он был укурен.

По идее Филипп играл Хендрикса и еще кучу всего на своем винтажном Stratokaster, но я ни разу этого не слышал. Я вообще ни разу не слышал, чтобы он играл хоть что-нибудь. Каждый раз, когда я туда приходил, помню только, что он ставил в проигрыватель альбомы Deep Purple. Он был настолько не в себе, что общаться с ним было довольно тяжело. Я всегда вижу в людях самое лучшее, и не важно, в чем их чертова неисправность. Но Филипп? **Я тщетно ждал, пока произойдет что-то волшебное, пока из маленькой искорки в нем разгорится пламя, которое другим не разглядеть. Так я прождал все два года старшей школы и ничего не увидел. Вообще ничего. Зато у него был Stratokaster.**

Мне не нравится сочетание кокаина и гитары.

Учитывая все обстоятельства, Tidus Sloan выполнял задачи школьной группы. Мы выступали в школьном амфитеатре и на разных школьных вечеринках, а еще у меня на дне рождения. Когда мне исполнилось шестнадцать, Марк Мэнсфилд устроил для меня вечеринку в доме своих родителей на Голливудских холмах. На день рождения моя девушка Мелисса подарила мне грамм кокаина, и в тот вечер я получил ценный урок: мне не нравится сочетание кокаина и гитары. Перед тем как выйти на сцену, я снюхал несколько дорожек и едва ли мог правильно сыграть хоть одну ноту. Мне было по-настоящему стыдно. С тех пор я всего несколько раз совершал ту же ошибку: мне не нравилось звучание инструмента, я не мог найти ритм, и мне вообще не хотелось играть. Ощущения были такие, будто я впервые в жизни взял в руки гитару, и было так же неловко, как когда я в первый раз встал на лыжи.

Так мы сыграли примерно три песни, а потом я просто ушел. Уже тогда я научился откладывать все внеклассные занятия до момента ухода за кулисы. Я могу играть пьяным, но знаю свою норму. А героин – уже совсем другая история, так что к ней мы вернемся позже. В общем, я достаточно хорошо усвоил урок, чтобы не брать таких привычек с собой на гастроли.

Самый экстравагантный концерт группы Tidus Sloan был на бат-мицве где-то в глуши. Как-то вечером мы с Адамом и Роном накурились на ранчо Ла-Брея и познакомились с девчонкой, которая предложила нам пятьсот баксов за выступление на вечеринке у ее сестры. Когда она поняла, что нам не очень интересно, она стала перечислять известных людей, «друзей семьи», которые тоже будут на вечеринке, включая Мика Джаггера. Мы по-прежнему были настроены скептически, но за следующие несколько часов ей удалось так представить эту вечеринку, как будто это самое громкое событие в Лос-Анджелесе. Так что мы запихали свою технику и столько друзей, сколько влезло в пикап своего друга Мэтта, и поехали выступать. Вечеринка проходила в семейном доме часах в двух дороги от Голливуда – то есть на час сорок пять дольше, чем мы рассчитывали. Мы ехали так долго, что, когда наконец добрались, уже не понимали, где мы. Как только мы свернули на подъездную дорожку, стало очень трудно поверить, что в этом доме состоится самая звездная вечеринка года: это был маленький старомодный пенсионерский домик. На мебели были прозрачные виниловые чехлы, в гостиной лежал синий ворсистый ковер, а на стене висели семейные портреты и фарфор. Для такой площади мебели там было *слишком* много.

Мы приехали накануне вечером и ночевали у них в гостевом доме. Это был гостеприимный жест, но сама идея ужасна, и, по правде говоря, эта правильная еврейская семья казалась потрясенной нашим приездом. Вечером мы установили оборудование на веранде, где были расставлены столы и стулья и устроена маленькая сцена для представления. Затем мы решили уничтожить запас выпивки, которую привезли с собой. Пили мы, стараясь не выходить из гостевого домика, но, к сожалению, запас быстро заканчивался, и нам пришлось проникнуть в большой дом, чтобы взять пару бутылочек того, что приготовили к празднику. Эти бутылки оказались не самым лучшим выбором: после своих водки и виски мы стали пить «Манишевиц» и ликеры, которые не предназначались для употребления из горла, и так начались очень длинные выходные – для нас, для хозяев и для множества гостей, которые приехали утром.

За одну ночь наша группа и друзья так сильно разгромили гостевой домик этой семьи, что степень разрушения превзошла все подобные эпизоды из будущей истории Guns N' Roses на моей памяти. Ванна была заблевана. Я уселся на раковину с девчонкой, и раковина отвалилась от стены, отчего во все стороны стала хлестать вода, пока мы не перекрыли трубу. Выглядело все так, как будто мы специально устроили разгром, но на самом деле это лишь побочный эффект нашего пребывания. Рад признаться, что не совершил самого страшного проступка и не наблевал в тушеное мясо. Это традиционное блюдо подавали в семье на каждой бар-мицве и бат-мицве, и хозяева оставили его в гостевом доме на медленном огне, чтобы оно приготовилось к завтрашнему дню. В какой-то момент один из наших друзей поднял крышку, наблевал в кастрюлю и снова закрыл ее крышкой, никому ничего не сказав и даже не выключив огонь. Не могу описать, каково было проснуться на полу с дикой головной болью и осколками стекла, впившимися в лицо, и ощутить в воздухе аромат теплого мяса с блевотиной.

К сожалению для несчастной семьи хозяев, шоу ужасов продолжилось. Всю свою выпивку, а также то, что удалось украсть накануне в большом доме, мы уже прикончили, поэтому с утра первым делом стали таскать алкоголь из бара для гостей и репетировать. Днем, когда родственники собрались на праздник, мы играли довольно громко, и никто не знал, что сказать и сделать по этому поводу, хотя и было выдвинуто несколько предложений.

Очень бодрая невысокая пожилая дама подошла к нам с конструктивной критикой.

– Слушай, молодой человек, это *слишком громко!* – сказала она, шурясь на нас. – Может, можно убавить? Мы тут пытаемся поговорить!

Бабушка оказалась модной, у нее были толстые круглые очки в черной оправе и дизайнерский костюм, и, несмотря на невысокий рост, она явно обладала большим авторитетом. Она спросила нас, знаем ли мы какие-нибудь «знакомые» песни, и мы постарались ей угодить как могли. **Мы сыграли все каверы на Deep Purple и Black Sabbath, какие только знали.** Для нас устроили сцену, а перед ней расставили стулья, но, за исключением нескольких шести-восьмилетних детей, все гости прижались к дальней от сцены стене. Вообще гости вели себя так, как будто на улице дождь, потому что, когда я взглянул наверх, я понял, что они все набились в гостиную при том, что причины избегать свежего воздуха, помимо звуков нашего выступления, не было.

Мы совершенно смутили всех гостей, поэтому решили привлечь их более медленной музыкой: сыграли хэви-метал – версию песни *Message in a Bottle*. Это не помогло, поэтому мы стали играть все популярные песни, какие только знали. Мы по кругу играли *Start Me Up* без вокальной партии. Все оказалось бесполезно. Наше получасовое инструментальное исполнение песни не вытащило никого на танцпол. От отчаяния мы сыграли *Feelings* Морриса Альберта в переложении Джими Хендрикса. Но и это не помогло – так что эта композиция стала нашей лебединой песней, и мы убрались оттуда к чертям.

Может, кого-то это удивит, но еще до того, как собрать группу, я начал постоянно работать, чтобы зарабатывать на свое увлечение. С девятого класса я развозил газеты, и у меня был довольно длинный маршрут. Он проходил от Уилшира и Ла-Брея до Фэрфакса и Беверли. Этим я занимался по воскресеньям. Мне нужно было встать в шесть утра, если только не удавалось уговорить бабушку меня подвезти. На обеих ручках руля висели огромные сумки, так что если бы я хоть чуть-чуть наклонился в одну сторону, то непременно бы рухнул. Потом я устроился на работу в кинотеатр в Фэрфаксе.

Количество времени, которое я вкладывал в работу, и количество времени, которое я вкладывал в изучение гитары, одновременно стали для меня откровением: наконец-то я понял, для чего так стараюсь. Думаю, в этом на меня повлияли родители: папина творческая жилка и мамин инстинкт успеха. Может, я и не ищу легких путей, зато мне всегда хватает решимости дойти до конца, когда я чего-то хочу. Это упорство помогало мне преодолевать трудности во времена, когда, казалось, все против меня, а я совсем один и не вижу выхода.

На работе я всегда сосредоточивался и старался сделать ее хорошо независимо от того, нравилась она мне или нет, потому что знал, что надрываюсь днями и ночами ради своей страсти. Я устроился на работу в «Бизнес Кард Клокс», небольшую фабрику по производству часов, которые доставляли по почте. Каждый год с сентября по декабрь я собирал часы для нескольких компаний, которые закупали их для подарков сотрудникам. Я прикреплял к оргалитовой основе увеличенное изображение визитной карточки компании, в центр помещал часовой механизм, все это обрамлял деревянным корпусом, упаковывал в коробку, и готово. Я собрал тысячи и тысячи таких штук. У нас была почасовая оплата, и я там был единственным, кто сходил с ума на работе: приходил в шесть утра, работал весь день и всю ночь, а потом там же засыпал. Кажется, это незаконно, но меня это не волновало: я хотел успеть за сезон заработать как можно больше денег.

Это была отличная работа, и я продержался на ней несколько лет, правда, потом мне за нее прилетело: мой босс Ларри платил мне личными чеками, ведь меня так и не трудоустроили официально, так что налоговую декларацию за меня компания не подавала. Поскольку я не числился как сотрудник, то и не считал нужным самому платить налоги. Зато, как только я стал зарабатывать в составе группы Guns несколько лет спустя, мне позвонили из налоговой и потребовали все это уплатить, да еще плюс пени. До сих пор поверить не могу, что из всех проступков, которые я совершил, правительство решило прищучить меня за то, что я работал на фабрике часов. Потом я узнал, как все было: налоговая инспекция проверила Ларри и стала допрашивать его об определенной сумме денег, которая уходила куда-то несколько лет подряд, и он был вынужден сознаться, что платил ее мне, своему сотруднику, в обход налогов. Налоговая служба нашла меня и наложила арест на мои доходы, счета и активы: все деньги, которые поступали на мой счет, немедленно изымались в счет налоговой задолженности. К тому моменту я слишком долго прожил в бедности, чтобы взять и сразу отдать все, что заработал: вместо того чтобы немедленно все выплатить из аванса в Guns, я перевел свою долю в дорожные чеки и всюду носил их с собой. Но об этом чуть позже.

Еще одна работа была у меня в музыкальном магазине «Голливуд Мьюзик Стор» на пересечении Фэрфакса и Мелроуза, где продавались музыкальные инструменты и ноты. Как бы я ни старался заработать себе на пропитание и на любимое занятие, всегда происходила какая-нибудь фигня. Вот один из таких примеров: был один парень, который каждый день приходил и играл на гитаре. Он снимал со стены гитару, которую еще не брал, глядя на нее так, как будто видит впервые, и часами на ней играл. Он ее настраивал, упражнялся и играл соляки примерно целую вечность. Уверен, такой завсегдатай есть в каждом музыкальном магазине.

Когда я пошел в старшую школу, уже было столько классных альбомов с тяжелым роком, слушать которые и учиться на которых было сплошным удовольствием: Cheap Trick, Van Halen, Тед Ньюджент, AC/DC, Aerosmith и Queen были в самом расцвете сил. В отличие от многих моих коллег-гитаристов, я никогда не стремился подражать Эдди Ван Халену. Он считался лучшим гитаристом, поэтому все старались хоть как-то на него походить, но ни у кого не было такого же *чувства инструмента*, но, похоже, никто этого не понимал. У него было настолько особенное звучание, что я даже представить не мог, что когда-нибудь приближусь к нему, и даже об этом не мечтал. Слушая Эдди, я снял у него несколько блюзовых отрывков, которые никто не приписывает его фирменному стилю, потому что, кажется, никто по достоинству не оценил его потрясающее чувство ритма и мелодии. Так что пока все остальные оттачивали свои хаммер-оны и слушали Eruption, я просто слушал Ван Халена. Мне всегда нравились гитаристы-индивидуалисты, от Стиви Рея Вона до Джеффа Бека, Джонни Винтера и Альберта Кинга, и хотя я учился у них и технике, то, что я впитал их *страсть* игры, значит для меня гораздо больше.

В любом случае к тому времени, как я поступил в старшую школу, все изменилось. К 1980 году английский панк проложил путь в Лос-Анджелес и превратился в нечто совер-

шенно нелепое, утратив связь с корнями. Произошла внезапная перемена моды, которую просто невозможно было не заметить: вдруг все подростки, с которыми я был знаком, стали носить драные рубашки, говнодавы и цепи на бумажниках, сделанные из скрепок или английских булавок. Никогда не понимал, в чем фишка всего это позерства, – очередной поверхностный тренд, который подхватили в Западном Голливуде и который расцвел вокруг клубов «Рейнбоу», «Виски», «Клуб Линжер» и «Старвуд».

Лос-анджелесский панк никогда не казался мне достойным внимания слушателя, потому что он был какой-то ненастоящий. В тот период очень популярна была группа Germs, имевшая множество подражателей, и все они, как мне казалось, не умели играть и были совершенно отстойными. Единственные группы, которые я считал стоящими, – X и Fear, да и все. Я уважал основную суть панка, которая с точки зрения музыканта заключается в том, чтобы не очень хорошо играть и плевать на это. Но мне не нравилось, что все, кто тогда играл, интерпретировали эту эстетику неправильно: есть большая разница между намеренными ошибками и просто плохой игрой того, кто играть вообще не умеет.

Слэш занимается тем, что у него получается лучше всего: постоянно играет

Панк-рок вышел из Лондона и Нью-Йорка и оставил след в истории музыки, и, несмотря на то, насколько неправильно его интерпретировали в Лос-Анджелесе, благодаря ему там появилось много отличных клубов, в числе которых «Кафе де Гранд». Это было лучшее место с хардкорными панк-концертами, и не единственное – в «Палладиуме» тоже проводили отличные хардкорные концерты. Я ходил туда на концерт Ramones, который никогда не забуду, – слушать их было все равно что серфить на огромных волнах. За несколькими исключениями, лос-анджелесский панк был так же жалок, как и километровые очереди позеров, выстраивавшиеся перед клубом «Старвуд» каждые выходные.

В то время я наконец стал юношей. До этого я постоянно был самым младшим в компании, интересовался всем, что увлекало ребят постарше, и старался стать частью их классной, почти взрослой жизни. **Теперь, когда я подросток, панк-движение и ужасная мода, которая проскользнула за ним в заднюю дверь, все мне испортили. Как только я стал**

достаточно взрослым, чтобы смочь по-настоящему оценить молодежную культуру, царившую до панка, все просто взяло и на хрен испортилось.

С момента моего рождения и до 1980 года все было довольно стабильно. Музыка по-прежнему основывалась на рок-н-ролле, несмотря на довольно разбавленные группы, которые из него вышли: Foghat, Styx, Journey, REO Speedwagon и многие другие. Где-то с 1979–1980 годов, за исключением Van Halen, все пошло в другом направлении, и это привело к совершенно новому оттенку бунтарства, и то, что мне нравилось, постепенно вытеснила мода.

Я хотел играть на гитаре в группе, верной своим корням.

Когда меня исключили из старшей школы Фэрфакса за случай на уроке социологии, я оказался в подвешенном состоянии. Мама всегда считала мое образование приоритетом. Она разрешала мне жить там, где я хочу, и так, как я хочу, все летние каникулы при условии, что каждую осень, где бы она сейчас ни жила, я переезжаю к ней. Ей нужны были основания для уверенности в том, что я хожу в школу, и доказать ей это можно было только живя с ней под одной крышей. Летом после отчисления я записался на летние занятия в голливудскую старшую школу, чтобы попытаться заработать баллы, необходимые для поступления в Объединенную среднюю школу Беверли-Хиллз, где без этого я бы сильно отставал от своих одноклассников. Когда я готовился к квалификационному экзамену и сдавал его, я, похоже, всеми силами пытался его завалить, чтобы вообще не учиться в старших классах. Экзамен прошел не очень хорошо: в первые полчаса я вышел покурить и не вернулся.

В тот период мама окончательно рассталась со своим бойфрендом, тем самым бойфрендом-фотографом. Как только он начал продавать вещи из дома, чтобы покупать кокаин (в конце концов он оказался банкротом), мама с братом собрались и съехали от него. Я тогда нечасто бывал дома, поэтому не видел этой сцены. Но все равно почувствовал облегчение, когда об этом узнал.

Мама, брат и бабушка переехали вместе в квартиру на Уилшире и Ла-Сьенеге, и, согласно маминому правилу, осенью я приехал к ним. Мама хотела, чтобы я окончил среднюю школу, прежде чем начну свой собственный путь, но это было не так-то просто. Мои оценки, посещаемость и поведение были далеко не звездными, так что она сделала все возможное: записала меня в класс коррекции в старшую школу Беверли-Хиллз.

Обычно туда попадают ребята, у которых проблемы с адаптацией в обществе: расстройства, влияющие на способность к обучению, проблемы с поведением, – и все, кому не подходит стандартная учеба. Когда я учился в Фэрфаксе, я старался избежать такой ситуации, а здесь мне было даже хорошо: мне разрешалось работать в своем темпе и подстроить расписание учебы под рабочий график. Я приезжал в школу в восемь, а уезжал в двенадцать, потому что у меня тогда было две работы. Помимо работы в кинотеатре Фэрфакса, я трудился на часовой фабрике, потому что осенью производство там было в самом разгаре.

Мои одноклассники в классе для «особенных» были по-настоящему особенными. Там была парочка реальных байкерш. Одна из них напоминала бегемота, а ее крепкий парень за сорок из «Ангелов Ада» каждый день ее забирал. Он приезжал пораньше и ждал на улице, разогревая мотор, а у второй девчонки был свой «Харлей». Еще в классе было три рокерши из Стрипа. Они носили волосы цвета морской волны, которые торчали во все стороны, рваные футболки и шипастые ботинки на шпильках – словом, их внешний вид говорил сам за себя. Они все были по-своему привлекательны... скажем, умели пользоваться тенями для глаз и помадой. В этом классе я познакомился еще с одной девчонкой по имени Дезире, дочерью Нормана Сейфа, одного из друзей моего отца и известного рок-фотографа. Мы с ней играли в детстве и уже тогда шалили. Я был влюблен в нее еще мальчишкой, а теперь для этой влюбленности появилось еще больше причин: Дезире сидела в ряду передо мной и носила свобод-

ные футболки без рукавов и без лифчика. Она превратилась в сексуальную панк-рокершу с отличной грудью и казалась мне такой же милой, как и в семь лет.

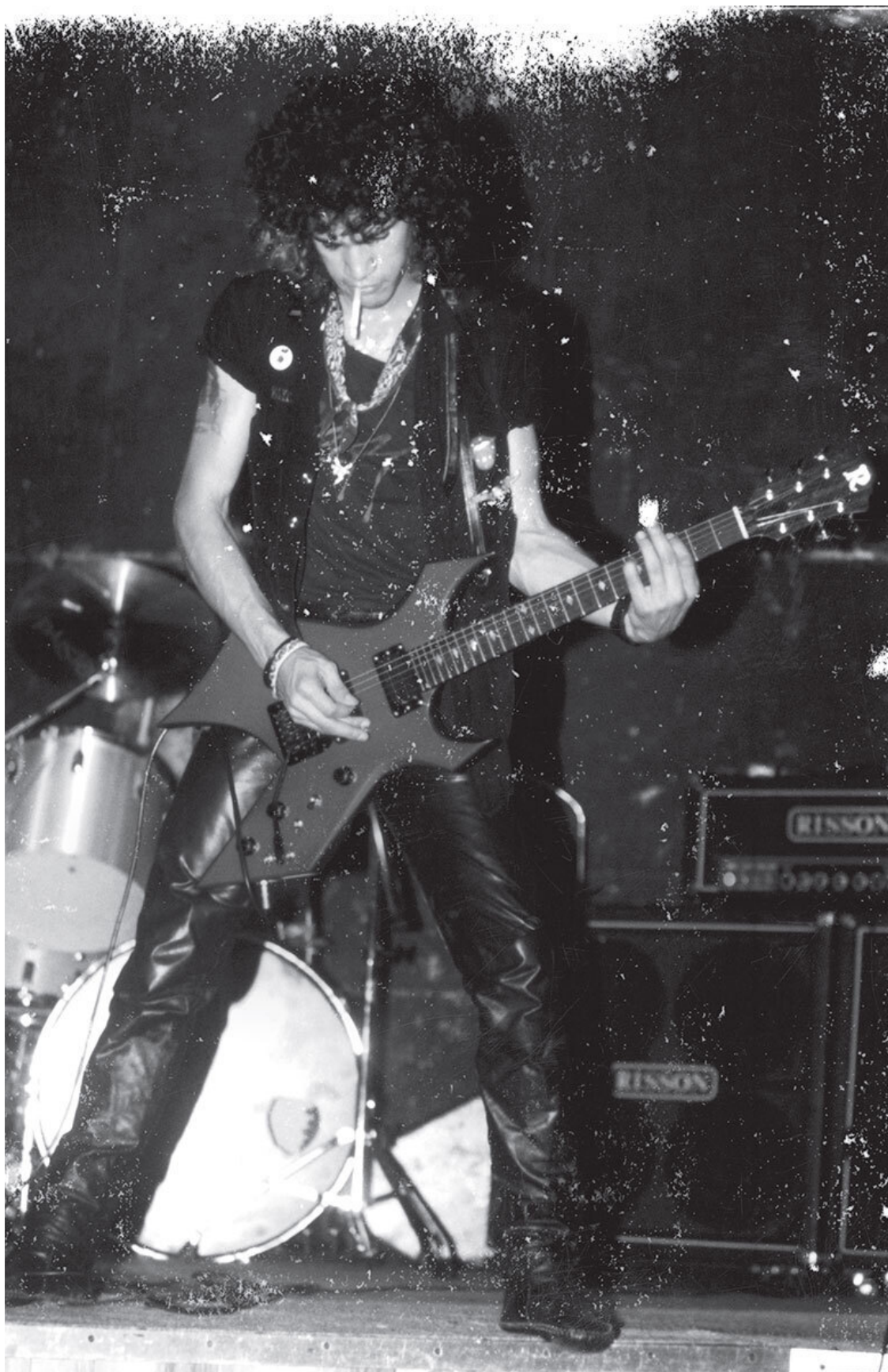
В классе было много всякого сброда. Мы представляли собой разнообразную и необычную группу людей, которую легко было бы запечатлеть в коллекции статуэток: серфер-укурок Джеф Спиколи, горячая малолетняя мамаша-шлюшка, пухлая задумчивая готесса, грустный индийский парнишка, который работал в ночную смену в супермаркете своих родителей, – все мы едва ли походили на остальных старшеклассников школы. Когда я думаю о тех временах, мне становится любопытно, каким образом каждый из этих ребят оказался именно там, в элитной школе Беверли-Хиллз. Наш класс изолировали в целях прогрессивного образования в одном кабинете, у которого был свой общий туалет, к тому же служивший нам курилкой. Там-то я и понял, почему эти три рокерши из Стрипа выглядят именно так: они были неофициальными президентами фан-клуба Mötley Crüe. Еще они бесплатно продвигали группу: когда я первый раз с ними курил, то тоже подсел на эту музыку.

Я знал о Никки Сиксе, басисте и создателе Mötley Crüe, еще со времен его первой группы под названием London, потому что мы со Стивеном как-то раз попали на их выступление в клубе «Старвуд», когда нам удалось пробраться внутрь. Группа London классно смотрелась на сцене. В сочетании с бюджетной пиротехникой и одеждой в стиле Kiss группа производила огромное впечатление на подростков. Я понятия не имел, что Никки познакомился с Томми, а потом они нашли остальных парней и превратились в Mötley Crüe. Не догадывался я и о том, что эта группа возглавляет движение, которое в одночасье затмит лос-анджелесский панк. Mötley не походили на Quiet Riot, Y&T или любую другую группу из Стрипа того периода: они тоже были на вершине, но при этом отличались от всех остальных. У них был настолько яркий собственный стиль, что любой (похоже, кроме меня) сразу узнал бы в тех трех девчонках поклонниц Mötley Crüe.

В жизни бывают моменты, которые только время поможет как следует оценить. В лучшем случае понимаешь, что момент особенный, непосредственно в процессе, но в основном это показывают лишь время, расстояние и трезвый взгляд. Как раз перед тем, как я совсем забросил попытки получить образование, был один из таких моментов – это день, когда Никки Сикс и Томми Ли очутились у моей школы. Шесть лет спустя я буду нюхать с ними дорожки с перевернутых подносов в их частном самолете, но день, когда я увидел их возле старшей школы Беверли-Хиллз, запомнился мне даже больше. Они были в сапогах на высоких каблуках, брюках-стрейч, с прическами и макияжем, они курили сигареты и болтали с девушками на парковке у нашей школы. Это была по-настоящему сюрреалистическая картина. Я наблюдал за тем, как мои новые подруги по классу коррекции, три похожие друг на дружку девчонки-фанатки, смотрят на этих парней круглыми, как пончики, глазами, а Томми и Никки равнодушно отдают им афиши, чтобы те развесили, и листовки, которые нужно раздать в Стрипе, оповещая так зрителей о предстоящем концерте Mötley. **Я пришел в восторг: девчонкам нравилась эта группа настолько, что они не только решили одеться как они, но и готовы были добровольно рекламировать их на улицах. Никки дал им записи нового EP Too Fast for Love, и у девушек была задача обратить всех своих друзей в фанатов Mötley Crüe. Словно сам Дракула выпустил своих приспешников в Беверли-Хиллз, чтобы те напились крови девственниц.**

Меня это очень впечатлило, и я объективно завидовал: я не мог представить, что буду играть в группе, которая выглядит и играет так же круто, как Mötley Crüe, но хотел именно этого. Да, я хотел бы играть на гитаре в группе, которая внушает слушателям столь же сильный трепет и преданность. В те выходные я пошел на концерт Mötley в клуб «Виски»... с точки зрения музыки все было норм, а само шоу просто *потрясающее*. Концерт оказался незабываемым, потому что в нем продумано все: Винс поджег высокие сапоги Никки, а еще они взо-

рвали тонну петард. Томми барабанил с такой силой, как будто хотел расколоть свою ударную установку пополам, а Мик Марс шатался по своему краю сцены, сгорбившись как ходячий мертвец. Но больше всего меня поразила публика: они были настолько увлечены творчеством группы, что подпевали каждой песне и возбудились так, словно группа была хедлайнером лос-анджелесского Форума. По крайней мере, мне было очевидно, что именно это и ждет Mötley. И в моем сознании это означало только одно: если у них получается, то какого черта не получится и у меня?

Слэш выступает с Black Sheep в 1985

Глава 5. Мало шансов на успех

Как только накапливаешь хоть немного жизненного опыта, понимаешь, что все твои поступки так или иначе к тебе возвращаются. Возможно, это произойдет сегодня, завтра или через несколько лет, но это точно произойдет. Обычно это случается как раз тогда, когда меньше всего ждешь, и скорее всего вернется совсем не таким образом, как было изначально. Те случайные моменты, меняющие всю нашу жизнь, только кажутся случайными, но я с этим не согласен. По крайней мере, так сложилось в моей жизни. И я знаю, что не один такой.

Я тогда не виделся с Марком Кантером около года, потому что каждый из нас был занят своими делами. За это время он сильно изменился: в последний раз, когда мы встречались, он был музыкальным фанатом и только начинал работать в своем семейном ресторане «Кантерс Дели». Он никак не походил на рокера – скорее, это можно было сказать про меня, и то если смотреть издалека. Когда мы встретились снова, Марк стал совершенно другим: теперь он был одержимым фанатом рок-музыки. Я бы и за миллион лет не угадал, что так сложится, но он всю свою жизнь посвятил группе Aerosmith. Его комната превратилась в настоящее святилище: плакаты Aerosmith сплошным коллажем закрывали все стены вместо обоев, там был полный каталог журналов, в которых были упоминания о группе, аккуратная фотогалерея с автографами группы в пластиковых обложках, а редких зарубежных виниловых пластинок и подпольных концертных кассет хватило бы, чтобы открыть собственный музыкальный магазин.

Марк не старался выглядеть как рок-звезда. Он выглядел как рок-фанат и носил футболки Aerosmith, не позволяя своему увлечению зайти настолько далеко, чтобы еще и подражать Стивену или Джо в одежде. Тем не менее оно вдохновляло его на преследование, воровство, проникновение на чужую территорию и некоторые другие слегка незаконные занятия во имя дела. Марк каким-то образом связался с местным сообществом билетных спекулянтов: он покупал кучу билетов на концерт, а потом торговался с перекупщиками до тех пор, пока не выменяет себе парочку идеальных мест в зале. Все это было для него одной большой игрой. Он напоминал мальчишку, который меняется с другими ребятами бейсбольными карточками, а когда наступает время концерта, становится тем самым парнем, который уходит домой с самыми редкими экземплярами в кармане.

Как только он заполучал желанные билеты, его настоящее дело только начиналось. Он проходил в зал с отличным профессиональным фотоаппаратом и набором объективов, разобрав его на части и распахивая их по разным карманам, рукавам куртки и другим местам, куда их только можно было поместить. Его ни разу не поймали, и ему удалось заполучить блестящие кадры с живых выступлений Aerosmith. Единственная проблема заключалась в том, что он увлекся Aerosmith слишком поздно: когда он по-настоящему подсел, группа распалась.

Жемчужиной его коллекции сувениров группы Aerosmith был пустой пакет из-под чипсов «Доритос» и маленький пакетик на молнии, полный окурков, который он стащил из номера Джо Перри в отеле «Сансет Маркиз». Очевидно, ему удалось снять тот номер и проникнуть туда после того, как Джо выписался, и еще до того, как туда пришла горничная. Джо даже не выступал на концерте накануне вечером – в тот момент он уже ушел из группы. Мне казалось это немного странным: Aerosmith даже *не играли вместе*, а Марк все равно жил этой группой 24/7. Марк – один из моих самых лучших друзей в жизни с того самого дня, как мы познакомились, поэтому мне пришлось поддержать его, внося вклад в его коллекцию: на день рождения я подарил ему свой скетч группы Aerosmith, где они выступают на сцене. Основу я нарисовал карандашом, а тени и свет наложил цветными ручками, и получилось неплохо.

Этот рисунок преподавал мне урок, который формулировали многие мудрецы на протяжении истории: все, что ты даешь этому миру, так или иначе возвращается к тебе. В данном случае рисунок вернулся ко мне в буквальном смысле и принес с собой как раз то, что я искал.

В следующую нашу встречу я как раз был в тупике: я безуспешно пытался собрать группу в мире музыкантов, звучание и увлечения которых мне даже не нравились. Я стремился к тем же достижениям, какими уже наслаждались не очень крупные музыканты, но если для этого требовалось измениться самому, у меня не получалось – я старался как мог, но понял, что совершенно не способен идти на компромиссы. Сейчас, когда история уже на моей стороне, не буду притворяться, как будто где-то в глубине души я всегда знал, что все сложится хорошо. Тогда вообще непохоже было, что хоть что-то получится, но это не помешало мне продолжать делать то, что я считал правильным, – и каким-то образом в итоге мне повезло. Я нашел четыре таких же поломанных родственных души.

Тогда я работал в музыкальном магазине в Голливуде. Как-то раз ко мне подошел стройный парень, одетый как Джонни Сандерс. На нем были узкие черные джинсы, тяжелые ботинки, он носил крашенные черные волосы и розовые носки. В руках он держал копию моего рисунка группы Aerosmith, которую ему дал наш общий знакомый: очевидно, его отпечатали, а копии разошлись поклонникам группы. Парню рисунок настолько понравился, что он решил меня найти, особенно когда узнал, что я соло-гитарист.

– Привет, чел, это ты нарисовал? – спросил он немного нетерпеливо. – Меня прет. Это чертовски круто.

– Ну да, я, – говорю. – Спасибо.

– Как тебя зовут?

– Я Слэш.

– Огонь. А я Иззи Стрэдлин.

Болтали мы недолго. Иззи всегда был человеком, которому вечно куда-то надо бежать. Мы договорились встретиться еще, и он пришел ко мне в гости и принес записи своей группы. Хуже звучания я еще не слышал: кассета была самая дешевая, а репетицию записывали на встроенный микрофон в бумбоксе, который стоял на полу. По звукам казалось, будто они играют где-то внутри двигателя самолета. Но сквозь статический шум, как будто где-то вдалеке, я услышал нечто, что меня заинтриговало, – похоже, это был голос вокалиста. Его было трудно разобрать, и визг был настолько пронзительным, что я принял его за технический дефект записи. Он напоминал скрип от кассеты перед тем, как лента закончится, – только она не заканчивалась.

После неоконченной старшей школы я жил с мамой и бабушкой в доме на Мелроуз и Ла-Сьенега, в подвальной комнате рядом с гаражом. Мне это жилье подходило идеально. Если нужно было, я мог незаметно ускользнуть через окно на уровне тротуара в любое время дня и ночи. У меня там жили змеи и кошки, а еще я мог играть на гитаре в любое время, никому не мешая. Как только я бросил школу, то сразу договорился с мамой, что буду платить за жилье.

Как я уже упоминал, у меня было несколько работ, а еще я пытался собрать группу или попасть в группу в болоте лос-анджелесского метала. Примерно тогда я какое-то время работал в «Кантерс Дели» на должности, придуманной Марком специально для меня. Я работал один в банкетном зале наверху. Он вообще не был устроен для банкетов – скорее, там они хранили всякое барахло, которое им никогда не понадобится. Тогда я еще не понимал, в чем тут юмор.

Моя работа заключалась в том, чтобы сравнивать чеки официантов с квитанциями кассиров, чтобы Марк мог быстро и легко вычислить, кто у него подворовывает. Это было так просто! Такую работу мог бы выполнять любой идиот. А еще за нее полагались плюшки: пока я раскладывал бумажки на две стопочки, я все время ел бутерброды с пастромой и пил колу. Моя работа не была бесполезной: благодаря ей Марк уличил в воровстве многих сотрудников, которые, вероятно, обворовывали его семью много лет.

После моего ухода Марк взял на эту работу Рона Шнайдера, моего басиста из Tidus Sloan. Мы до сих пор иногда собирались и играли вместе, но выйти на следующий уровень не могли – без вокалиста в Стрипе выступать не будешь.

Работа в голливудском музыкальном магазине была одной из немногих, которые я рассматривал как ступеньки к профессиональной оплачиваемой игре на гитаре. Я занимался этим не ради славы и девушек – я хотел этого по гораздо более простой причине: не было ничего в мире, что мне нравилось бы больше. В магазине я был продавцом, продавал все имеющиеся в наличии гитары и на каждой из них играл, но это была далеко не единственная сфера моей компетенции. Еще я продавал всякое дерьмо, о котором не имел никакого понятия. Я легко разглагольствовал о басовых усилителях, описывая их до мельчайших подробностей, а когда дело доходило до барабанных установок, кожи на барабанах, барабанных палочек и всего широкого спектра ударных инструментов, которые я продавал, – тут я просто делал из дерьма конфетку, и это мое достижение впечатляет меня по сей день.

Мне нравилась работа в музыкальном магазине, а помимо этого там еще было настоящее вуайеристское чистилище. Как только выдавалась свободная минутка, я глазел в окна звукозаписывающей студии «Чероки», находившейся прямо напротив. «Чероки» была популярной студией в начале восьмидесятых: не то чтобы я был большим поклонником группы Doobie Brothers, но каждый раз, когда я наблюдал, как они идут туда записывать песню, я чертовски им завидовал. А в тот день, когда я в очередной раз выглянул в окно и случайно увидел там Рика Окасака, направляющегося в «Чероки», я был совершенно ошарашен.

Примерно тогда же Стивен Адлер вернулся из своей вынужденной ссылки в долину, и мы продолжили с того места, где остановились. У нас обоих были девушки, и мы все вчетвером стали неразлучны. Моя подруга Ивонна училась в выпускном классе, когда мы познакомились. Она была прилежной ученицей днем и отвязной рокершей ночью, восхитительно справляясь с обеими ролями. Ивонна была удивительная: очень умная, сексуальная, откровенная и слишком амбициозная – сейчас она успешный адвокат в Лос-Анджелесе. После окончания школы она поступила на факультет психологии в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, а так как к тому времени я начал время от времени жить с ней, она каким-то образом уговаривала меня вставать примерно в восемь утра в мой выходной и провожать ее на учебу. Утро я проводил в университетском городке, сидя на улице, куря сигареты и наблюдая за проходящими мимо яппи. Иногда, когда курс или профессор казались мне интересными, я сидел с ней на лекциях.

Не помню, как звали девушку Стивена, но они с Ивонной подружились, потому что мы все время куда-нибудь ходили вчетвером. Большую часть времени мне даже не хотелось никуда выходить, но мы все равно отправлялись в Стрип – и мне даже не нравилась современная музыка, хоть я и старался быть ко всему открытым. Последней каплей стала невероятно раскрученная и переоцененная «инновация» – первые музыкальные эфиры MTV. Я ждал, что они будут похожи на «Рок-концерт Дона Киришнера» – часовое шоу с живой музыкой, которое показывали по субботам вечером с 1973 по 1981 год. В этой передаче каждую неделю снимали нового исполнителя и транслировали живые выступления разных артистов от Stones, Eagles, Sex Pistols и Sly & the Family Stone до комиков вроде Стива Мартина.

MTV было полной противоположностью: они снова и снова крутили She Blinded Me with Science Томаса Долби, Police и Пэт Бенатар. Я буквально по несколько часов ждал, пока там включают хорошую песню, и обычно это был Prince или Van Halen. То же я ощущал, когда вечером ходил по бульвару Сансет: видел я много всего, а нравилось мне очень мало, и все время было ужасно скучно.

Стивен же здесь был в своей стихии. Его полностью поглощало все, что происходило в Стрипе, потому что это был его шанс осуществить свою мечту стать рок-звездой. До этого он никогда не проявлял подобного честолюбия: он шел на все, чтобы попасть в клуб, познакомиться с разными людьми, завести связи и быть в курсе всех событий. Стивен дежурил на парковке у клуба «Рейнбоу» каждую пятницу и субботу вечером и следил за каждой группой,

которая там играла, делая все возможное для того, чтобы попасть внутрь, разве что не отдавая кому-нибудь свои яйца прямо в руки.

Мне редко хотелось идти с ним, потому что у меня никогда не получалось делать то, что для этого требовалось: я был не способен унижаться, чтобы получить желаемое. Не знаю почему, но мне ужасно не нравилось тереться на парковках и у черного входа в надежде поймать за хвост любой шанс войти внутрь. Я так редко туда попадал, что в итоге бесконечные утренние сказки Стивена о том, какие невероятные группы играли там накануне и какие классные девочки там собрались, меня окончательно достали. Правда, когда я туда все же попадал (вопреки своему здравому смыслу), то ни одного из мифических существ, населяющих мир Стивена, я там так и не видел. Ничего эпического не произошло – просто несколько обычных скучных вечеров.

Я подумал про себя, как, должно быть, тяжело быть девушкой.

Как-то раз вечером, не похожим на остальные, мы со Стивеном взяли машину у моей мамы (кажется, мне тогда было семнадцать) и отправились в «Рейнбоу».

Мы поехали в Голливуд, дошли пешком до клуба и обнаружили, что сегодня там вечеринка для девушек.

– Это чертовски круто! – воскликнул Стивен.

Я уже несколько лет ходил в «Рейнбоу» благодаря своему поддельному удостоверению личности и тому, что там работал один и тот же вышибала по имени Стеди. Он по-прежнему там работает и все так же меня узнает. Но по какой-то причине именно в тот вечер Стеди не хотел меня пускать: он впустил Стивена, а меня послал подальше.

– Не-а, тебе не сюда, – сказал он. – Не сегодня. Иди домой.

– Чего? – удивился я. Я не имел права возмущаться, но все равно возмутился. – Что это значит? Я же постоянно сюда хожу, чувак.

– Ага, мне насрать, – ответил он. – Убирайся, сегодня ты не войдешь.

Я так страшно разозлился тогда. Мне больше некуда было идти, поэтому я последовал приказу Стеди и отправился домой. Я решил утопить свое унижение в алкоголе, и, как только хорошенько напился, мне в голову пришла безумная идея вернуться в «Рейнбоу», переодевшись девушкой. В моем пьяном сознании это было очень разумно, как обычно и бывает: я покажу Стеди – пройду в клуб бесплатно, потому что там вечеринка для девушек, – а потом займусь Стивеном. Адлер приставал ко всем девчонкам, которых только видел на своем пути, так что я был уверен, что он полезет ко мне еще до того, как поймет, кто это.

Маме мой план показался забавным: она нарядила меня в юбку и колготки в сеточку, уложила волосы под черный берет и накрасила мне лицо. Туфли ее мне не подошли, но наряд был отпадный – я выглядел как настоящая цыпа. Нет – как цыпа из клуба «Рейнбоу». Я вернулся в Западный Голливуд в своем новом прикиде, припарковался в нескольких кварталах на Дохени и дошел до клуба пешком. Я был пьян и словно выполнял секретную миссию, так что никаких ограничений для меня не существовало. Я неторопливо подошел к Стеди и чуть не рассмеялся ему в лицо, когда он пропустил меня внутрь взмахом руки, даже не спросив удостоверение.

Я ощущал себя на вершине мира, я был победителем – пока не обнаружил, что Стивена в клубе нет. Как будто американские горки закончились еще до того, как вагончик поднялся на первую горку. **Реальность ситуации отвесила мне смачную пощечину: я стою посреди клуба «Рейнбоу», переодетый в девушку. Осознав это, я сделал единственно разумный выбор – убрался оттуда.** Мне показалось, что я брел до маминей машины целую вечность, что каждый выкрик и каждый смешок ребят на улице был в мой адрес. Я подумал про себя, как, должно быть, тяжело быть девушкой.

Как-то раз вечером девушка Стивена столкнулась в городе с Томми Ли, и Томми пригласил ее в студию «Чероки» потусоваться и посмотреть, как Mötley записывают *Theatre of Pain*, следующий альбом после своего прорыва – *Shout at the Devil*. Девушка Стива не думая позвала с собой нас с Ивонной и Стивеном. Похоже, она решила, что приглашение Томми означало, что она может звать кого угодно. Нам со Стивеном следовало бы сразу догадаться, что тут что-то не так. Мы отправились туда все вчетвером в предвкушении веселой тусовки и возможности понаблюдать за происходящим. Когда же мы пришли, нам очень недвусмысленно дали понять, что девушкам можно войти (что они и сделали), а нам нет, предложив вернуться домой. Мы вскипели от злости: наши подруги отправились в студию, а мы остались сидеть в креслах в вестибюле студии и весь вечер пытались успокоиться, обсуждая, чем это они там занимаются. В общем, не очень красивая сцена.

Уж не знаю, как так вышло, но почему-то эти воспоминания не оставили раны на моем самолюбии и не помешали мне получить работу в «Чероки». Я целый год ходил за менеджером студии и просил взять меня. Я заходил туда каждый день, как по будильнику, во время обеденного перерыва в своем музыкальном магазине через дорогу. Так я и ходил туда-обратно, а потом в какой-то момент он сдался и принял меня на работу. Мне это казалось важной вехой в карьере – теперь я был в одном шаге от того, чтобы стать профессиональным музыкантом. Я сильно заблуждался тогда, но план мой состоял в том, чтобы устроиться в студию и начать заводить полезные связи, потому что там я смогу каждый божий день встречаться с музыкантами и продюсерами. Мне казалось, что студия – это специальное место для встречи с другими музыкантами, которые относятся к своему делу серьезно, а еще благодаря этой работе я смогу бесплатно записываться, когда соберу группу. И с этой ерундой в голове я ушел с работы в музыкальном магазине, решив, что только что вытянул счастливый билет.

Меня наняли в «Чероки» помощником инженера, ни больше ни меньше. Меня не волновало, как там это называется. В первый рабочий день я явился в полной готовности бегать по поручениям, выносить мусор и вообще делать что угодно. По крайней мере, так мне казалось: я заметно потерял энтузиазм, когда узнал, что на ближайшую неделю моя работа заключается в том, чтобы бегать по поручениям Mötley Crüe. Чуть больше недели назад эти же парни не пустили меня в студию, а еще, вероятно, поимели мою подружку (я поверил ей, когда она сказала, что ничего не было, но все же...), а теперь мне придется быть у них мальчиком на побегушках. Ну класс...

Менеджер студии дал мне сто долларов на выполнение первого поручения Mötley, которое, как мне казалось, будет далеко не последним: нужно было купить большую бутылку «Джека Дэниелса», большую бутылку водки, несколько пакетов чипсов и пару блоков сигарет. Выйдя на солнечный свет, я посмотрел на столларовую бумажку, обдумывая все плюсы и минусы смирения со своей гордостью. Погода стояла прекрасная. Подойдя к винному магазину, я остановился и на минуту задумался.

Я посмотрел на небо, потом с минуту смотрел на тротуар и снова зашагал – уже в сторону дома. Это вся наша общая история со студией «Чероки»: если учесть, сколько тысяч часов я провел в звукозаписывающих студиях за годы своей карьеры, то практически невероятно, что нога моя больше никогда не ступала на порог «Чероки». Да я и не собираюсь туда идти – я задолжал ребятам сто баксов. Однако тот единственный день, проведенный там, преподал мне бесценный урок: путь в музыкальный бизнес мне предстояло проложить самому. Дело не в том, что работать на побегушках у Mötley Crüe мог бы любой идиот, да и вообще кто угодно другой, – дело в том, что я не хотел этим заниматься из принципа. Я рад, что так поступил. Потом мне было гораздо легче играть у Mötley на разогреве, когда они нас сами пригласили.

Я ушел из музыкального магазина, решив, что работа в студии станет для меня последней, а потом все получится. Едва ли. В тот момент все складывалось не ахти: я не окончил школу, не

собирался поступать в колледж и, насколько мне было известно, бросил единственную работу, которая могла бы помочь мне на моем пути.

На какое-то время я остался без работы и без видимого направления, и для мамы настал идеальный момент снова отправить меня в школу – хоть какую-нибудь. Да благословит Господь ее вечное стремление дать мне образование. На этот раз она сделала единственное, что имело смысл, – она знала, что я люблю музыку, поэтому записала меня в какую-то странную профессиональную музыкальную школу.

Меня расстраивает, что я не могу вспомнить ее название, зато хорошо помню, какими рассеянными были наши учителя. Почти уверен, что мама узнала об этой школе из листовки, лежавшей в прачечной. В общем, я туда записался, пришел, и несколько недель меня на практике учили прокладывать кабели и ставить светофильтры (или «желатины») на софиты на концертных площадках. В этой школе обучали звукорежиссуре и светотехнике в очень практической манере. У нас в классе было примерно шесть человек, и мы почти сразу после начала учебы стали помогать техникам на площадках вроде клуба «Кантри», «FM-Стейшен» и многих других мест в Лос-Анджелесе. На самом деле это была не школа, а полный обман: очевидно, ее держала продюсерская компания, устраивавшая концерты, так что мы, студенты, не просто работали на нее бесплатно – они еще и брали с нас деньги за обучение. Как бы там ни было, я научился устанавливать осветительные приборы и звуковую аппаратуру для живых концертов. Мне это тоже нравилось, пока однажды вечером не пришлось работать осветителем на концерте группы под названием Bang Bang, которая, очевидно, очень хотела быть похожа на Duran Duran. Наблюдая за их выступлением, я понял две вещи: 1) музыкальное представление не могло бы быть более нелепым и 2) эта «школа» никуда меня не приведет.

Я отчаянно хотел играть в группе, поэтому каждую неделю просматривал объявления в бесплатной музыкальной газете «Ресайклер» в поисках приглашения туда, где мне понравится. По большей части это было бесполезно: объявления писали любители для любителей. Но как-то раз я увидел объявление, которое меня заинтриговало: вокалист и гитарист искали себе коллегу-гитариста в духе Aerosmith и Nanoi Rocks. И что еще более важно, там прямо говорилось: «никаких бород и усов».

Я позвонил по указанному в объявлении номеру и договорился встретиться с ними в гостевом доме, который они снимали на какой-то улице в Лорел-каньоне. Я пришел туда с девушкой, с которой тогда встречался, и сразу же узнал Иззи, приходившего ко мне в магазин с рисунком Aerosmith. Потом я понял, что второй парень – это тот вокалист с высоким голосом, которого я слышал в записи. Я подумал: *круто, из этого что-то может получиться*. Их маленькая лачуга больше походила на чулан: в ней помещалась кровать, перед которой можно было присесть на пол, и телик, служивший единственным источником света.

Я немного поболтал с Иззи, а Эксл все это время висел на телефоне, хоть и кивнул головой в знак приветствия, когда я вошел. Тогда я подумал, что он повел себя грубо, но сейчас понимаю, что это совсем не так. Когда Эксл вступает в разговор, его уже не остановить. В Guns мы называли это явление катастрофой Твена: если Эксл начинал что-то рассказывать, то становился многословнее Марка Твена. Однако та первая встреча прошла довольно непримечательно: либо они решили, что второй гитарист их больше не интересует, либо я просто не подходил для этой роли. Как бы там ни было, мы ни к чему не пришли.

Как только Стивен вернулся в Голливуд, он с гордостью сообщил мне, что, пока жил дома у мамы в долине, научился играть на ударных, и я уверен, что отчасти именно из-за этого мама его опять и выгнала. Стивен был готов собирать группу, несмотря на то что я тогда вполне играл в Tidus Sloan и откликался на странные объявления по поиску гитариста в газете. Я не воспринимал его всерьез. Стивен напоминал мне директора по связям с общественностью и немного надоедал: он стал приходить на репетиции Tidus Sloan и при каждом удобном случае заявлял, что играет на ударных лучше Адама Гринберга. Когда я в конце концов оказался без

группы, Стив уже раздражал меня настолько, что я даже не хотел смотреть, как он играет, не говоря уже о том, чтобы играть вместе.

Бабушка Стива подарила ему свой старый синий «Гремлин» – автомобиль, который выглядит так же, как называется, – толстый и квадратный. Похоже, он не мог играть на ударных дома у бабушки и потому каждый божий день загружал ударную установку в эту неуклюжую машину и ехал в общественный парк на Пико через дорогу от студии «Двадцатый век Фокс», где еще были бассейн и поле для гольфа. Я хорошо знал это место. Когда мне было лет девять, я играл там в футбол. Как ни странно, Стивен просто ставил установку рядом с пешеходной дорожкой и играл весь день и весь вечер. Уверен, что прогуливающиеся там пенсионеры, бегуны, утки и собачники были просто в восторге: патлатый белокурый рокер с огромной двойной бас-бочкой, который стучит по барабанам со всей силы, просто не может не быть любимцем толпы.

В конце концов я согласился прийти к нему туда, хотя и недоумевал, какого черта я себе думал, пока туда ехал. Было уже совсем темно, когда я туда добрался. Припарковавшись рядом с его машиной, я вышел на беговую дорожку и услышал, как он барабанит там в темноте. Сзади него, вдалеке, освещали прожекторы, а за ним простиралось огромное пространство парка и поля для гольфа. Это было очень необычное зрелище. Я немного поразмыслил над этим видом, прежде чем обратил внимание на игру. Но как только я это сделал, то забыл о декорациях. Сидя в темноте и наблюдая за игрой Стивена, я по-прежнему сомневался в его способностях, но почему-то был очень доволен. Кроме того, у меня все равно не было лучшего выбора.

Мы со Стивеном оказались в знакомой и неприятной ситуации – нам нужен был вокалист, а на этот раз еще и басист. Стивен оказался в этом отношении очень полезен, потому что знал всех музыкантов: он так часто ходил по клубам, что успел побывать на концертах почти у всех групп на рок-сцене Лос-Анджелеса того времени. Кроме того, Стивен был в курсе сплетен: как только Mötley Crüe стали знамениты, Стив услышал, что Лиззи Грей, игравший с Никки Сиксом в группе London, решил вновь собрать группу. Это казалось грандиозной новостью – мы со Стивеном ходили к ним на концерт, когда были помладше, и тогда нам просто снесло крышу. В новом составе группы London играл Иззи Стрэдлин, но, как только он оттуда ушел, все как-то застопорилось, и группа стала искать гитариста и барабанщика. Мы со Стивеном приходили к ним на прослушивание в помещении неподалеку от закусочной «Деннис», где раньше репетировала и записывалась легендарная фанк-группа War. К тому времени студия уже превратилась в полуразрушенную лачугу. Кстати, сейчас там находится голливудский музыкальный магазин «Гитар Центр».

Мы репетировали с группой London четыре дня. Мы выучили множество их песен, но, пусть это и казалось большим шагом вперед из ниоткуда, из этого ничего не вышло. Во всяком случае, это было интересно, потому что я от первого лица узнал, насколько напыщенными бывают люди, считающие себя рок-звездами. Ребята из London вели себя так, словно они музыканты мировой величины, а нас со Стивеном и весь остальной мир от них отделяет непреодолимый невидимый барьер. Я вспоминал свое детство и рок-звезд, с которыми познакомился благодаря тому, что они дружили с моими родителями. Я рос, постоянно встречаясь с клиентами и друзьями мамы и папы, и всего этого насмотрелся, заодно научившись вести себя в их обществе. Я видел, как настоящие рок-звезды закатывают истерики, и то, как моя мама их успокаивает. Наблюдая за этим, я научился вести себя деликатно с творческими людьми.

В то время мне казалось, что ребята из группы London невероятно круты, и их поведение производило на меня огромное впечатление. Сейчас я бы на это уже не повелся. Я видел парня, который тогда с ними пел, на улице в 2007 году, когда ехал в студию записываться с группой Velvet Revolver. Он по-прежнему ходил по бульвару Сансет в том же самом прикиде и по-прежнему искал себе группу.

После этой бесплодной попытки мы со Стивеном решили действовать самостоятельно. Нам нужно было найти басиста и вокалиста сразу, но мы подумали и решили, что логичнее было бы сначала найти басиста, чтобы потом, когда мы будем прослушивать вокалистов, у нас уже была целая группа. Мы дали объявление в газету «Ресайклер». Его разместили в разделе «Требуется», и звучало примерно так:

«Требуется бас-гитарист в группу в стиле Aerosmith, Элиса Купера. Звонить Слэшу».

Нам несколько раз звонили, но единственным парнем, с которым мы захотели встретиться, был некто по имени Дафф. Он как раз только переехал из Сиэтла, и по телефону его голос звучал круто, так что я предложил ему увидеться с нами в «Кантерс Дели» в восемь вечера. Мы со Стивеном заняли угловую кабинку прямо у входа; с нами были наши девушки – у моей подруги Ивонны в сумочке лежала большая бутылка водки в коричневом бумажном пакете. Это она познакомила меня с водкой, до нее я пил только виски.

В «Кантерс» давным-давно не заходил никто, хоть отдаленно напоминающий музыканта, а когда пришел Дафф, девчонки уже напились. Кажется, мы как раз вчетвером спорили, как он выглядит, и тут на пороге появился худощавый парень ростом 180+ с короткими светлыми волосами, торчащими во все стороны, с цепочкой, как у Сиды Вишеса, и замком на шее, в берцах и черно-красном кожаном тренче, несмотря на то что на улице было 24 градуса тепла. Такого не ожидал никто. Я пнул Стивена и заставил девчонок замолчать.

– Глядите, – сказал я. – Похоже, *это он*.

В Сиэтле Дафф играл в нескольких панк-рок-группах: на гитаре в оригинальном, но недооцененном коллективе The Fartz, на ударных в легендарном пре-гранжевом квартете The Fastbacks и в некоторых других. Незадолго до переезда в Лос-Анджелес он перешел на бас-гитару. Дафф был столь же разносторонним в музыкальном плане, сколь и энергичным: он уехал из Сиэтла не потому, что его не устраивало творчество; он уехал оттуда потому, что знал, там (по крайней мере, в то время) ничего не добиться, а он хотел чего-то достичь. Он знал, что Лос-Анджелес – музыкальная столица Западного побережья, поэтому, не имея ни плана, ни друзей, готовых его приютить, он уложил вещи в свой побитый красный «Шевроле Нова» и поехал в Лос-Анджелес делать себе имя. Я сразу же проникся к нему уважением за его преданность делу: у нас с ним была схожая трудовая этика. Благодаря этому мы подружились, и наша дружба до сих пор крепка.

– Значит, ты Слэш, – сказал Дафф, втискиваясь на место рядом со мной в кабинке в «Кантерс». – Ты совсем не такой, как я ожидал.

– Да ну? – удивился я. – А чего же ты ожидал?

– Я думал, с таким именем – Слэш – ты гораздо более страшный, чувак. – Стивен, девчонки и все остальные рассмеялись. – Я даже не шучу, я думал, с таким именем может быть только какой-нибудь рокер-психопат.

– Да ну? – сказал я, ухмыляясь. И мы рассмеялись.

Если бы это не растопило лед, его бы разбила моя подруга Ивонна через пару минут. У нас вроде как завязался разговор: Дафф хотел узнать побольше о нас, а мы о нем, а потом ни с того ни с сего Ивонна перегнулась через меня и положила руку ему на плечо.

– Можно задать тебе личный вопрос? – спросила она чуть громче, чем нужно.

– Ага, – ответил Дафф. – Конечно.

– Ты *гей*? Мне просто любопытно.

Впервые за несколько часов за столом воцарилась тишина. Да что там говорить, меня всегда привлекали откровенные женщины.

– Нет, – ответил Дафф. – Я определенно не гей.

Обменявшись репликами, мы впятером поднялись наверх, зашли в туалет и разлили водку по стаканам. А вскоре после этого собрали группу и еще примерно месяц искали вокалиста. Мы прослушивали Рона Рейеса, более известного как Чаво Педераст, который несколько

месяцев был фронтменом Black Flag в 1979 году. Было еще несколько примечательных персонажей, но нужный, как обычно, не находился. Но мы все равно записали крутой материал: придумали основной рифф к песне, которая позднее превратилась в *Rocket Queen*, и еще несколько заготовок.

Несмотря на то что между нами троими текла творческая энергия, Стивен стал меня по-настоящему расстраивать. Он никогда не следовал той самоотверженной трудовой этике, которую мы разделяли с Даффом, зато у него было вдвое больше жизни социальной. Было невыносимо смотреть, как он тратит свою энергию на вечеринки, когда у нас так много дел. Уже тогда стало очевидно, что, если мы найдем подходящего вокалиста, у нас получится по-настоящему стоящая группа. Мы его еще не нашли, а Стивен уже вел себя так, словно нас подписал какой-нибудь крупный лейбл. В конце концов я решил, что нам пора разойтись. Я сказал Даффу, что у нас ничего не получается, а со Стивеном тоже какое-то время не общался. Дафф перекочевал туда, где было больше перспектив: так получилось, что по приезду в Лос-Анджелес он снял квартиру на Оранж-авеню, через улицу от Иззи. Довольно скоро они просто столкнулись на улице, и все – Дафф стал играть в L. A. Guns, Hollywood Rose.

Это были единственные две группы после Mötley Crüe, которые стоили внимания – L. A. Guns и Hollywood Rose, – и в них была сильная текучка кадров, а многие музыканты играли и в той и в другой группе, что наводило на мысли об инцесте. Группу L. A. Guns основал Трейси Ганз, с ним мы учились в старшей школе Фэрфакс, – они играли чуть более жесткую музыку, чем тот мелкий блюз, который Трейси исполнял еще тогда на пивных вечеринках.

Hollywood Rose были совсем другими. Сразу после того, как с ними познакомился Стивен, мы с ним встретились. Оказалось, что, описывая мне вокалиста с высоким голосом, от которого срывает крышу, он впервые в жизни не преувеличивал. Я тогда не сообразил, что уже слышал этого парня, вероятно, потому, что слышал его в самой дерьмовой записи, которую только можно себе представить.

Акселя Роуза – лучшего вокалиста в Голливуде тех времен – я впервые увидел на сцене, когда мы со Стивом пошли на концерт Hollywood Rose в клуб «Газарри». Как и в записи, играли они любительскую гаражную музыку, но очень старались, а еще от них передавалось удивительное чувство безрассудного самозабвения и необузданной энергии, по крайней мере, от двоих из них. Не считая Иззи и Акселя, группа была довольно невзрачной, но эти двое из Лафайета, городка в Индиане, внушали что-то зловещее. Иззи ездил на коленях по всей сцене, а Эксл орал в микрофон во всю глотку – в общем, выступали они потрясающе. Голос Акселя меня сразу же зацепил: он был универсальным, а его невероятно высокий визг в сочетании с естественным блюзовым ритмом просто дух захватывал.

Как я уже говорил, в группе Hollywood Rose (как и в L. A. Guns) была постоянная текучка, и все музыканты знали друг друга и то приходили, то уходили. Басист Стив Дэрроу днем работал с Иззи в доставке газеты «Лос-Анджелес Уикли», поэтому они хорошо общались, но по какой-то причине Экслу не нравился гитарист Крис Уэбер. Видимо, Эксл просто взял и выгнал Криса, никому об этом не сказав, а Стивен каким-то образом узнал, что на следующий день они собираются прослушивать гитаристов.

Сейчас мне все это кажется таким туманным и нелогичным, но тогда Стивену каким-то образом удалось уговорить меня прийти к ним на прослушивание в непонятную лачугу под названием «Крепость на Сельме и Хайленде». Это место было настоящим воплощением злого голливудского панка, потому что только панк-рокерам пришлось бы в голову так сильно его разгромить. Рокеры не громят помещения, пока не станут звездами и чуть постарше. Только панки делают это в любом возрасте и при любом статусе. Не знаю, какого цвета этот ковролин был до этого, но там он превратился в болезненный желто-коричневый не только на полу, но и на стенах, и на потолке, где его прикрепили для звукоизоляции. Каждый угол этого пространства вызывал отвращение – вся комната представляла собой коробку, кишашую вшами.

Я начал с ними играть, и вначале все шло хорошо, а потом Иззи взял и вышел на второй песне. Теперь я знаю, что бегство – его защитный механизм, который срабатывает, если ему что-то не нравится: он никогда не устраивает из этого сцен, просто молча уходит и не оглядывается. Очевидно, Иззи понятия не имел, что я там делаю, и ему не понравилось, что Аксель выгнал Криса Уэбера, не посоветовавшись и даже не поставив его в известность.

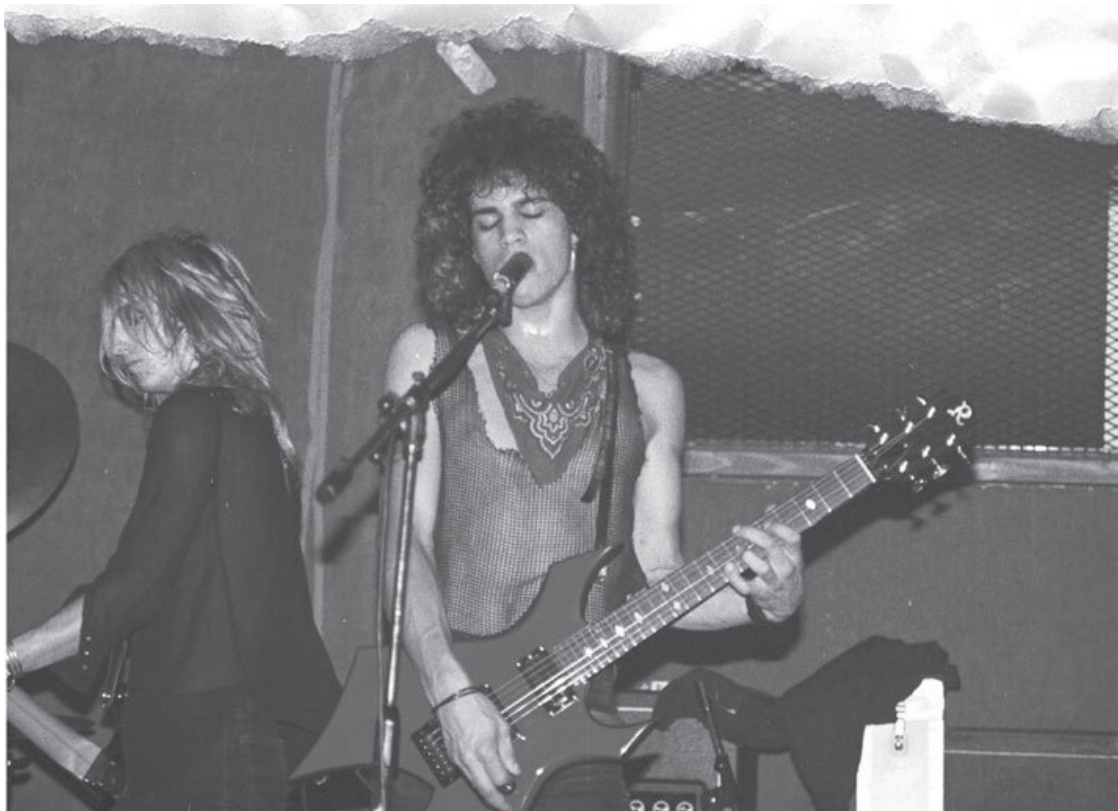
Позднее, когда мы стали хорошими друзьями, я спросил Иззи о том случае. Иззи всегда сохранял ауру хладнокровия; он никогда не раздражался и не терял бдительности. Но когда я спросил его об этом, он смерил меня ужасно серьезным взглядом, так что в его искренности я не сомневался.

– Все чертовски просто, – сказал он. – Просто я не люблю, когда мне *диктуют условия*, ни при каких обстоятельствах.

Как бы там ни было, тогда он вышел из себя. А я оказался в центре этой ситуации, ничего толком не понимая. Когда Иззи ушел, повисла неловкая пауза... а потом мы просто продолжили играть.

Я даже не знал, что вокруг этого движения был еще один концентрический круг напряжения, который и привел меня туда: они соревновались за группу с Трейси Ганзом. Он уже довольно давно пытался переманить Акселя и Иззи. Вряд ли Ганз пришел бы в восторг, узнав, что они выбрали меня, а не его. Я понятия не имел обо всем этом, а даже если бы и знал, мне было все равно. Наконец-то, *наконец-то* я оказался в группе с отличным вокалистом – да и вообще в группе с вокалистом.

Аксель провел мозговой штурм на тему того, как собрать правильную группу, и подумал, что мы с Иззи составим отличную пару, но, так как они ни разу не обсудили этот проект перед тем, как Аксель собрал нас всех вместе, оказалось, что теперь я здесь, а Иззи нет. Группа Hollywood Rose, насколько я знал, состояла из Акселя, Стива Дэрроу, Стива Адлера и меня. Мы договорились выступать в ресторанах «Мадам Вонг» на востоке и на западе и репетировали в студии под названием «Шемрок» на бульваре Санта-Моника между Вестерном и Гоуэром. Это было невероятное место, где могло произойти все, что угодно. Так как оно находилось далеко за Восточным Голливудом, там и правда *могло* случиться всякое, при этом не привлекая внимания полиции. В комплексе было три студии, и владельцы устраивали безумные вечеринки каждые выходные, где все вечно слетали с катушек.

Слэш играет с группой Hollywood Rose, басист Стив Дэрроу слева. Слэш занимается битбоксом

За это время мы с Акселем подружились, потому что он какое-то время жил у нас дома. Дело не в том, что мы родственные души: у Акселя тогда не было жилья, и он ночевал у кого придется. Когда Аксель жил с нами, то целыми днями спал в моей подвальной комнате в окружении змей и кошек, пока я был на работе. По возвращении домой я его будил, и мы шли на репетицию.

За это время я многое узнал об Акселе. Мы болтали о музыке и о том, что нам в ней нравится. Слушали какую-нибудь песню и разбирали ее, и было ясно, что у нас много общего с точки зрения музыкального вкуса. Мы оба уважали группы, которые оказали на меня большое влияние.

Еще Акселю нравилось говорить о жизни как о своей, так и о жизни вообще. Мне рассказать было особо нечего, но я всегда умел слушать. Поэтому он рассказал мне о своей семье и о трудных временах, которые пережил в Индиане. Это было где-то за полмира от всего, что я мог понять. Уже тогда Эксл поразил меня тем, чем продолжает впечатлять всю жизнь: кто бы что ни говорил о нем, сам он всегда был жестоко честен. Его версия событий может быть по меньшей мере странной, но правда в том, что он верит в то, что говорит, и вкладывает в это больше души, чем все, кого я знаю.

Неудивительно, что, когда Эксл жил у нас дома, все не всегда шло гладко. Как я уже упоминал, моя комната находилась далеко от гостиной, на два этажа ниже, под гаражом. По большей части Аксель сидел в одиночестве у меня в комнате в мое отсутствие, но однажды утром, когда я ушел на работу, он, очевидно, забрел наверх и приземлился на диван в гостиной. В других семьях это, возможно, и не имело бы такого большого значения, но в нашей имело. Моя бабушка, Ола-старшая, была нашим матриархом, а этот диван был тронem, с которого она каждый день смотрела свои любимые телепередачи. В тот момент, когда она пришла насладиться своими ежедневными передачами, она увидела, что на диване во весь рост растянулся

Эксл, и вежливо его разбудила. Своим нежным старушечьим голоском бабушка попросила его спуститься вниз, в мою комнату, где он сможет спать сколько захочет. Но что-то пошло не так: насколько я понял, Эксл велел моей бабушке отвалить на хрен, а затем убежал вниз в мою комнату, – по крайней мере, мама так сказала.

Когда я вернулся с работы, мама отвела меня в сторонку и со всем добродушием объяснила, что если Эксл собирается прожить у нее в доме еще хотя бы один день, то должен извиниться перед ее матерью и пообещать больше никогда так себя не вести. Я обязан был это передать, хотя тогда мне не казалось это таким уж большим проступком.

Мама обычно одалживала мне свой зеленый «Датсун 510», и, когда в тот вечер мы с Экслем поехали на репетицию, я постарался как можно мягче сообщить, что ему, вероятно, стоит извиниться перед Олой-старшей за то, что он послал ее на хрен. Я знал Эксла не так давно, но уже достаточно хорошо, чтобы понять, что он чувствительный, замкнутый человек с серьезными перепадами настроения, поэтому я тщательно подбирал слова и излагал проблему в беспристрастном, объективном тоне. Пока я говорил, Аксель смотрел в окно, а потом начал раскачиваться взад-вперед на пассажирском сиденье. Мы ехали по бульвару Санта-Моника со скоростью около шестидесяти пяти километров в час, как вдруг он открыл дверцу машины и выпрыгнул, ни слова не сказав. Он споткнулся, слегка подпрыгнул и остался стоять на тротуаре, даже не упав. Он поймал равновесие и, не оглядываясь, помчался по боковой улице.

Я был потрясен. Развернувшись, я поехал назад и искал его целый час, но так и не нашел. В тот вечер он не вернулся к нам домой и еще четыре дня не приходил на репетицию. На пятый день он как ни в чем не бывало появился в студию. Он нашел, где поспать, и больше никогда не говорил об этом. С того момента мне стало совершенно ясно, что у Акселя есть несколько личностных черт, которые очень сильно отличают его от всех остальных людей, встречавшихся мне в жизни.

Последний концерт группы Hollywood Rose проходил в «Трубадуре» и закончился очень эпично. Весь вечер прошел так, словно все встали не с той ноги, – несколько раз что-то шло далеко не по плану. Мы начали играть с опозданием, звучали ужасно, зрители шумели и не слушали, и, как бы мы ни старались, изменить эту атмосферу так и не смогли. Какой-то урод в первом ряду все время задирал Акселя, и тот вскоре вышел из себя. То ли он швырнул в парня стакан, то ли разбил ему бутылку об голову – да не важно, но это была подходящая иллюстрация еле сдерживаемого разочарования музыкантов в том вечере. Пока я смотрел, как тот парень все больше и больше достает Акселя, я настолько сильно отвлекался, что решил уйти из группы сразу же по окончании концерта. Каждый раз, как Аксель из-за него раздражался, мне казалось это знаком, что вселенная подтверждает мое верное решение.

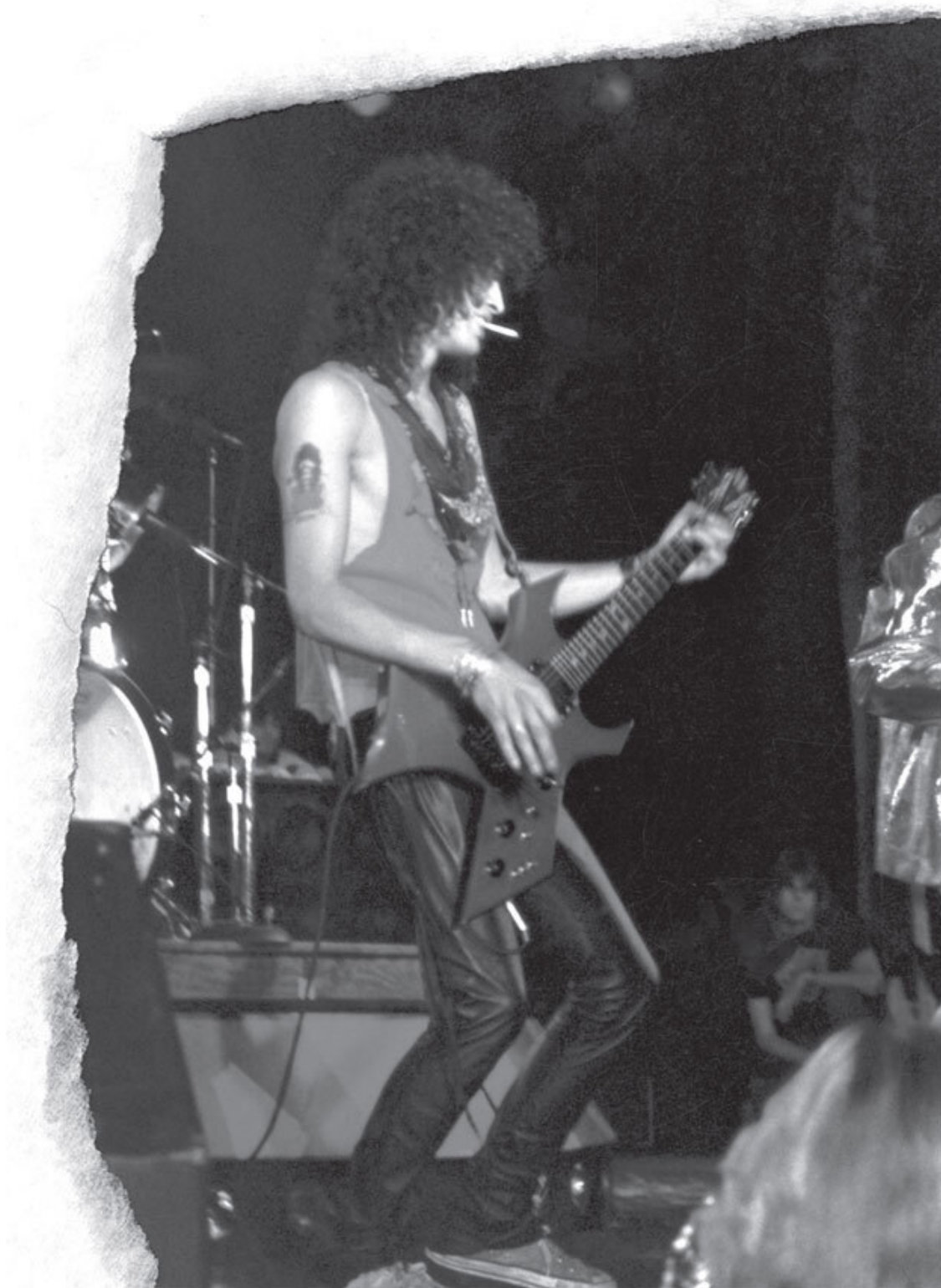
Не то чтобы я этого не предвидел: я и так не был удовлетворен группой, и вся ситуация в ней казалась мне нестабильной. У нас и было-то всего несколько концертов за те месяцы, что мы были вместе, и состав ни разу не играл слаженно. К тому времени чаша моего терпения переполнилась, и хватило бы одной капли, а та сцена с бутылкой казалась вообще неуместной и по меньшей мере сильно отвлекала от музыки. Нам – еще не оперившейся группе с достаточным количеством внутренних проблем, кое-как пытающейся сделать себе имя, – пришлось столкнуться со сложной ситуацией. Конечно, это что-то значило для Эксла, но не все с ним соглашались. Он переживал такие события по-настоящему, и хорошо, если это было обоснованно, но нужно уметь расставлять приоритеты. Прерывать концерт, чтобы справиться с какой-то психологической ситуацией, – уже слишком. Я ценил способность людей посылать все к черту в духе рок-н-ролла, но это для меня проблема с точки зрения профессионализма.

У Эксла драматический склад личности. Все, что он говорит или делает, имеет великий, театрально-гротескный смысл. Незначительные вещи сильно преувеличиваются, из-за чего взаимодействовать с другими людьми бывает трудно. Суть в том,

что у него свой особенный взгляд на мир. Говорят, я довольно спокойный парень, так что когда Эксл выходил из себя, я никогда не следовал его примеру. В ответ на какую-нибудь выходку я говорил: «Чего?» – и скоро забывал о ней. У Акселя были настолько резкие перепады настроения, что общение с ним подчас напоминало американские горки. Тогда я еще не знал, что такое поведение будет у него всегда.

В общем, я сказал ребятам из Hollywood Rose, что ухожу, как только мы зашли за кулисы. После этого группа распалась, и мы с Акселем на некоторое время расстались. Он стал петь с Трейси Ганзом в группе L. A. Guns, которую можно считать самым ранним воплощением Guns N' Roses.

Я пришел в группу Black Sheep с Вилли Басом, что служило ритуалом перехода на большую сцену многим талантливым музыкантам. Вилли – отличный фронтмен; он высокий чернокожий парень, который поет и играет на басу. Он выбирал лучших и самых техничных гитаристов того времени, одного за другим. С ним играли Пол Гилберт, настоящий виртуоз вроде Ингви Мальмстина, Митч Перри, который еще играл с Майклом Шенкером, и какое-то время я. Мелкая быстрая игра – не мой конек. Я умел играть быстро, но высоко ценил классический рок-н-ролл, стиль Чака Берри, и любил рисоваться на сцене, играя хеви-метал. Тем не менее я согласился быть в этой группе, потому что после Hollywood Rose понял, что нужно постоянно находиться на сцене, чтобы тебя заметили: так можно познакомиться с другими музыкантами и открыть для себя новые возможности. Такой способ общения подходит мне гораздо больше, чем болтаться по Стрипу и болтать со всеми подряд.

Слэш на сцене, 1985

Когда я попал в группу, то выступал перед аудиторией примерно в восемьсот человек в клубе «Кантри» в долине, и, должен признаться, концерт был особенно хорош. Кроме того, я впервые играл перед такой большой аудиторией. Я получил удовольствие от этого выступления и от того, что все эти люди меня видят, правда, помню, что тогда моя игра показалась мне

ужасной. Позднее я узнал, что на этом концерте был Аксель, но тогда я и понятия об этом не имел, потому что он даже не подошел поздороваться.

В тот момент Black Sheep много не выступали. После того концерта других у нас не было, и мы просто иногда собирались порепетировать. Мой краткий опыт работы с ними, может, и не совпадал с тем, чем бы я хотел заниматься, но благодаря ему я вышел на свет, и мне казалось, что раз выступление в самом популярном клубе Лос-Анджелеса привлекает ко мне внимание и хоть как-то работает на мою карьеру, то, может, и играть в самой популярной в лос-анджелесской клубной группе не так уж плохо.

Мэтт Смит, гитарист Poison, позвонил мне, когда решил уйти из группы. Его жена была беременна, и они подумывали вернуться в Пенсильванию, чтобы заняться созданием семьи. У нас с Мэттом были общие друзья, и он несколько раз приглашал меня на вечеринки Poison. Мэтт был хорошим парнем, он был довольно простым и наименее «ядовитым» из всей группы. Мэтт понимал, это совсем не мое, но объяснил, что группа отличная, с хорошей оплатой труда, хотя я и так знал, что на эту группу большой спрос. Сначала я был против, но Мэтт уговорил попробовать.

Poison репетировали в большой квартире в Венис на Вашингтон-стрит и Ла-Бреа или где-то там, и вся квартира была обклеена постерами... их самих. Я пришел на прослушивание в своей обычной униформе: джинсах, футболке и паре крутых мокасин, которые украл с фермерского рынка, – не каких-нибудь украшенных бисером, а простых, стильных, из коричневой кожи и с короткой бахромой вокруг лодыжки. Я выучил четыре или пять песен с кассеты, которую они мне дали, и на прослушивании просто отжигал. Меня позвали на второе, и мне запомнилось, как басист Бобби Дэлл смотрел на меня, когда я играл. Атмосфера была совсем другая, ощущалось внимание к деталям.

– Ты, это, как одеваешься-то обычно? – спросил он меня. – Ты ведь не выходишь в этих мокасах *на сцену*, да?

– По правде говоря, я об этом не думал, – ответил я. Он казался обеспокоенным и смущенным.

Я был одним из трех кандидатов, там был еще парень, который тоже пришел на повторное прослушивание. У него были платиново-светлые волосы, блестящая белая кожаная куртка, и он был при полном макияже, дополненном матовой розовой помадой. Я только раз взглянул на него на выходе и понял, что работу получит именно он. Конечно, так и произошло – это был Си-Си-Девиль. Я играл их материал как никто другой, но только этим я им и подходил.

Никто ни разу даже не сделал замечания, потому что у них рты пооткрывались от изумления.

В 1984 году Аксель помог мне устроиться на работу в «Тауэр видео», и мне было радостно и одновременно грустно снова с ним видеться. Когда Hollywood Rose распались, мы не так уж сильно это переживали, но в пространстве между нами повисло напряжение, вызванное новой причиной, – Аксель начал встречаться с Ивонной, с которой я тогда уже расстался.

Мы с ней познакомились через Марка Кантера на концерте Ratt в «Палладиуме», где они играли с Ингви Мальмстином. Когда-то она даже была подружкой Стивена Пирси, фронтмена Ratt. После этого мы отправились на поздний ужин в кафе «Бeverly-Хиллз», одно из любимых мест Марка, и там-то и положили глаз друг на друга и начали встречаться. Ивонна была очень классная – она посадила меня на творчество Nanoi Rocks и фронтмена Майка Монро, и я по-настоящему оценил эту группу. Они оказали влияние на Guns N' Roses и до сих пор остаются недооцененным рок-н-рольным коллективом, насколько я могу судить.

В общем, мы с Ивонной какое-то время встречались, а потом как-то раз на время разошлись и решили друг от друга отдохнуть, а Аксель ее трахнул. Мне это совсем не понравилось, но не могу сказать, что я удивился, было очевидно, что Ивонна ему всегда нравилась. Когда

мы с ней снова сошлись, она, конечно, рассказала мне об этом, под предлогом того, что не хотела от меня «ничего скрывать», но, вероятно, настоящей причиной была просто месть, что я ее бросил.

Я позвонил Акселю на работу в «Тауэр видео», чтобы с ним встретиться. Я просто *взбесился*.

– Ты трахнул Ивонну, – заявил я. – Что за дешевая выходка?

Надо отдать Акселю должное – он был честен и не пытался выкрутиться. Он ответил, что, конечно, трахнул, но какое это имеет значение, если я все равно тогда ее не трахал? У меня был не совсем такой взгляд на вещи, но ситуация накалялась, пока Аксель не предложил надрать ему задницу. Я уже собирался пойти туда и разобраться с ним, но не пошел. Очевидно, потребовалось некоторое время, чтобы разрядить обстановку. Как-то он узнал, что я ищу работу, и в качестве жеста примирения сообщил мне о вакансии в «Тауэре». Аксель всегда любил улаживать конфликты величественными жестами.

«Тауэр видео» располагались прямо через дорогу от «Тауэр рекордс», где меня поймали за кражу в магазине несколько лет назад. Аксель жил в одной квартире с менеджером, и как только я пришел к ним на работу, то скоро понял, что теперь я один из тех самых сумасшедших колоритных персонажей. Думаю, мы стали самыми нелепыми и крайне небрежными сотрудниками, которые когда-либо работали в «Тауэре». Кроме того, в «Тауэр классик» по соседству работало несколько замечательных алкоголиков-маразматиков.

Каждый вечер около восьми, когда директор отделов музыки и видео уходил с работы, мы с ребятами из отдела видео затаривались в винном магазине через дорогу, ставили порнофильмы в видеосистему магазина и бухали. Мы ставили на стереомузыку свои знакомые группы и старательно игнорировали всех случайно забредавших к нам посетителей.

Камеры слежения ничего не засекали, потому что мы не ставили бутылок из-под водки рядом с кассой, так что нам удавалось долго оставаться незамеченными. Правда, думаю, если бы кто-то и посмотрел записи, то увидел бы только то, что мы ленивые и бесполезные продавцы. В помещении для персонала мы смешивали коктейли, а потом разливали их по стаканчикам и ходили с ними по магазину. Одной рукой мы пробивали товар на кассе, а в другой держали «Отвертку». Уверен, клиенты понимали, что происходит, особенно когда до них доходило наше ароматное дыхание, но никто никогда не жаловался, потому что все теряли дар речи от такой наглости. Большинство людей мы попросту пугали своим внешним видом и поведением, и они старались как можно скорее оттуда убраться.

К сожалению, один из самых дотошных менеджеров нас засек, и, когда это произошло, Аксель взял вину на себя: его уволили за наши общие выходки. Уже тогда я понимал, почему с ним постоянно такое происходит: Аксель обладает мощной энергией и звездной силой, которые пугают любых хранителей порядка. В нем они всегда видят «главаря».

Мои воспоминания о цепочке событий, которые в итоге привели к созданию группы Guns N' Roses, окутаны туманом, и, честно говоря, при большинстве из них я даже не присутствовал. Я и не пытаюсь изложить здесь академическую историю группы или объяснить причину каждого недоразумения. Я могу судить лишь о своих впечатлениях. В общем, где-то в начале 1985 года Аксель и Трейси Ганз стали вместе собирать группу. Они позвали Оле Бенча и Роба Гарднера, которые играли в Лос-Анджелесе на басу и ударных соответственно. Вскоре после этого к ним присоединился Иззи, и именно тогда по очевидным причинам Аксель решил изменить название на Guns N' Roses. Трейси наконец осуществил свою мечту: как я уже говорил, он хотел играть в группе с Акселем и Иззи. Они дали несколько концертов, написали несколько песен – именно в таком порядке.

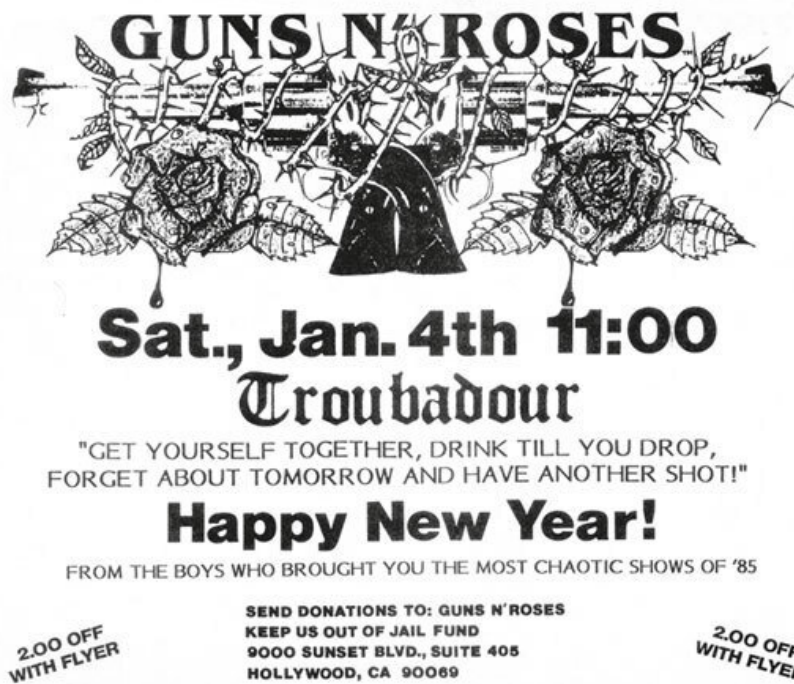
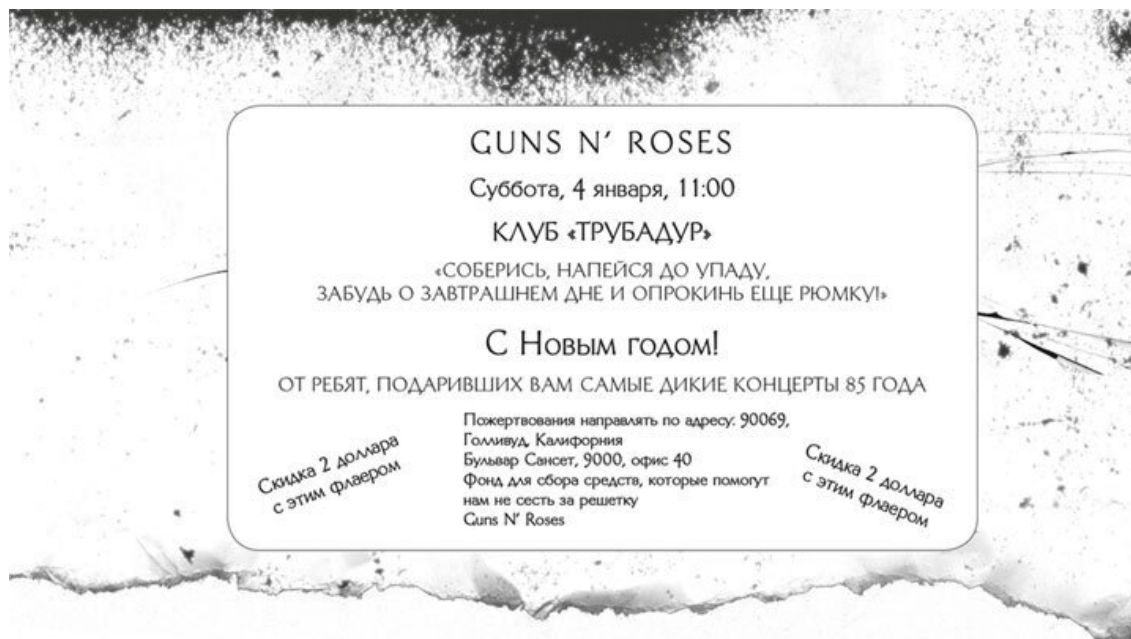
Я тогда еще работал в «Тауэре», а больше в моей жизни ничего и не происходило. Мягко говоря, я испытал зависть, когда ко мне зашел Иззи и дал флаер на концерт Guns N' Roses в округе Ориндж. В какой-то момент Оле заменил Дафф. Потом они дали еще несколько кон-

цетров и написали еще немного песен. Думаю, во время этих шоу в округе Ориндж Трейси и Аксель сильно поссорились. Вскоре после этого Трейси ушел, а затем однажды вечером Аксель пришел в «Тауэр» и спросил, не хочу ли я замутить с Иззи, написать несколько песен и дать концерт. Какое-то время я пытался сообразить, какого черта значит «замутить с Иззи».

Эксл и Иззи были единым целым, так что все остальные музыканты, приходящие в их группу, должны были ладить с ними обоими, а Иззи слишком быстро ушел из Hollywood Rose, так со мной и не поработав. Иззи мне нравился. В конце концов, он был первым парнем, чьим стилем и талантом я восхищался. И в случае удачной работы с Иззи я получал нечто вроде буфера между мной и Экслем. Мы с Экслем во многом ладили, но у нас были врожденные личностные различия. Нас притягивало друг к другу, и мы прекрасно работали вместе, но при этом были полярными противоположностями. Иззи (а потом и Дафф) помогали нам взаимодействовать. В то время с разрядкой атмосферы вполне справлялся Иззи.

Через несколько дней я пришел в гости к Иззи. Он тогда работал над песней Don't Cry, которую я сразу же подхватил. Я написал для нее несколько гитарных партий, и к концу вечера мы ее собрали. Это была классная репетиция: мы вместе много импровизировали.

Мы нашли себе репетиционное помещение в Силверлейке: Дафф, Иззи, Эксл, Роб Гарднер и я. Все друг друга знали, поэтому в первый же вечер мы стали писать песни, и получалось очень быстро. Это был один из тех волшебных моментов, про которые музыканты говорят, что каждый естественно дополняет другого и группа становится органичным коллективом. Никогда раньше в жизни я такого не ощущал. А секрет был в том, что музыка приходилась мне по душе, – дело было в музыке, которой я увлекался: злой рок-н-ролл в стиле ранних Aerosmith, AC/DC, Humble Pie и Элиса Купера. Все открыто восхищались своими кумирами и подражали им, к тому же у нас не было той типичной лос-анджелесской атмосферы, когда все только и думают, как бы заполучить контракт с лейблом. Нас не заботили правильные позы и глупые припевы, которые обеспечили бы нам успех в поп-чартах, а вслед за ним и бесконечное количество горячих фанаток. Эти расчеты были не для нас: мы были бешеной стаей злых рокеров, влюбленных в музыку. Мы играли со всей страстью, объединенные общей целью и ощущением целостности. Вот чем мы отличались от всех остальных.

Один из первых флаеров, оформленных Слэшем.
Группа всегда старательно придумывала рекламные слоганы

Глава 6. Учись жить как животное

Мы были не из тех людей, которые принимают отказы. Гораздо вероятнее, что отказывали мы. Выросшие на улице, мы были самодостаточны и привыкли делать все по-своему – нам лучше умереть, чем пойти на компромисс. Когда мы стали единым целым, эти качества умножились на пять, потому что мы защищали друг друга так же яростно, как самих себя. К нам определенно можно было применить все три определения слова «банда»: 1) мы были группой людей, связанных по социальным причинам, таким как антиобщественное поведение; 2) мы были группой людей с общими вкусами и интересами, которые вместе работают; и да, 3) мы были группой лиц, связанных преступными или другими антиобщественными целями. И ощущение преданности банде у нас тоже было: мы доверяли только старым друзьям, а все, что нужно, находили в обществе друг друга.

Общая сила воли вела нас к успеху на наших собственных условиях, но от этого прийти к нему было не легче. Мы не походили на другие группы того времени. Мы не принимали критику вообще ни от кого: ни от коллег, ни от шарлатанов, которые пытались подписать с нами несправедливые менеджерские контракты, ни от представителей звукозаписывающих лейблов, которые боролись за то, чтобы нас подписать. Мы не делали ничего ради признания и избегали легкого успеха. Мы ждали, когда наша популярность заговорит сама за себя и индустрия обратит на это внимание. А когда это произошло, мы заставили их заплатить.

Мы репетировали каждый день, сочиняя новый материал и дорабатывая песни, которые играли до этого, вроде *Move to the City* и *Reckless Life*, написанных тем или иным составом Hollywood Rose. У нас был дерьмовый вывод звука с микрофона, так что большая часть музыки написана вообще без вокала Акселя. Он напевал себе под нос, слушал и давал обратную связь к тому, о чем мы говорили в аранжировках.

Три вечера спустя у нас был готовый концерт, куда вошли песни *Don't Cry* и *Shadow of Your Love*, так что мы единогласно решили, что теперь пригодны для общественного потребления. Можно было бы сразу договориться о концерте, потому что мы знали нужных людей, но нет – мы решили, что после трех репетиций готовы отправиться в турне. И не какое-нибудь турне по клубам рядом с Лос-Анджелесом. Мы приняли предложение Даффа организовать нам настоящее турне, от Сакраменто до Сиэтла, его родного города. Это было совершенно невероятно, но нам это казалось самым разумным планом в мире.

Планировалось собрать технику и отправиться в путь через несколько дней, но наше рвение так напугало барабанщика Роба Гарднера, что он почти сразу ушел из группы. Никто даже не удивился, потому что Роб хорошо играл, но с самого начала не вписывался. Он был другим, не с нами *на одной волне*. Он не готов был продать душу за рок-н-ролл. Расставание прошло спокойно: мы просто представили себе не могли, чтобы после трех таких репетиций кому-то могло не захотеться отправиться в турне по побережью, захватив с собой только инструменты и ту одежду, что уже была на нас. Нас было уже не остановить, и я позвонил единственному барабанщику, готовому поехать с нами в тот же день, – Стивену Адлеру.

На следующий день на репетиции мы наблюдали за тем, как Стивен устанавливает обе своих серебристо-синих бас-бочки и разминается сбивкой на них. У него была не совсем подходящая эстетика, но эту проблему оказалось несложно решить. Ситуацию мы исправили в обычной манере Guns: когда Стивен ушел отлить, Иззи и Дафф спрятали одну из его бас-бочек, напольный том и несколько маленьких томов со стойками. Стивен вернулся, сел за ударные, начал отсчитывать ритм следующей песни и только потом понял, что чего-то не хватает.

– Эй, а где моя вторая бас-бочка? – спросил он, оглядываясь по сторонам, как будто обронил ее по пути в туалет. – Я же принес две... а где остальные барабаны?

– Забудь об этом, парень. Тебе они не нужны, просто отсчитывай заново, – ответил Иззи.

Стивену так и не вернули его вторую бас-бочку, и это лучшее, что когда-либо с ним случилось. Из нас пятерых он был, условно говоря, самым современным, что, учитывая все обстоятельства, стало ключевой особенностью нашего звучания, – но мы не собирались позволять ему тыкать нас в это носом. Мы гнобили его до тех пор, пока он не стал играть прямую рок-н-рольную бочку, которая дополняла и легко вписывалась в басовый стиль Даффа, позволяя нам с Иззи свободно сочетать блюзовый рок-н-ролл с невротическим панком первого поколения. И это все без учета стихов и вокальной подачи Эксла. У Эксла уникальный голос, потрясающий диапазон и тембр. Несмотря на то что вокал у него сильный и резкий, в нем все равно есть нечто лирическое и блюзовое благодаря тому, что в начальной школе Аксель пел в церковном хоре.

К концу испытательного срока Стивена мы решили его оставить, так сформировался оригинальный состав Guns N' Roses. Дафф организовал нам концерты, осталось только раздобыть транспорт. Любой, кто хорошо разбирается в музыкантах, – неважно, успешных или не очень, – знает и то, что они легко «одалживают» у друзей всякое барахло. Один телефонный звонок и немножко уговоров – и с нами решили ехать наши друзья Денни и Джо, чьей машиной и лояльностью мы часто пользовались. Чтобы представить все в лучшем свете, мы назвали Денни своим гастрольным менеджером, а Джо – главным техником, и на следующее утро отправились на зеленом разваливающемся «Олдсмобиле» Денни в долину, чтобы прицепить к нему трейлер, который забили усилителями, гитарами и ударными.

Мы всемером набились в эту тачку из семидесятых и отправились в путешествие, до которого, думаю, никто, кроме Даффа, не представлял себе полутора тысяч километров. Машина сломалась в районе Фресно, примерно в трехстах километрах от Лос-Анджелеса и не доезжая ста пятидесяти до Сакраменто. Денни был не из тех, кто тратится на членство в автомобильной ассоциации, но, к счастью, мы сломались недалеко от заправки, куда смогли дотолкать машину и узнать, что на получение необходимых запчастей для этой старой зверюги потребуется четыре дня. Так мы не успевали ни на один свой концерт.

Наш энтузиазм был настолько силен, что мы не приняли во внимание возможные задержки или неполадки, поэтому оставили машину и технику Денни и Джо, чтобы те дождались ремонта, и решили встретиться с ними в Портленде (примерно в тысяче двухстах километрах оттуда), где должно было состояться одно из наших представлений. Оттуда мы думали вместе поехать в Сиэтл (до которого еще почти триста километров) и сыграть там завершающий концерт турне уже со своей техникой. В какой-то момент Денни и Джо пытались убедить нас остаться во Фресно всем вместе, пока не починят машину, но ни этот вариант, ни очевидную возможность вернуться домой мы всерьез не рассматривали. Мы даже не подумали о том, как будем добираться с одного концерта на другой, а уж тем более о том, что усилителей и ударных установок на площадках может не быть. Нам на все это было наплевать. Мы впятером без колебаний вышли на шоссе и начали голосовать.

Денни и Джо мы отдали все деньги, чтобы оплатить ремонт – у нас и было всего-то баксов двадцать, – и поковыляли к дороге с гитарами в руках. Мы простояли там несколько часов, и ни один водитель даже не притормозил, чтобы на нас посмотреть, но и это не поколебало нашу уверенность. Мы выбрали проактивную позицию и проверяли эффективность различных конфигураций автостопа из всех доступных: пять парней без видимого багажа; двое парней ловят машину, а трое прячутся в кустах; один парень с гитарой; только Аксель и Иззи; только я и Иззи; только Аксель и я; только Стивен, который улыбается и машет; только Дафф. Ничего не получалось. Жители Фресно сторонились нас, в каком бы составе и в какой форме мы перед ними ни маячили.

Примерно через шесть часов появился нужный нам неудачник: это был дальнобойщик, который взял нас всех на борт. Мы влезли на переднее сиденье и маленькую сидущку за ним. В тесноте да не в обиде: теснота эта была еще ощутимее из-за чехлов с гитарами и любви води-

теля к спидам. Он нехотя поделился с нами своими запасами, благодаря чему его бесконечные рассказы о жизни в дороге показались терпимыми: мы все впятером были довольно циничны и саркастичны, так что поначалу безумие этого парня нас очень забавляло. **Всю ту ночь, следующий день и еще целый день мы с криками неслись по дороге, рискуя вылететь в лобовое стекло, а я даже не мог бы придумать другого места, где мне хотелось быть больше, чем там.** Когда мы останавливались на стоянках для отдыха, чтобы водитель немного поспал на заднем сиденье своей кабинки – а это было последовательно непоследовательное количество времени, где-то от часа до половины дня, – мы дремали на скамейках, писали песни до рассвета или просто шатались по стоянке и бросались мусором в местных белок.

Через пару дней такой дороги наш водитель стал особенно остро пахнуть, а его прежде доброжелательная болтовня как будто помрачнела. Вскоре мы все заметно скисли. Он сообщил нам, что собирается сделать крюк и взять еще спидов у своей «старушки», которая, подозреваю, встречала его в определенных пунктах маршрута, чтобы держать в тонусе. Было непохоже, что ситуация вообще улучшится. В следующий раз, когда он заехал на стоянку, чтобы устроить очередной бесконечный дневной перерыв, мы уже так задолбались, что терпение кончилось. Изучив другие варианты, мы попробовали поймать новую машину, подумав, что если будет еще хуже, то наш демон спидов в полуприцепе подберет нас, когда проснется. Он, наверное, даже не успеет понять, что мы его бросили.

Перспектив было не очень много. Из нас пятерых никто не выглядел как обычный добропорядочный человек: у Даффа был красно-черный кожаный тренч, у нас черные кожаные куртки, длинные волосы, а еще мы несколько дней подряд провели в дороге. Понятия не имею, сколько мы прождали, но в какой-то момент нас подобрали две цыпочки на пикапе с крышей. Они довезли нас до окраин Портленда, и, когда мы въехали в город, все стало хорошо. Доннер, друг Даффа из Сиэтла, прислал кого-то сообщить нам, что звонили Денни и Джо. Очевидно, машина была слишком ненадежной для поездки, поэтому они отправились обратно в Лос-Анджелес. **Не то чтобы нас это сильно волновало: мы готовы были двигаться дальше, даже если пропустим все свои выступления. Для нас это не имело значения, пока оставался шанс сыграть финальный концерт в этом турне – он должен был состояться в Сиэтле, – и этот финальный концерт стал первым в истории выступлением Guns N' Roses.**

Прибытие в Сиэтл дало нам вкус победы, потому что у нас наконец получилось (та последняя поездка прошла без проблем), а еще потому, что дома у Доннера все очень напоминало нашу *Берлогу*. По приезду в нашу честь устроили барбекю, которое, как мне кажется, вообще не кончалось, – когда мы наконец убрались оттуда, вечеринка продолжалась все так же жаростно, как когда мы, пятеро незнакомцев из Лос-Анджелеса, только вошли. Там был бесконечный запас травки, тонны выпивки, и в каждом углу кто-нибудь спал, ширялся или трахался. Это была стандартная вечеринка после концерта Guns N' Roses... только началась она еще до нашего первого концерта.

Мы приехали домой к Доннеру за несколько часов до выхода на сцену. У нас не было ничего, кроме гитар, так что нам очень нужно было найти недостающую технику. Как я уже говорил, до переезда в Лос-Анджелес Дафф играл в легендарных сиэтлских панк-группах, поэтому ему удалось кое-что одолжить: он позвонил Лулу Гарджиуло из Fastbacks, и она дала нам свою барабанную установку и усилители. Она лично сделала возможным первое выступление Guns N' Roses. И я хотел бы снова поблагодарить ее за это прямо сейчас.

Клуб назывался «Горилла Гарденс» и был настоящей панк-рокерской дырой: там было сыро, грязно и пахло несвежим пивом. Он располагался прямо на воде, на промышленной пристани, которая придавала ему морского антуража, но совсем не как в живописном деревянном доке. Здание находилось на краю бетонной плиты. Там была такая обстановка, в которой в

гангстерских фильмах бандиты восточного побережья обычно заключают сделки. А вдобавок ко всему, в день концерта было холодно и шел дождь.

Мы вышли на сцену и отыграли концерт, а зрители не отнеслись к нам ни враждебно, ни благосклонно. Сыграли мы, наверное, семь или восемь песен, в том числе *Move to the City*, *Reckless Life*, *Heartbreak Hotel*, *Shadow of Your Love* и *Anything Goes*, – и закончилось все довольно быстро. В тот вечер мы являли собой сырой набросок того, чем была наша группа. Когда нервная энергия утихла, по крайней мере во мне, мы уже доиграли. Ничего катастрофического вроде не произошло, и в общем и целом концерт был довольно хорош... пока мы не пришли за деньгами. Эта простая задача превратилась в страшную битву, как и вся наша карьера в самом начале.

Владелец клуба отказывался заплатить нам обещанные 150 долларов. Мы преодолели это препятствие так же, как и все препятствия на своем пути, – все вместе. Мы разобрали технику, уложили ее в чехлы и прижали парня у него же в кабинете. Дафф разговаривал с ним, а мы стояли рядом, стараясь выглядеть грозно и временами бросая в его адрес угрозы так, для профилактики. Мы заперли дверь и держали его внутри, пока он наконец не отжал 100 долларов. У него было какое-то дерьмовое оправдание тому, что он не доплатил нам еще полтинник, и это было абсолютно нелепо. Прессовать его и дальше стало влом, так что мы взяли сотню и поделили ее на всех.

Когда я вспоминаю наши приключения в Сиэтле, у меня перед глазами возникает одна яркая картинка. Передо мной перевернутый вверх ногами телевизор. Помню, что лежал наполовину на кровати, а голова у меня свисала с раскладного дивана так низко, что я касался макушкой пола. По обе стороны от меня были такие же обдолбанные незнакомые мне люди, а я настолько упорот, что мне казалось, будто нашел лучшее в мире положение для тела. Кровь прилила к мозгу, но я так и валялся вниз головой, и смотрел «Ужасного доктора Файбса», и больше ничего на свете не хотел делать.

Через пару дней после вечеринки у Доннера мы снова сели в машину к его подруге, которую здесь назовем Джейн. Она либо была сумасшедшей, либо мы просто понравились ей настолько, что она довезла нас до самого Лос-Анджелеса. До сих пор точно неизвестно. Первую остановку мы сделали только в Сакраменто, то есть примерно через тысячу двести километров пути. К этому моменту мы уже были вынуждены остановиться: Джейн была не из тех, у кого в машине работает кондиционер, а так как было лето и стояла жуткая жара, продолжение пути без остановок обещало нам летальный исход.

Мы припарковались и до вечера бродили по центру, выпрашивая у прохожих мелочь на еду. Через несколько часов мы собрали свои монеты и отправились в «Макдоналдс», у нас едва хватило еды на шестерых. Потом мы улеглись в тени дубов в парке напротив Капитолия, чтобы хоть немного отдохнуть от жары. Стало настолько невыносимо, что мы перелезли через забор и нырнули в бассейн какого-то санатория. На самом деле, если бы нас арестовали за проникновение на частную территорию, нам, вероятно, стало бы только лучше – по крайней мере, в участке есть еда и кондиционер, в отличие от машины Джейн. Как только солнце зашло и драндулет остыл настолько, чтобы в него можно было сесть, мы снова отправились в путь.

Спустя много лет я понял кое-что важное: та поездка сплотила нас как группу и подвергла испытанию верность делу, и мы его успешно прошли. Мы тусовались, играли, пытались как-то выжить, что-то пришлось перетерпеть, и всего за две недели у нас накопилось историй на всю жизнь. Или это была всего неделя... Кажется, всего одна... хотя откуда мне знать?

Вполне логично, что первый концерт Guns состоялся в Сиэтле, потому что, хотя мы и жили в Лос-Анджелесе, общего с обычными лос-анджелесскими группами у нас было не больше, чем у погоды Сиэтла с Южной Калифорнией. Больше всех на нас повлияли Aerosmith,

особенно на меня, а еще были T. Rex, Hanoi Rocks и The New York Dolls. Думаю, можно даже сказать, что Аксель напоминал Майкла Монро.

Так вот, после первого концерта в истории группы мы вернулись в Лос-Анджелес и все с нетерпением ждали следующих репетиций и развития. Мы собрались на репетицию в Сильверлейке, а потом уселись в маленькую «Тойоту Селику» Даффа и поехали домой. Когда мы въехали на перекресток, чтобы повернуть налево, нас обогнал какой-то парень со скоростью около ста километров в час. Стивен сломал лодыжку, потому что вытянул ноги между двумя передними сиденьями, а остальные довольно сильно ушиблись, кроме меня – я остался невредим. Это была очень неприятная авария: машина Даффа разбилась, а мы чуть не погибли. Это был бы злой поворот судьбы: группа разбилась на дороге, стоило ей только собраться.

Мы начали общаться со всякими потрепанными рок-н-ролльщиками Лос-Анджелеса. Они были из закулисья, о котором обычный фанат из Стрипа знать не знал. Один из таких персонажей – Никки Бит, который недолго играл в L. A. Guns на барабанах, а в основном проводил время в менее известных глэм-группах типа Joneses. Никки не то чтобы сам был потрепанным – скорее, у него просто было много таких друзей. Еще у него был дом в Сильверлейке, а там репетиционная студия, где мы собирались, настраивались и играли – и именно в ней мы по-настоящему «сыгрались». У Иззи был набросок песни под названием *Think About You*, который нам понравился, а еще мы доработали *Don't Cry* – первую композицию, над которой я работал вместе с Иззи. У Иззи был еще один рифф для песни под названием *Out Ta Get Me*, который отозвался во мне сразу же, как только я его услышал, – и мы тут же превратили его в песню. Аксель вспомнил рифф, я играл ему, когда он жил у нас дома, а это, казалось, было уже очень давно: он стал вступлением и основным риффом песни *Welcome to the Jungle*. Это была первая настоящая песня, которую мы написали все вместе. Мы сидели на репетиции, пытались придумать что-то новое, когда этот рифф пришел Акселю в голову.

– Слушай, а что насчет того риффа, который ты играл мне недавно? – спросил он.

– Когда ты жил у меня? – спросил я.

– Ага. Он был хорош. Давайте послушаем.

Я начал играть, Стив тут же придумал ритм, Дафф – басовую партию, и все получилось. Я стал набрасывать идеи для припева и соло, а Аксель сочинил стихи.

Дафф служил в этой песне клеем: он придумал разбивку, такую дикую рокошущую басовую линию, – а Иззи создал фактуру. Примерно через три часа песня была закончена. Аранжировка практически та же, какая и вошла в альбом.

Нам нужно было вступление, и я придумал его в тот же день с помощью цифровой задержки на дешевой гитарной педали «Босс». Свои деньги эта педаль отработала, и, какой бы дерьмовой она ни была, она создавала напряженный эффект эха, который задавал настроение в этой песне, а в конечном счете и в начале нашего дебютного альбома.

Многие из самых ранних песен дались нам слишком легко. *Out Ta Get Me* мы сочинили за один день, еще быстрее, чем *Jungle*. Иззи придумал рифф и основную идею, в ту же секунду, как он ее сыграл и музыка коснулась моих ушей, ко мне пришло вдохновение, и я сочинил свою партию. Это произошло так быстро, что даже самую сложную часть – две гитарные партии – мы написали менее чем за двадцать минут.

Я еще не играл в группе, где музыка, которая меня так вдохновляла, приходила бы так естественно. Не могу говорить за других ребят, но, судя по скорости нашего коллективного творчества, похоже, что и они ощущали нечто подобное. В то время мы, казалось, разделяли это общее знание и своего рода тайный язык; казалось, мы все уже знали, что каждый из нас принесет на репетицию, и заранее готовили подходящее дополнение. Когда мы все были на одной волне, все и правда получалось так просто.

Мы брали прикиды у девчонок и поначалу одевались в стиле глэм, хоть и более грубом. Правда, нам очень быстро стало лень краситься, так что глэм-фаза продлилась совсем недолго.

К тому же проблема с одеждой была еще и в том, что подружки у нас постоянно менялись и нельзя было заранее угадать, какие шмотки носит следующая. Да и образ этот, кажется, мне никогда не подходил – у меня не было подходящего для него тощего белого тела. В конце концов, отказ от этой идеи пошел нам на пользу: мы стали более суровыми, более традиционными и более искренними и начали больше напоминать сам Голливуд, чем лос-анджелесскую глэм-сцену.

Слэш, во время недолгого глэм-периода Guns

Мы ведь были сумасшедшей рок-н-рольной группой. И лишь выиграли от того, что не сливались с остальными, и соглашались на каждый концерт, какой нам только предлагали. Мы репетировали каждый день, и новые песни приходили быстро; мы тестировали их на простых слушателях вроде публики в клубах «Мадам Вонг Запад», «Трубадур» и «Виски». Все, чем мы занимались ежедневно, я рассматривал как очередной шаг на пути туда, где все возможно. На мой взгляд, все было просто: если мы сосредоточимся только на преодолении ближайшего препятствия, то быстро доберемся из точки А в точку С, как бы велико ни было расстояние.

С каждым выступлением у нас появлялось все больше поклонников – и, как правило, несколько новых врагов. Это не имело значения; поскольку мы собирали много зрителей, и получать приглашения выступить становилось легче. Наши фанаты с самого начала были разношерстными: панки, металлисты, наркоманы, психи, странный чудак и несколько потерянных душ. Их всегда было непросто как-то охарактеризовать или подогнать под количественную оценку... на самом деле спустя столько лет я по-прежнему теряюсь, когда мне нужно их как-

то описать, и меня это устраивает. Закоренелые фанаты Guns были, я полагаю, родственными душами, неудачниками, которые сделали статус изгоя своей позицией.

Как только наша популярность стала расти на местном уровне, мы связались с Вики Гамильтон, первым менеджером Mötley Crüe и Poison. Вики была толстой платиновой блондинкой ростом сто семьдесят пять с плаксивым голосом, которая верила в нас и доказывала это, бесплатно занимаясь нашим продвижением. Мне очень нравилась Вики – она была искренней и доброжелательной; помогала мне печатать афиши концертов, давала объявления в «Лос-Анджелес Уикли» и общалась с промоутерами на наших концертах. Я работал вместе с ней, делая все, что в моих силах, ради общего дела. С ее помощью дела у нас и правда пошли в гору.

Мы стали выступать каждую неделю, и, так как нас видело все больше людей, мне понадобилась новая одежда: с тремя футболками, одолженной кожаной курткой, одной парой джинсов и парой кожаных штанов трудно стать звездой. В день концерта, когда мы должны были выступать хедлайнерами в «Виски» субботним вечером, я решил, что с этим надо что-то сделать.

У меня не было средств на роскошь, так что я прошелся по магазинам в Голливуде, чтобы подыскать что-нибудь приемлемое. Я стащил серебристо-черный ремень в индейском стиле, как у Джима Моррисона, в каком-то магазине под названием «Кожа и сокровища». Я подумал, что надену его с джинсами или кожаными брюками (их еще давно нашел на помойке у бабушкиного дома), и продолжил рыскать по магазинам. В заведении под названием «Розничная шляха» я нашел кое-что интересное. Эту вещь я не мог себе позволить и впервые жизни был не уверен, что смогу ее украсть, зато был точно уверен, что она мне нужна.

Огромный черный цилиндр не так-то легко засунуть под рубашку, правда, за годы карьеры у меня их так много украли, что кто-то, вероятно, все же изобрел рабочую технику, о которой я не знаю. В любом случае я до сих пор без понятия, заметили ли это сотрудники, а если и да, то было ли им хоть какое-то дело до того, что я нагло снял цилиндр с манекена и вышел из магазина, как ни в чем не бывало и даже ни разу не оглянулся. Не знаю, что на меня нашло, но я был уверен, что эта шляпа – моя.

Как только я вернулся в квартиру, где тогда жил, то понял, что мои новые приобретения лучше всего будут смотреться вместе. Я подрезал ремень, надел на цилиндр и пришел в полный восторг от того, что в итоге получилось. Еще радостнее мне стало, когда я понял, что новый аксессуар можно надвинуть себе на лицо так, чтобы всех видеть, но при этом практически скрыться из виду самому. Кто-то подумает, что гитарист и так прячется за своим инструментом, но цилиндр обеспечил мне настоящий непроницаемый комфорт. И хотя я никогда не считал его оригинальным предметом одежды, он был по-настоящему моим – фирменным знаком, ставшим неотъемлемой частью образа.

Когда у Guns все только начиналось, я работал в газетном киоске на углу Фэрфакса и Мелроуза. Я жил у своей подружки Ивонны, той самой, с которой мы то сходились, то расставались до тех пор, пока она окончательно от меня не устала, и тогда мне стало негде жить. Элисон, которая раньше управляла этим газетным киоском, разрешила спать у нее на диване за половину арендной платы. Она была очень красивой девушкой, одевалась в стиле регги, жила в квартире на Фэрфаксе и Олимпик и ходила на вечерние занятия в колледж. Элисон была привлекательна, но мне всегда казалось, что то ли она для меня слишком взрослая, то ли я до нее не дорос. Так что между нами никогда ничего не было. Зато мы подружились, и, когда она ушла с должности менеджера газетного киоска, найдя работу получше, ее позиция досталась мне.

Элисон всегда относилась ко мне как к милому бродяге, которого она приютила, и я почти не пытался доказать ей, что она не права. Я не занимал у нее в квартире много места. Все, что у меня было, – это гитара, черный чемодан, набитый журналами о рок-музыке, кассеты,

будильник, несколько фотографий и немного одежды – моей или взятой на время у друзей и подруг. А еще у меня была клетка, где жила змея по имени Клайд.

В общем, работу в газетном киоске я потерял летом 85-го, когда местная рок-станция KNEC устроила тусовку в Гриффит-парке, куда ходили бесплатные чартерные автобусы от отеля «Хаятт» на Стрипе. Я направился туда после работы с двумя пол-литровыми бутылками «Джек Дэниелс» в карманах, совершенно наплевав на то, что киоск мне нужно открыть в пять утра. Насколько я помню, это был чудесный летний вечер с пьянством и беспределом. Пока автобус ехал по городу, пассажиры передавали друг другу бутылки с выпивкой и косяки с травкой. На борту было много местных персонажей и музыкантов, и, когда мы добрались туда, там играла музыка и жарили барбекю. Люди сидели прямо на траве и чем только не занимались.

Я так надрался в тот вечер, что привел какую-то девушку в квартиру к Элисон и трахал ее на полу в гостиной, когда Элисон пришла домой и застукала нас. Ей не нужно было ничего говорить – по выражению ее лица я понял, что она не слишком довольна. Девушка все равно осталась у меня до тех пор, пока не настало время идти на работу. К тому моменту, как я ее одел и вытолкнул на улицу, я уже опоздал, а мой босс Джейк уже успел позвонить. Я и так не был на хорошем счету, потому что часто занимал телефон в газетном киоске по делам группы, поэтому Джейк стал звонить мне во время моих смен, стараясь поймать с поличным, что оказалось непросто. В те времена техника еще не позволяла ставить вызов на ожидание, а я постоянно висел на телефоне, так что Джейку приходилось по несколько часов дозваниваться только ради того, чтобы на меня наорать. Стоит ли говорить, что он очень разозлился, когда тем утром ему пришлось открывать киоск вместо меня.

– Да, Джейк, прости, – пробормотал я по-прежнему пьяным голосом, когда он позвонил во второй раз. – Знаю, что опоздал, меня задержали. Но я уже в пути.

– О, ты уже *в пути*? – спросил он ехидно.

– Ага, Джейк, я скоро приду.

– Нет, не придешь, – сказал Джейк. – Забей. Не приходи *ни сегодня, ни завтра*, ни вообще *никогда*.

Я на минуту замолчал, чтобы переварить услышанное.

– Знаешь, Джейк, наверное, это хорошая идея.

Дафф и Иззи тогда еще жили через дорогу друг от друга на Ориндж-авеню. У Даффа был менталитет рабочего музыканта, как и у меня, – пока мы ничего не добились, он себя всегда плохо чувствовал без работы, пусть даже подозрительной с моральной точки зрения. Дафф занимался телефонными продажами, или телефонными кражами, смотря под каким углом на это взглянуть: он занимался холодными звонками в одной из таких фирм, которые обещают людям какой-то приз, если те согласятся заплатить небольшой взнос за то, «чтобы его выкупить». Перед тем как я устроился на часовую фабрику, у меня была подобная работа: я целый день обзванивал людей и обещал им «джакузи» или отпуск в тропиках, если они просто «подтвердят» свой номер кредитной карты, чтобы покрыть «взнос за участие». Это была отвратительная контора мошенников, и я убрался оттуда за день до того, как полиция устроила на них облаву.

Эксл и Стивен же готовы были на все, лишь бы не иметь постоянной работы, поэтому жили на улице или на подачки своих подружек. Правда, насколько я помню, мы с Экслем иногда вместе подрабатывали статистами на съемочных площадках. И даже несколько раз попали в кадр в толпе зрителей на лос-анджелесской спортивной арене в фильме «Хватай и беги» с Майклом Китом, где он играет хоккеиста. Нас не столько заботило то, попадем мы в кадр или нет, сколько бесплатное питание и оплата ничегонеделания. Утром мы приходили, получали талон на обед, а затем находили место за трибунами, где можно незаметно поспать. **Мы просыпались, когда массовку приглашали на обед, чтобы поесть вместе со всеми, а**

потом опять ложились спать и так дрыхли до вечера, а на выходе получали чек на сто долларов.

Мне нравилось быть самым непроизводительным статистом, и я старался устраиваться на съемки как можно чаще: в бесплатных обедах и послеобеденном отдыхе я ничего плохого не видел. Я с нетерпением ждал такой же работы, когда меня пригласили на кастинг фильма «Сид и Нэнси». Без нашего ведома директор по подбору актеров разыскал и пригласил каждого участника группы Guns N' Roses по отдельности. В первый день кастинга мы все там и встретились и очень удивились, типа: «О, привет... а ты что здесь делаешь?»

Было не очень-то весело. Скорее, эта работа напоминала заседание присяжных: там была куча статистов, но нас взяли всех впятером в сцену с концертом, где актеры, изображающие Sex Pistols, играют в каком-то маленьком клубе. На съемки нужно было приходить рано утром три дня подряд, а давали за них все тот же талон на питание и сотню долларов за день работы. Парни не выдержали трех дней. В конце концов, я один оказался достаточно жалок для того, чтобы остаться до конца.

Ну и черт с ними – а мне понравилось. Все три дня они снимали сцены концерта Sex Pistols в клубе «Старвуд», который я знал вдоль и поперек. Утром я приходил, отмечался и получал талон на еду, а затем исчезал в недрах «Старвуда» и напивался «Джим Бимом» в полном одиночестве. Остальные статисты старательно играли свою роль, изображая зрителей перед сценой, а я наблюдал за происходящим из тайного уголка на балконе, получая за это такую же зарплату.

Когда Guns стали клубной группой, с которой другим приходилось считаться, вокруг нас начало кружить несколько нелепых хищных лос-анджелесских менеджеров, которые утверждали, что смогут сделать из нас настоящих звезд. Мы тогда на время (и довольно по-доброму) расстались с Вики Гамильтон, поэтому были открыты для предложений, но большинство из тех, что мы получили, оказывались очень запоздалыми. Один из наиболее убедительных примеров того, как низко готовы пасть подобные типы, если мы совершим ту же ошибку, – Ким Фаули, менеджер с дурной славой, управляющий группой Runaways так же, как Фил Спектор – группой Ronettes; по сути, то была узаконенная форма кабального рабства. Ким говорил очень красивые слова, но в тот момент, когда он заговорил о процентах, которые хочет получать с продаж нашего творчества, и о долгосрочных обязательствах, нам стало ясно, что у него на уме. Чушь, которую он нес, и его поведение говорили сами за себя, потому что Ким был слишком странным, чтобы притворяться.

Тем не менее он мне нравился, и мне нравилось с ним развлекаться и тусоваться – до тех пор, пока он не подходил слишком близко. Мы все были одной крови: готовые воспользоваться любыми преимуществами из предложенных, без каких-либо обещаний. Аксель, например, общался до тех пор, пока разговор хоть чего-то стоил, потому что Аксель очень хорош в переговорах. Стивен приходил, если в деле были замешаны девочки. А мне нравилось получать бесплатные ужины, сигареты, выпивку и наркотики за счет Денни в обмен на долгие разговоры с ним. Как только факторы, привлекавшие нас в разговоре, исчезали, мы один за другим теряли интерес.

Ким познакомил нас с парнем по имени Дейв Либерт, который одно время служил гастрольным менеджером Элиса Купера и работал с Parliament-Funkadelic бог знает когда, и эти двое были полны решимости подписать с нами контракт и стать одной командой. Как-то вечером Ким повел меня в гости к Дейву, и Дейв, насколько я помню, показывал нам свои золотые пластинки. Он намекал на то, что на месте «золотых» групп могли бы быть и мы. Полагая, он намеревался соблазнить меня на контракт, пригласив двух девчонок. Они, правда, по возрасту годились ему в дочери и весь вечер ширялись спидами в ванной. В какой-то момент Дейв затащил меня к ним, и мне показалось, что они и понятия не имеют, что делают. Они были настолько неуклюжие, что мне хотелось отнять у них шприц и самому сделать им укол.

Дейв так старался, что прямо в этом невыносимом флуоресцентном свете ванной разделся до трусов и стал дурачиться с девчонками – которым было не больше девятнадцати – и звать меня присоединиться. Помню, я подумал, что из всех причин, почему эта сцена кажется такой грязной, освещение было ужаснее всего. Сама мысль о том, что этот парень будет менеджером нашей группы, и о Киме Фаули с коллекцией доисторических золотых пластинок чуть не заставила меня истерически рассмеяться ему прямо в лицо. **Это было бы профессиональным самоубийством еще до того, как нам стало бы что терять. В любом случае у нас не было бы ни единого шанса чего-то достичь, если менеджеры будут такими же развратными, как сама группа.**

Пока Guns репетировали, писали музыку и выступали, пытаюсь понять, кто же мы такие, я стал чаще выходить в свет. Внезапно на сцене появились группы, которых я ждал, потому что это говорило о том, что музыка наконец меняется. Уже были группы вроде Red Kross, в стиле глэм, но при этом довольно дерзкие, а на другом конце спектра располагались музыканты вроде Jane's Addiction, игравшие великолепно, и которых я уважал, но при этом не был с ними на одной волне. Мы давали совместные концерты с некоторыми из малоизвестных групп с претензией на искусство – помню в танцевальном зале «Стардаст», – но они никогда не оказывались удачными. Группы из этой тусовки не считали нас модными и рассматривали как глэм-группу из той части города, где находится клуб «Трубадур», хотя мы никогда такими не были. Чего эти группы не знали, так это того, что мы, вероятно, были гораздо более темными и зловещими персонажами. Не понимали они и того, что мы просто терпеть не могли своих коллег из другой части города.

На самом деле по мере роста нашей популярности мы стали соревноваться и с группами из «своей» части города. Мы никогда не упускали возможности вступить с ними в противостояние, но через какое-то время все, с кем мы играли, стали нас бояться, потому что Аксель заработал репутацию непостоянного музыканта, который в любой момент может сорваться. Несколько раз я был с ним, когда мы ввязывались в гребаные драки с совершенно незнакомыми людьми без какой-либо реальной причины, которую я хотя бы запомнил. С точки зрения Акселя, этому каждый раз была веская причина, но, насколько я мог судить, мы просто дрались с людьми на улице – буквально на улице, – потому что кто-то посмотрел на него не так или сказал что-то не то. Хотя, должен признаться... было чертовски весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.